

Бегство от реальности в гуманитарных науках

Иэн Шапиро

СЕРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ТЕОРИЯ

ВЫСШАЯ

ШКОЛА

ЭКОНОМИКИ

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

The FLIGHT
FROM REALITY
in the HUMAN
SCIENCES

IAN SHAPIRO

БЕГСТВО ОТ РЕАЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ИЭН ШАПИРО

Перевод с английского
ДМИТРИЯ УЗЛАНЕРА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2011

УДК 321.01
ББК 66.1
Ш23

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор

доцент философского факультета НИУ ВШЭ
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Ш23 Шапиро, И.

Бегство от реальности в гуманитарных науках [Текст] / пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 368 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0823-7 (в пер.).

В своей книге выдающийся американский политолог показывает, как развитие и усложнение методологического аппарата в современных общественных и гуманитарных науках привело к крайнему редукционизму в объяснениях и анализе. Автор резко критикует «бегство от реальности» в экономическом анализе права, формальном и статистическом моделировании, политической теории и «кембриджской школе» истории идей. В качестве альтернативы Шапиро предлагает проблемный подход к социальным исследованиям, основанный на реалистической философии науки, и иллюстрирует возможности такого подхода в своем анализе проблем власти, демократии, права, идеологии.

УДК 321.01
ББК 66.1

ISBN 978-5-7598-0823-7 (рус.)
ISBN 978-1-4008-2690-2 (англ.)

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any forms or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing by the Publisher.

© 2005 by Princeton University Press

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	11
ВВЕДЕНИЕ.	
СТРАХ ПЕРЕД РЕАЛЬНОСТЬЮ	24
I. ЧТО ДАЕТ РЕАЛИЗМ: СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА СОГЛАСИЯ	52
II. ПАТОЛОГИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА: ЕЩЕ ОДИН ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ	104
III. ПРАКСИС РИЧАРДА ПОЗНЕРА	182
IV. СОВОКУПНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ	267
V. ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ И ТЕОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ, ИЛИ В ЧЕМ ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ	311
VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ДИСЦИПЛИНА: КОММЕНТАРИЙ К ДЭВИДУ ЛЕЙТИНУ	352

Моим братьям метекам

БЛАГОДАРНОСТИ

Переделывая статьи, вошедшие в данный сборник, я сделал некоторые перекрестные ссылки между текстами более очевидными, кроме того, я обновил сноски и ряд примечаний, также мной были внесены некоторые незначительные изменения в сам текст. Помимо этого я оставил все в неизменном виде, хотя если бы данные статьи писались мной сегодня заново, то я бы непременно изложил некоторые вещи иначе.

Первоначальная версия первой главы, написанной в соавторстве с Александром Вендтом, впервые была опубликована так: *The difference that realism makes: Social science and the politics of consent* // *Politics and Society*. 1992. Vol. 20. No. 2. June. P. 197–224. Первоначальная версия четвертой главы была впервые опубликована так: *Gross concepts in political argument* // *Political Theory*. 1989. Vol. 17. No. 1. February. P. 51–76. Первоначальная версия пятой главы была впервые опубликована так: *Problems, methods, and theories in the study of politics, or What's wrong with Political Science and what to do about it* // *Political Theory*. 2002. Vol. 30. No. 4. August. P. 588–611. Авторское право на эти работы принадлежит издательству *Sage*, с чьего согласия данные работы здесь и воспроизводятся. Первоначальная версия второй главы, написанной в соавторстве с Дональдом Грином, впервые была опубликована так: *Pathologies revisited: Reflections on our critics* // *Critical Review*. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 235–276. Авторское право на эту статью принадлежит *Critical Review Foundation*, с чьего согласия она здесь и воспроизводится. Первоначальная версия третьей главы впервые была опубликована так: *Richard Posner's Praxis* // *Ohio State Law Journal*. 1987. Vol. 48. No. 4. December. P. 999–1047. Авторское право на эту статью принадлежит *Ohio State Law Journal*, с чьего согласия она здесь и воспроизводится. Оригинальный текст включал количественный анализ су-

дебных решений Познера по трудовому и антимонопольному законодательству в его бытность судьей седьмого окружного апелляционного суда с 1982 по 1987 г., в этом издании данный кусок был удален, так как у меня не было времени и ресурсов обновить представленные там данные. Первоначальная версия шестой главы впервые была опубликована так: *Intellectual diversity in political science: A comment on David Laitin* // E. D. Mansfield, R. Sisson (eds). *The Evolution of Political Knowledge: Theory and Inquiry in American Politics*. Columbus: Ohio State University Press, 2004. P. 47–53. Авторское право на эту статью принадлежит Университету штата Огайо, с чьего согласия она здесь и воспроизводится.

В своих различных формах главы данной книги обсуждались на множестве конференций, семинаров и круглых столов, они были улучшены благодаря комментариям коллег, число которых слишком велико, чтобы их всех можно было назвать. Они все знают свои заслуги. Однако с моей стороны было бы большим упущением не упомянуть Алекса Вендта и Дона Грина, моих уважаемых соавторов по первой и второй главам. Я очень многому у них научился и я очень ценю дух сотрудничества, которым они пропитаны. Можно и не упоминать про то, что ни один из них не несет никакой ответственности за те аргументы, которые предлагаются в остальных частях данной книги, с этими аргументами они вполне могут быть не согласны. Также следует упомянуть двух рецензентов из издательства Принстонского университета, энтузиазм которых относительно данной работы был оценен мной не меньше, чем тот перечень замечаний, который был ими представлен для улучшения качества текста. Кроме того, я должен упомянуть Яна Малкольма как за его резкие содержательные замечания, так и за курирование процесса издания вплоть до печати. Издательская, исследовательская и офисная поддержка самого высокого уровня была получена мной от Номи Лазара, Лауры Лори и Элис Кустенбаудер. Я благодарен им всем.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я рад появлению моей работы «Бегство от реальности в гуманитарных науках» на русском языке. Не меньше этого я рад возможности предварить издание новым предисловием. Наиболее важной тенденцией последних пяти лет, прошедших со дня публикации английского издания, тенденцией, которая вне всяких сомнений подтверждает основную идею книги, стал мировой финансовый кризис. Кризис начался осенью 2008 г. и ему еще только предстоит пройти весь цикл.

Когда я говорю о верности основной идеи книги, я ни в коем случае не имею в виду тот факт, что кризис не был предсказан никем из западных экономистов, представляющих основное течение экономической науки. В пятой главе книги указывается, что предсказание конкретных событий — это необыкновенно завышенный стандарт для большинства социальных наук. Если сужать исследовательскую повестку до того, что может быть предсказано, тогда есть все шансы угодить в ловушку ориентации на метод, что просто по определению вынудит нас изучать банальнейшие проблемы. Поэтому когда я утверждаю, что события финансового кризиса оправдывают основную идею работы, я имею в виду следующие две вещи. Первая — удивление экономистов по поводу того, что их теории не смогли дать им ни инструментов для понимания кризиса, ни средств свести его на нет, раз уж он успел начаться. В октябре 2008 г. бывший председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен в своем докладе комитету Конгресса США по правительственной реформе и контролю сказал: «Те из нас, кто надеялся на эгоизм кредитных учреждений как на средство защиты акционеров, в том числе и меня самого как одного из акционеров, оказа-

лись в ситуации шока, мы отказывались верить происходящему»¹.

То был не первый раз, когда Гринспен допустил чудовищную ошибку. Весной 2001 г. он поддержал планы администрации Буша, касавшиеся массовых сокращений налогов, на том основании, что без них США не смогут выполнить свои обязательства по государственному долгу. Четыре года спустя он и целый ряд его коллег были вынуждены признать, что «они ошиблись, ожидая притока триллионов долларов, которые так никогда и не материализовались»². Можно было бы ожидать, что прежние неудачи Гринспена умерят его самоуверенность или как минимум заставят окружающих более скептически относиться к его прогнозам, однако статус Гринспена как гуру так и остался непоколебимым. Долг федерального правительства был списан на непредвиденные факторы, например, на неожиданно высокие издержки иракской кампании. И это несмотря на то, что профицит в 236 миллиардов долларов, который Буш унаследовал от президента Клинтона в 2000 г., в 2001 г. — как раз в год сокращения налогов — сократился до 128 миллиардов. Профицит в следующем году уже стал дефицитом в 157 миллиардов, к моменту начала войны в 2003 г. этот дефицит успел удвоиться³. Любой разумный человек должен поинтересоваться, имели ли аргументы Гринспена, касавшиеся сокращения налогов, хоть какое-то отношение к реальности.

¹ Greenspan concedes error on regulation// New York Times. 2008. October 23. http://www.nytimes.com/2008/10/24/business/economy/24panel.html?_r=1&scp=1&sq=october%2008%20greenspan&st=cse [10-26-2010].

² Andrews E. Greenspan defends his support for tax cuts// New York Times. 2005. March 16. <http://www.nytimes.com/2005/03/16/politics/16fed.html?scp=1&sq=2001+greenspan+large+surplus&st=nyt> [10-26-2010].

³ Данные взяты из сведений, предоставленных Административно-бюджетным управлением Белого дома в 2010 г. <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals/> [10-26-2010].

Отчасти подобная самоуверенность может быть объяснена высокомерием, рожденным упоением властью. Это высокомерие достигло своего апофеоза в начале президентства Джорджа Буша. Старший советник Буша, отвечая журналисту Рону Саскинду в 2002 г. на вопрос о фактических основаниях планируемого вторжения в Ирак, заявил буквально следующее: «Отныне мы — империя, и когда мы действуем, мы создаем свою собственную реальность»⁴. Администрация, опьяненная властью, может верить в нечто подобное вплоть до дня неминуемой расплаты. И, похоже, эта расплата порой может откладываться на достаточно продолжительный срок. Что касается войны в Ираке, то к ноябрю 2004 г. уже всем было известно, что никакого оружия массового поражения в Ираке не было, что Саддам Хусейн никак не связан ни с Аль-Каидой, ни с событиями 11 сентября и, главное, что предсказания простой, быстрой и дешевой победы (вся операция, как предполагалось, должна была закончиться летом 2003 г. и быть оплачена из той прибыли, которую страна получит от иракской нефти), как оказалось, не имели никакого отношения к реальности⁵. Но, несмотря на это, а также несмотря на суровые фискальные условия, президент Буш все же выиграл ноябрьские выборы, получив комфортное для себя большинство, а республиканцы усилили свои позиции в Конгрессе. Похоже, Джон Локк был прав, когда писал, что лишь «длинный ряд злоупотреблений, правонарушений и хитростей, направленных к одному и тому же», способен привести ко дню расплаты⁶.

⁴ *Suskind R. Faith, certainty and the Presidency of George W. Bush // New York Times Magazine. 2004. October 17. <http://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/17BUSH.html> [10-26-2010].*

⁵ См.: *Shapiro J. Containment: Rebuilding a Strategy against Global Terror. Princeton University Press, 2007.*

⁶ *Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. и лат. // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. Пар. 225. С. 393.*

Когда день финансовой расплаты наконец-то наступил, то как минимум отчасти удивление ведущих деятелей администрации, а также членов истеблишмента могло быть объяснено тем, что, несмотря на целый ряд очевидных фактов, все они пали жертвами собственной риторики. Ситуация вновь не сильно отличалась от ситуации войны, когда огромное число критиков из спецслужб высказывало сомнения относительно наличия оружия массового поражения в Ираке: мнения этих людей были проигнорированы. Но когда оказалось, что они правы, то те средства, которыми их оттеснили на второй план в процессе информационной подготовки к войне, оказались забытыми и преуменьшенными⁷. В случае финансового кризиса механизм был несколько иным, однако результат был тем же самым. Скептиков, предупреждавших о пузырях в сфере рынка акций и недвижимости, просто игнорировали⁸. Но еще даже более важным фактором стало то, что регулирующие инстанции оказались лишены важнейшей информации, необходимой для их полноценной работы. В финансовом секторе правительства контролирующие органы сами оказались заложниками тех интересов, которые они должны были регулировать. В результате лисы получили все ключи от курятников. Достаточно ироничная ситуация в свете той критики, которая в то время раздавалась в адрес России: мол, российские олигархи обладают большей властью, чем само российское государство.

Степень деконструкции в США служб, регулирующих финансовый рынок, в годы, предшествовавшие кризису 2008 г., известна достаточно хорошо. Наверное, наиболее впечатляющая иллюстрация этого — Управление надзора за сберегательными учреждениями (УНСУ). Несмотря на кризис сбережений и займов

⁷ См.: *Containment*. P. 15–101.

⁸ См.: *Shiller R. Irrational Exuberance*. 2nd ed. Princeton University Press, 2005.

1980-х гг., а также несмотря на банкротство крупных сберегательных учреждений, находящихся под контролем этого Управления в новом тысячелетии, в те годы, которые непосредственно привели к коллапсу 2008 г., УНСУ вело себя скорее как лоббист, чем контролер банков-заемщиков. Завися от тех гонораров, которые выплачивали регулируемые им компании, УНСУ фактически охотилось за клиентами, обещая — и исполняя свои обещания — пресловутый отказ от любого вмешательства. Крупнейший в Америке ипотечный заемщик, Countrywide Financial, обратился к УНСУ в марте 2007 г. для того, чтобы избавиться от надоедливых регулирующих инстанций, — это произошло за пять месяцев до того, как данную компанию вынудили взять в долг 11,5 миллиардов долларов в тщетной попытке остановить ее обрушение⁹. К концу 2008 г. сберегательные учреждения, регулируемые УНСУ и контролирующие 356 миллиардов долларов, обвалились, а правительство наложило арест на три крупнейших компании, находившихся под надзором Управления, включая Washington Mutual, на тот момент крупнейший американский банк из тех, что когда-либо терпели крах¹⁰.

В 2004 г. глава Goldman Sachs Генри Полсон-младший возглавил делегацию инвестиционных банкиров, которые попытались убедить Комиссию по ценным бумагам и биржевым операциям в том, что их можно освободить от требования создания резервного капитала. Свою позицию банкиры мотивировали тем, что активы свыше пяти миллиардов долларов позволяют защищать интересы инвесторов своими силами. В от-

⁹ *Bajaj V.* Countrywide Financial borrows \$11.5 billion to shore up cash // *New York Times*. 2007. August 17. <http://www.nytimes.com/2007/08/17/business/worldbusiness/17iht-mortgage.1.7152315.html> [06-30-2009].

¹⁰ *Appelbaum B., Nakashima E.* Banking Regulator Played Advocate Over Enforcer // *Washington Post*. 2008. November 3. [06-30-2009].

вет они пообещали раскрыть свои балансовые отчеты перед чиновниками из Комиссии. Однако в ситуации, когда на активы в четыре триллиона долларов приходилось только семь инспекторов, работавших в офисе без всякого директора, едва ли стоит удивляться, что никаких проверок так и не случилось. Аж в марте 2008 г., когда Полсон уже стал министром финансов США, председатель Комиссии Кристофер Кокс заверил Конгресс, что Комиссия спокойна относительно финансовой подушки безопасности основных инвестиционных банков. Шесть месяцев спустя банк *Lehman Brothers* объявил о своем банкротстве, прочие крупные инвестиционные банки оказались на грани того, чтобы захлебнуться в потоке токсичных ипотечных займов. Их пришлось спасать многомиллиардными долларовыми вливаниями из федерального бюджета, призванными не допустить системной катастрофы¹¹. При этом, если менеджеры промышленных компаний, например *Chrysler* или *General Motors*, потеряли свои места, то инвестиционных банкиров этот удар никак не коснулся — они сохранили как свои рабочие места, так и бонусы. Создается впечатление, что их власть просто непоколебима¹².

В 1988 г. Адам Пшеворский и Майкл Валлерстайн исследовали структуру зависимости государства от капитала. Они утверждали, что в капиталистических демократиях даже популистским правительствам, обладающим широким народным мандатом, приходится умерять налоговые сборы, а также осаждать регулирую-

¹¹ *Labaton S.* The Reckoning: Agency's '04 Rule Let Banks Pile Up New Debt // *New York Times*. 2008. October 3. <http://www.nytimes.com/2008/10/03/business/03sec.html> [06-30-2009].

¹² См.: *Bank bonuses bigger than ever, in the spotlight* // *New York Times*. 2010. January 10. <http://dealbook.blogs.nytimes.com/2010/01/10/banks-prepare-for-bigger-bonuses-and-publics-wrath/> [09-28-2010]; *Scheer R.* The Great American Stick-up: How Reagan Republicans and Clinton Democrats Enriched Wall Street While Mugging Main Street. Nation Books, 2010.

щие органы. Это вынужденные меры для того, чтобы предотвратить саму возможность забастовки капитала, способной сделать страну неуправляемой¹³. Снижение контроля за капиталом по всему миру в следующие два десятилетия стало означать, что отныне аналогом угрозы забастовки капитала становилась угроза утекания капитала. Однако финансовый кризис 2008–2010 гг. показал, что сам финансовый капитал может представлять для страны даже еще большую угрозу, чем его исход из экономики. Поспоспобствовав созданию системы, в которой политическое выживание неразрывно связано с оказанием банкам финансовой помощи, эти самые банки после начала кризиса смогли приставить стволы к головам политиков и диктовать свои условия.

Во время каждого из пиков кризиса западные политические лидеры оказывались перед лицом фактически выбора Гобсона¹⁴: либо дать финансовому сектору денег, либо нести ответственность за финансовый катаклизм, который потенциально грозит новой депрессией. Так, в мае 2010 г. мы стали свидетелями немыслимого: канцлер Германии Ангела Меркель совершила электоральный суицид, заставив немецких налогоплательщиков через банки Германии выступить гарантом долгов Греции, когда эта страна оказалась на пороге дефолта, угрожавшего уничтожить зону евро и спровоцировать дефолты в прочих экономиках Южной Европы, что могло стать угрозой выживания всего Ев-

¹³ Przeworski A., Wallerstin M. Structural dependence of the state on capital // American Political Science Review. 1988. Vol. 82. No. 1 P. 11–29.

¹⁴ Крылатое выражение «Выбор Гобсона» символизирует отсутствие выбора, а точнее — выбор между чем-то одним и вообще ничем. Фраза берет свое происхождение в деятельности реального человека Томаса Гобсона (1544–1630), владельца конюшни в Кембридже. Гобсон давал лошадей напрокат, предлагая своим клиентам выбрать коня, находившегося ближе всего к дверям, или не брать никакого коня вообще. — *Примеч. науч. ред.*

ропейского Союза¹⁵. Заключительной главе этой саги еще только предстоит быть написанной, однако пока несомненно одно: лидеры основных западных правительств не имеют ни малейшего представления о степени своей зависимости от игроков, захвативших контроль над инвестиционной политикой основных банков. Пока правительства просто плыли по течению, пребывая в благой уверенности, что их несет беспрецедентная волна перманентного беспрецедентного экономического благосостояния. Они наивно доверились мифу о том, что циклы надувания и лопания экономических пузырей, не раз случавшиеся в прошлом, канули в лету. При этом у них нет ни малейшей идеи относительно того, что они будут делать, когда прилив — а это было неизбежно — все же отхлынет¹⁶.

Можно было подумать, что как только кризис несколько поутихнет, сам размах коллапса заставит западных политиков вернуть себе хотя бы часть той власти, которая была ими отдана финансовым институтам в прошлом десятилетии. Однако на момент конца 2010 г. в этом направлении был проделан лишь самый минимум работы. Учитывая, что ученые экономисты не смогли оказать ни малейшей помощи ни в понимании кризиса, ни в реакции на него, правительства западных стран осознали свою полную зависимость от архитекторов кризиса, оказалось, что только последние могут помочь с ним справиться¹⁷. Коллапси-

¹⁵ См.: German banks have big investment in Greece // New York Times. 2010. April 28. <http://dealbook.blogs.nytimes.com/2010/04/28/german-banks-have-big-investment-in-greece/> [09-28-2010]; Connolly K. Angela Merkel punished by voters for dithering over Greek bailout // The Guardian. 2010. May 9. <http://www.guardian.co.uk/business/2010/may/09/angela-merkel-german-regional-election> [09-28-2010].

¹⁶ См.: Shapiro I. The Real World of Democratic Theory. Princeton University Press, 2011. P. 1–19.

¹⁷ Примечательным исключением из этой тенденции может быть назван анализ рычаговых циклов и способов

ровавшие рынки деривативов, а также сотни миллиардов долларов, выделенные на секьюритизацию долговых обязательств, не до конца понимались даже теми людьми, которые непосредственно их создавали. Однако у правительств не было выбора — им пришлось работать с этими людьми: все прекрасно знали, что случившаяся катастрофа, во многом спровоцированная ими, ничуть не лишила их власти.

С начала 2009 г. лобби инвестиционных банков в США предприняло целый ряд масштабных усилий (которые почти увенчались успехом), призванных пробить брешь в планах администрации Обамы по регулированию инвестиционного банковского дела. Банкам так и не удалось свести новое законодательство на нет, однако они смогли его ослабить. В частности, они добились того, что многие из самых спорных вопросов, касающихся наиболее рискованного поведения банков, считающихся слишком крупными, чтобы потерпеть крах, будут отданы на откуп регулирующим органам¹⁸. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: в самом скором времени эти органы

их управления, предложенный Джоном Геанакоплосом. См.: *Geanakoplos J. The leverage cycle // Yale University Cowles Foundation Discussion Paper. 2009. No.1715. July. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1441943 [10-31-2010]; *Fostel A., Geanakoplos J. Leverage Cycles and the Anxious Economy // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 4. P. 1211–1244; Solving the present crisis and managing the leverage cycle // Yale University Cowles Foundation working paper. 2010. January. No.1751. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1539488 [10-31-2010].* К сожалению, рекомендации Геанакоплоса были по большому счету проигнорированы.*

¹⁸ См.: *Popper N. Banks step up spending on lobbying to fight proposed stiffer regulations // Los Angeles Times. 2010. February 16. <http://articles.latimes.com/2010/feb/16/business/la-fi-bank-lobbying16-2010feb16> [08-26-2010]; *Dennis B., Mufson S. Banks lobby against financial regulatory overhaul // The Washington Post. 2010. March 18. <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/03/18/AR2010031805370.html> [08-26-2010].**

станут объектами жестоких лоббистских кампаний, призванных полностью нивелировать регулирующее законодательство, как это уже имело место в случае с УНСУ и Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям в годы, предшествовавшие кризису. После того как закон о регулировании банковского дела был принят Конгрессом в 2010 г., я спросил у пайщика одного крупного инвестиционного банка следующее: значит ли это, что отныне банку придется уйти из бизнеса, связанного с торговлей собственностью (этот бизнес был непосредственно связан с финансовым крахом)? Его ответ был таким: «Через пять лет выяснится, сможем ли мы справиться с этой частью закона». При этом он был готов биться о заклад, что им все удастся. Учитывая, насколько быстро были забыты кризис займов и сбережений 1980-х гг., а также свои работы сберегательных учреждений 2000-х гг., достаточно трудно поверить в то, что его оптимизм не имеет под собой никаких оснований.

Вторая мысль, которую я имею в виду, когда утверждаю, что основная идея «Бегства от реальности» подтверждается нынешним финансовым кризисом, заключается в том, что случившиеся события не оказали никакого влияния на академическое сообщество. Я не предпринимал никаких систематических исследований данного вопроса, однако мой бессистемный поиск так и не позволил мне обнаружить ни одного примера, когда бы крупный университет переосмыслил в результате кризиса свою программу по экономике. Если не считать нескольких спорадических выступлений студентов, западные университеты продолжают делать привычный для себя бизнес¹⁹. То же

¹⁹ Одно из таких выступлений случилось в Беркли осенью 2010 г. Однако жалобы студентов на программу курса по экономике были встречены членами факультета с абсолютным равнодушием. См.: [http://anticap.wordpress.com/2010/10/25/jamming-neoclassical-economics/\[10-31-2010\]](http://anticap.wordpress.com/2010/10/25/jamming-neoclassical-economics/[10-31-2010]). Подобное беззубое повторение 1960-х заставляет вспо-

самое верно и в отношении программы по политической науке — здесь я также не смог обнаружить никаких свидетельств переработки курсов, посвященных регулированию или государственным финансам. Внимательно изучив последние выпуски таких изданий, как «American Economic Review» или «American Political Science Review», я так и не нашел там ничего нового в методическом или содержательном плане, сильно отличающегося от докризисной повестки. Так что мне как никогда очевиден практически полный отрыв академических дисциплин, составляющих гуманитарные науки, от объекта их изучения. Собственно, об этом я и писал в своем введении к работе «Бегство от реальности». Особенно этот отрыв шокирует в свете ужасных провалов данных дисциплин — даже в их собственных понятиях — на фоне разразившегося экономического кризиса. На ум сразу же приходят замечания Гоббса о пустячных бормотаниях схоластов²⁰.

Возможно, мои слова покажутся кому-то излишне суровыми (особенно в отношении экономики). Как было замечено мной в работе «Бегство от реальности», в последние годы целый ряд экономистов начал ставить под сомнение некоторые из допущений неоклассической экономики. В частности, все больше нареканий вызывают допущения, касающиеся человеческой психологии. Главное проявление данной тенденции — развитие так называемой бихевиоральной экономики, сторонники которой избегают стандартных представлений о рациональности и пытаются строить экономические обобщения на основе при-

мнить комментарий Маркса к словам Гегеля о том, что история повторяется дважды: «Первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». *Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч.: в 50 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 8.*

²⁰ *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. Гл. 4.*

стального изучения того, что же на самом деле делают люди. Роберт Шиллер, один из немногих экономистов, предсказавших кризис, принадлежит именно к этому лагерю. Однако коллеги Шиллера, похоже, впечатлены его успехами меньше, чем массмедиа, не влияющие на происходящие события. На одной из недавних конференций я слышал шутку о том, что Шиллер предсказал девять из трех последних рецессий.

Как мной уже было указано, нам не следует особенно увлекаться прогнозами, однако это не означает отказ от теории. По причинам, которые были изложены в пятой главе, бихевиоральные исследования, не опирающиеся на теорию, рискуют оказаться исследованиями, ориентированными на метод. Подъем бихевиоральной экономики указывает на необходимость развития иной, более комплексной концепции человеческой психологии, чем та, что лежит в основе стандартных неоклассических моделей. Но, к сожалению, дисциплина психология пока не очень-то сильно может нам в этом помочь. Несмотря на многообещающие исследования, касавшиеся когнитивных ограничений, теории перспектив, рамочных эффектов, уходящие своими корнями в конец 70-х гг. XX века²¹, в последние годы основными направлениями в психологии — это находит свое отражение в кадровой политике и инвестициях в основных академических институтах — становятся направления, связанные с нейронаукой. Огромные ресурсы вкладываются в установление каузальных связей между психологическими аттитудами, например, предпочтениями того или иного кандидата, и физиологическими измене-

²¹ См.: *Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. March. P. 263–292; The framing of decisions and the psychology of choice // Science. 1981. Vol. 211. No. 4481. January. P. 453–458; Tversky A., Kahneman D., Stovic P. Judgment Under Uncertainty. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.*

ниями в человеческом мозгу²². На мой взгляд, вероятность получить в результате подобных исследований полезные знания о психологии человека сопоставима с вероятностью получить полезные знания о ежедневных колебаниях температуры в Нью-Хейвене на основе изучения химических особенностей Солнца²³.

Дело вовсе не в том, что химические особенности Солнца и погода в Нью-Хейвене никак друг с другом не связаны. В конечном счете, не будь Солнца, не будет и никакой погоды в Нью-Хейвене. Скорее, мой тезис таков: связь между двумя элементами столь косвенная, она опосредована таким количеством комплексных процессов, которые мы понимаем лишь очень приблизительно, что ни один здравомыслящий человек никогда не сделает ставку на успех подобного предприятия. Те феномены, которые мы пытаемся понять при изучении политики и экономики, зависят от факторов, находящихся к ним куда ближе, чем химические особенности Солнца к колебаниям погоды в Нью-Хейвене. Короче говоря, экономика действительно нуждается в новой теории человеческой психологии, призванной помочь данной науке спуститься с небес на землю. Однако если сами психологи организуют собственное бегство от реальности, значит, они едва ли способны принести экономике хоть какую-то пользу.

*Нью-Хейвен, Коннектикут
Ноябрь 2010*

²² См.: Kaplan J. T., Freedman J., Iacoboni M. Us versus them: Political attitudes and party affiliation influence neural response to faces of presidential candidates // *Neuropsychologia*. 2007. Vol. 45. P. 55–64.

²³ См.: Shulman R., Shapiro I. Reductionism in the human sciences: A philosopher's game // C. Mantzavinos (ed.). *Philosophy of the Social sciences*. Cambridge University Press, 2009. P. 124–129.

Введение

Страх перед реальностью

В средневековой Англии существовал любопытный разрыв между изучением права и юридической практикой. С XIII по XVII век основным языком, использовавшимся при обращении в суды общего права, был старофранцузский. Это было вызвано тем, что латынь, язык официальных документов, была слишком сильно увязана с римским правом, чтобы она могла учитывать все нюансы английской действительности; средневековый английский, в свою очередь, был недостаточно стандартизирован для подобных дел. Старофранцузский был гибридным диалектом, обязанным больше влиянию пикардского и анжуйского диалектов, чем норманнскому французскому: в нем французский словарь сочетался с правилами английской грамматики. Специалисты по общему праву разработали его для своих судебных нужд, передавая данный язык из поколения в поколение¹.

Развивающийся профессиональный жаргон судов общего права не оказывал практически никакого влияния на академическое изучение права. Языком юриспруденции в Оксфорде и Кембридже был латинский, и профессора права не считали для себя нужным учить старофранцузский, хотя это вполне могло быть сделано дней за десять. Как объясняет Фортеस्कью, отчасти это могло быть связано с тем, что латинский был языком науки как таковой². По мнению Блэкстоуна,

¹ См.: Baker J. H. The Three Languages of the Common Law // McGill Law Journal. 1998. Vol. 43. January. P. 5–24.

² Fortescue J. De Laudibus Legum Anglie / S. B. Chrimes (ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1942 [c. 1460]. P. 114.

причина в том, что гражданское право — преподаваемое и изучаемое на латыни — появилось в университетах и монастырях после норманнского завоевания, но его отказывались принимать в судах³. Как пишет об этом историк Дж. Г. Бейкер, может быть, английское право мыслилось недостаточно космополитическим, чтобы его можно было изучать всерьез⁴. Но какой бы ни была причина, ясно одно: английская юридическая наука развивалась в условиях полного невежества относительно практики английского права.

Подобный раскол наблюдается и в современных гуманитарных науках⁵. В одной дисциплине за другой бегство от реальности становится столь всеобъемлющим, что ученые практически полностью упускают из вида то, что по идее должно быть предметом их изучения. Это касается ориентированных на количественные и формальные исследования социальных наук, которые принципиально сосредотачиваются на каузальных объяснениях. Вслед за экономикой они моделируют себя с оглядкой на физику или на стилизованную версию того, что, по общему мнению, происходит в физике. Но это касается и многих интерпретативистских подходов, на которые сильно повлияли модные тенденции в гуманитарных науках, в особенности лингвистический поворот в философии и некоторые тенденции в литературной герменевтике. Исследователи нередко позиционируют себя как занимающихся ин-

³ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Chicago: University of Chicago Press, 1979 [1765]. Vol. I. P. 16–32.

⁴ Из личной переписки.

⁵ В оригинале Иэн Шапиро использует термин «human sciences», способный объединить в себе как social sciences, то есть социальные науки, так и humanities, то есть науки гуманитарные. Точнее было бы переводить human sciences как «науки о человеке», но в виду экзотичности данного понятия в отечественной академической традиции было принято решение заменить его более привычным понятием «гуманитарные науки». — *Примеч. перев.*

терпретацией в противовес объяснению, тем самым они увековечивают ложную дихотомию. С этим связано мое употребление термина «гуманитарные науки», призванного охватить оба подхода. Данная книга представляет собой попытку зафиксировать степень отрыва данных наук от реальности и постараться что-то противопоставить такому положению дел.

С самого начала мне бы хотелось отметить, что я не считаю разрыв с реальностью обусловленным какой-то одной причиной или каким-то единственным источником. Скорее, он является результатом близких друг другу процессов, нередко усиливающих друг друга. Часть причин касается интеллектуальной сферы, они связаны с колебаниями академической моды. Часть — сферы институциональной, они отражают структуру академического сообщества, а также структуру стимулов к совершенствованию в век истощенных парадигм и углубляющейся специализации. Все это может быть усилено извращенным стремлением к точности, когда страх казаться недостаточно научным сеет среди молодых исследователей страх остаться верным реальности. Другая часть причин носит политический характер в самом широком смысле этого слова, их суть во взаимоотношениях между обособленными гуманитарными науками и воспроизводством общественного и политического порядка. Как мы увидим, отрыв от реальности не проходит для самой реальности бесследно. В лучшем случае он маргинализирует возможные эффекты политической и социальной критики, в худшем вносит — пусть и непреднамеренно — свой вклад в упрочение деспотических общественных отношений.

С рассмотрения данной проблемы я и начну свою книгу. Об этом пойдет речь в первой главе, написанной мной в соавторстве с Александром Вендтом. Мы обозначим недостатки эмпирических и интерпретативистских методов социального исследования, указав на то, как они искажают получающиеся результаты; в качестве альтернативы нами будет предложен реалистиче-

ский подход. Вместо абстрактного рассмотрения проблемы мы подойдем к ней через анализ конкретного феномена, который в гуманитарных науках всегда привлекал к себе повышенное внимание, — я имею в виду изучение согласия. Эмпиризм, как он здесь понимается, подразумевает два различных подхода к социальному исследованию, и оба берут свое начало в мысли Дэвида Юма. Первый мы обозначим как *логицизм*, тем самым указав на то, что его сторонники разделяют тезис, прославленный Карлом Гемпелем: хорошие объяснения — это фундированные дедуктивные суждения. Для логицистов каждая гипотеза является научной лишь постольку, поскольку она может быть выведена из общей теории. Подобные теории зачастую опираются на упрощенные допущения или даже на такие «как будто бы» допущения, которые с эмпирической точки зрения отнюдь не являются обоснованными.

Эти теории принято защищать потому, что они позволяют делать хорошие прогнозы относительно эмпирической реальности. В принципе, звучит разумно, однако на практике логицисты нередко формулируют свои тезисы настолько общо, что те оказываются совместимыми с любыми эмпирическими результатами — по сути, эмпирический мир превращается в эпифеномен по отношению к теории. В своем тексте мы показываем, как логицизм на практике искажает изучение согласия: теоретики согласия как рационального феномена пытаются как-то учесть случаи явных аномалий, делают они это путем быстро состряпанных переописаний, подгоняющих аномалии под облюбованные ими теории. Такой подход оправдан для теоретиков раннего Просвещения, ведь для них — об этом мне уже приходилось писать — отличительной чертой науки является точность, поэтому существование контрпримеров недопустимо⁶. Одна-

⁶ См.: Шаниро И. Моральные основания политики /пер. с англ. под ред. В. С. Малахова. Гл. I. М.: КДУ, 2009.

ко если мы возьмем взгляды представителей зрелого Просвещения, то их видение науки допускает корректирование знания, оно опирается на предпосылки о том, что ученые не станут принимать гипотезу всерьез, если она не может быть фальсифицирована и если условия этой фальсификации не могут быть определены заранее. Таким образом, ирония заключается в том, что, хотя современные логицисты и мыслят себя в качестве единственных представителей строгой социальной науки («Если у тебя нет теории, то у тебя нет ничего!» — так мне описал свою позицию один из логицистов), на самом деле они оказываются приверженцами таких воззрений на науку, которые большинство практикующих ученых уже многие столетия не воспринимают всерьез.

Другими пасынками Юма, рассматриваемыми в первой главе, являются эмпирики особого рода: в 50–60-х гг. XX века они получили известность как бихевиоралисты. Зачастую скептически относясь к беспримерным теоретическим амбициям логицистов, эти эмпирики солидаризировались с тезисом Юма о том, что знание коренится в наблюдении за событиями и что каузальное знание заключается в наблюдении за регулярно повторяющимися сцепками явлений. Если уверенность логицистов вытекает из дедуктивных отношений посылок и следствий из них, то эмпирики обращаются за гарантиями к наблюдению. На примере исследований власти в политической науке мы показываем, как подобная предвзятость приводит к игнорированию факторов, принуждающих людей к якобы добровольному поведению. Среди этих факторов можно выделить тайные манипуляции с повесткой дня, структурирующие людское восприятие альтернатив, а также прямое влияние на их предпочтения. Внимание к наблюдаемому поведению мыслилось как корректирование теорий элит, выдвинутых Газта-но Москвой, Робертом Михельсом, Вильфредо Парето и Чарльзом Райтом Миллсом. Последние обращались

с наблюдаемым поведением достаточно бесцеремонно, они либо игнорировали его, либо нивелировали всякое расхождение между ним и тем, что Михельс называл «железным законом» олигархических тенденций. Как это ни иронично, но бихевиоралисты в конечном счете пришли к точно такому же ориентированному на метод подходу: сфера наблюдаемого поведения стала считаться единственной подлежащей учету сферой при осмыслении согласия.

Если бихевиоралисты искажают исследование одним способом (в пользу сферы феноменального), то сторонники интерпретации — другим. Под интерпретативизмом я понимаю исследовательскую стратегию, которая вошла в моду в гуманитарных науках в 1970-х гг. во многом по причине общего разочарования в различных не оправдавших себя редукционистских программах. Наиболее ярким примером такой утратившей престиж программы был марксизм, получивший дурную славу в силу своей неспособности объяснить основные политические процессы XX века. Вместо пробуждения революционного социалистического пролетариата развитые капиталистические страны пережили подъем национализма и укрепление консерватизма среди рабочего класса, не говоря уже о нацизме в Германии и фашизме в Италии. Коммунисты пришли к власти либо в крестьянских обществах, например, России или Китае, что противоречило прогнозам Маркса, либо их власть была навязана Советским Союзом после Второй мировой войны. В любом случае к 50-м гг. стало очевидным: практика коммунизма покоилась в лучшем случае на гротескных искажениях принципов марксизма.

В последующие десятилетия попытки реабилитировать марксизм перед лицом безнадежно упрямой реальности породили куда больше шума, чем ясности. Одной из побудительных причин принять интерпретативный поворот было желание вырваться из сектантских споров о том, как спасти материализм

Маркса (не помогали тут никакие утверждения о том, что марксизм верен лишь «по большому счету») ⁷. Интерпретативный поворот подразумевает рассмотрение артикулированных убеждений и идей как базовых единиц человеческого взаимодействия. Эти убеждения и идеи рассматриваются не как эпифеномены базиса, которые следует понимать через их связь — пусть и окольную — с «подлежащим» материальным базисом. Скорее, если использовать одно из расхожих выражений того времени, они конституируют реальность — или как минимум реальность человеческого общества — посредством языка. Согласно такой позиции социальная реальность — это реальность лингвистическая. Когда люди постулируют обязательства или заключают общественные договора, они делают это посредством языка, а не каких-то иных мер, которые затем описываются с его помощью. Понимание социальной реальности означает понимание тех лингвистических процессов, которые приводят к ее появлению.

Интерпретативный поворот был связан с подъемом философии обыденного языка, обычно ассоциируемым с поздним Л. Витгенштейном и Дж. Л. Остином (1950-е гг.), а также с развитием литературной герменевтики, когда понимание социальных процессов моделируется по принципу интерпретации текстов ⁸. Отсюда оставался лишь небольшой шаг до по-

⁷ Так выразился Луи Альтюссер в одной из своих работ: *Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. Lenin and Philosophy, and Other Essays* / Ben Brewster (transl.) New York: Monthly Review, 2001. P. 127–188. Также см.: *Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация* // Л. Альтюссер. *За Маркса* / пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. С. 127–186. Полемику см.: *Thompson E. P. The Poverty of Theory or an Orrery of Errors* // *The Poverty of Theory and Other Essays*. New York: Monthly Review Press, 1978. P. 1–210.

⁸ *Витгенштейн Л. Философские исследования* // Л. Витгенштейн *Философские работы* / пер. с нем. М. С. Козловой. М.:

зиции, согласно которой общество следует понимать как текст, смысл которого лучше всего постигать путем изучения переплетений лингвистических конвенций, внутри которых социальные акторы действуют как коллективные авторы. Мы, по меткому выражению Фредрика Джеймисона, оказываемся заключены в дом/тюрьму языка, отсюда следует, что лингвистическую реальность нужно постигать изнутри, а не предаваться бесплодным фантазиям о прорыве сквозь нее⁹. Разные теоретики имели разные представления о том, как подобное постижение может быть реализовано на практике, однако все они сходились в одном: следует прояснять социальные смыслы путем изучения лингвистических конвенций («языковых игр», по выражению Витгенштейна), в границах которых вынуждены оперировать люди. Социальная реальность вытекает из конвенциональной лингвистической практики, ключ же к пониманию этой реальности лежит в восстановлении конвенций, что позволяет увидеть, как именно их используют люди, действуя в социальном пространстве.

В одной из своих работ я уже рассматривал вклад интерпретативного поворота в историческое изучение политической теории, делал я это путем рассмотрения контекстуалистских теорий Кембриджской школы истории политической мысли — Джона Дана, Джона Поукока и Квентина Скиннера¹⁰. Что касается их подхода к изучению текстов в рамках истории идей, то он похвален. В частности, их тезис

Гнозис, 1994; Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Дж. Остин. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

⁹ См.: Jameson F. The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1974.

¹⁰ Shapiro I. Realism in the Study of the History of Ideas // History of Political Thought. 1982. Vol. 3. No. 3. November. P. 535–578.

о том, что знание контекста существенно для понимания автора, представлял собой значимую корректировку методологий, рекомендовавших для достижения понимания вновь и вновь перечитывать текст. Конечно, некоторые контекстные прочтения спорны, но все же едва ли можно усомниться в том, что подобная методология внесла важные корректировки в устоявшиеся интерпретации. Новое прочтение Гоббса, осуществленное Скиннером, прекрасно выдержало испытание временем, оно помогло избавиться от стереотипного восприятия Гоббса как «малмсберийского монстра»¹¹. Помещение Данном политических сочинений Локка в контекст теологических споров, которые занимали мыслителя на протяжении всей его жизни, революционизировало изучение наследия британского мыслителя XVII века, а внимательное исследование в духе контекстуализма Питера Ласлетта и Ричарда Эшкрафта позволило сделать вывод о том, что «Два трактата о правлении» были написаны почти за десятилетие до Славной революции 1688 г. Это помогло отбросить прежнее расхожее мнение о том, что данное произведение было написано как апология революции¹². Противоречивые воззрения Локка на феномен рабства были исчерпывающе изложены в контекстуалистском анализе, осуществ-

¹¹ Skinner Q. Thomas Hobbes and His Disciples in France and England // *Comparative Studies in Society and History*. 1965/1966. Vol. 8. P. 153–168; Skinner Q. The Context of Hobbes's Theory of Political Obligation // M. Carnston, R. S. Peters (eds). *Hobbes and Rousseau: A Collection of Critical Essays*. New York: Doubleday, 1972. P. 109–142.

¹² Dunn J. The Political Thought of John Locke. Cambridge: Cambridge University Press, 1969; Laslett P. «Introduction» to John Locke, *Two Treatises of Government* // P. Laslett (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 61, 123–126; Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's «Two Treatises of Government»: Radicalism and Lockean Political Theory. *Political Theory*. 1980. Vol. 8. No. 4. November. P. 429–486.

вленном Джеймсом Фарром¹³. Впечатляющая реабилитация традиции гражданского гуманизма, осуществленная Поукоком, породила новый интерес к идеям республиканства, усложняя наше представление о зарождении и эволюции либерализма¹⁴. И это уже не говоря о той ревизии представлений о средневековых и раннесовременных теориях естественного права, которую осуществили Ричард Так и Джеймс Тулли; сюда же относятся исследования политических воззрений Адама Смита и Давида Рикардо, проведенные Дональдом Уинчем, Шэнноном Стимсоном и Мюрреем Милгейтом¹⁵.

Одно дело утверждать, что понимание автора в существенной степени зависит от понимания того контекста, в котором он творил; совсем другое дело превращать данный тезис в теорию политики и политических изменений. Именно такая более амбициозная постановка вопроса, яснее всего выраженная Квентином Скиннером, и будет предметом моего рассмотрения. Я согласен со Скиннером в том, что любое правдоподобное осмысление политической реально-

¹³ *Farr J.* «So Vile and Miserable an Estate»: The Problem of Slavery in Locke's Political Thought. *Political Theory*. 1986. Vol. 14. No. 2. May. P. 263–289.

¹⁴ *Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1974. Обзорное эссе об исследованиях традиции гражданского гуманизма, начатых Поукоком, см.: *Shapiro I. J. G. A.* Pocock's Republicanism and Political Theory: A Critique and Reinterpretation // *Critical Review*. 1990. Vol. 4. No. 3. Summer. P. 433–471.

¹⁵ *Tuck R.* Natural Rights Theories: Their Origin and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Tully J.* A Discourse Concerning Property: John Locke and his Adversaries. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; *Winch D.* Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision. Cambridge: Cambridge University Press, 1978; *Milgate M., Stimson S.* Ricardian Politics. Princeton: Princeton University Press, 1991.

сти должно учитывать и ту роль в ее формировании, которую играют политические идеи. Но этот ход с неизбежностью заставляет нас задаться более общими вопросами о том, что такое идеология, как именно идеологии формируют политический конфликт и политические изменения (и наоборот) и как — если это вообще возможно — они могут быть связаны с идеями политических теоретиков.

Скиннер отмечает подобные вопросы, игнорируя всякий каузальный анализ в пользу «интерпретации», но, как мне представляется, достигается это за счет того, что отрицаемый на словах анализ проводится тайком. Он отождествляет смысл текста с намерениями автора, которые выявляются путем анализа того, как именно были восприняты идеи автора той аудитории, для которой они предназначались. Но если мы изучаем данные идеи как идеологии, тогда в таком подходе оказывается неучтенной целая гамма относящихся к делу возможностей. То, что люди не замечают, может быть с идеологической точки зрения более важным, чем то, что они видят. Люди могут заблуждаться по объективным или злонамеренным причинам. Они могут по неосторожности легитимировать практики, о которых у них есть лишь только смутное представление (если таковое вообще имеется). То, как идеи усваиваются и искажаются последующими поколениями, может быть куда важнее того смысла, который им придавали современники. Утверждая, что «внутреннее» прочтение, предназначенное для уяснения намерений автора, есть синоним изучения истории идей как истории идеологий, Скиннер по сути, сам того не зная, провозглашает новый вполне себе виговский редукционизм.

В противовес Скиннеру я настаиваю на приемлемости «внешнего» прочтения. Такое прочтение призвано локализовать субъективные точки зрения в более общих каузальных процессах, но без всяких априорных суждений о том, в чем именно заключаются эти

процессы, как они формируют политические интересы, повестку дня и события (и наоборот — формируются ими), а также без каких-либо предварительных установок относительно того, как именно данные процессы могут быть подведены (и могут ли вообще) под общую теорию политики. Все это материал для исследования, которое не может делать выводы до своего начала. Научный подход требует от ученого установки на обнаружение того, что же на самом деле происходит в данной конкретной ситуации, без всяких предрассудков относительно изучаемой ситуации. Стремление выяснить, что же именно имел в виду конкретный политический теоретик, подразумевает выбор одного из альтернативных подходов к осмыслению роли идеологии в политике. Данный подход должен быть оправдан путем его сопоставления с имеющимися правдоподобными альтернативами, его не следует контрабандно протаскивать через заднюю дверь под видом избегания каузального анализа и предпочтения ему интерпретации. Сторонники интерпретативизма нередко рассматривают себя как полную противоположность представителей бихевиоралистского подхода к социальным наукам. Есть своя ирония в том, что они в конечном счете приходят к редукционистским воззрениям, роднящим их с бихевиоралистами. И те и другие притязают на видение по ту сторону феноменального мира. Подобная установка еще до начала всякого исследования искажает изучение, например, согласия, скрывая наиболее важные альтернативы теории.

Мой призыв не забывать ни о «внешних» измерениях политического действия, ни о «внутренних» вытекает из реалистического видения науки. В становлении последнего я многим обязан работам Рома Харре, Роя Бхаскары, Ричарда Миллера и многих других; я ни в коем случае не стремлюсь представить исчерпывающее изложение данной позиции. Скорее моя цель — обратить внимание на те установки, которые

подразумеваются реалистическим мировоззрением, объяснить их значимость для проведения исследования, а также показать, почему они должны привести к результатам лучшим, чем результаты всех остальных альтернатив. Я, без всякого сомнения, стремлюсь представить реалистический подход в максимально притягательном свете, но делаю я это скорее путем демонстрации его плодотворности для исследований в социальных и политических сферах, чем путем его оттачивания с каких-либо фундаментальных теоретических позиций. Некоторые предварительные замечания тут вполне уместны, они призваны обозначить то, что я считаю существенным для научного реализма, также они позволяют отделить его от доктрин, с которыми реализм нередко путают¹⁶.

На мой взгляд, суть научного реализма может быть выражена в двух тезисах: мир состоит из каузальных механизмов, существующих независимо от нашего исследования и даже осознания; научный метод — это лучший способ ухватить их истинный характер. Приверженцы подобной позиции нередко описываются как трансцендентальные реалисты¹⁷. Этот громоздкий и перегруженный смыслами термин скрывает куда больше, чем проясняет. Но он, по моему мнению, обращает внимание на тот факт, что реалистическая позиция имплицитна научной работе, она не являет-

¹⁶ Философы и социальные теоретики, считающие себя научными реалистами, расходятся между собой в целом ряде моментов, не все они согласны и с моим видением некоторых деталей. Часть расхождений рассматривается в первой главе, хотя подобное рассмотрение и не является существенной для данной работы. Более подробно данный вопрос разбирается в другой моей книге: *Political Criticism*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990. Ch. 8.

¹⁷ Данный термин был отчеканен Роем Бхаскаром, подробнее см.: *Bhaskar R. A Realist Theory of Science*. Sussex: Harvester, 1978; см. также: *Bhaskar R. The Possibility of Naturalism*. Sussex: Harvester, 1979.

ся ее производной. До тех пор, пока ученые не признают ее правомочной (чаще всего они это делают), у них не будет никаких достаточных оснований рассматривать свои занятия как нечто превосходящее религию, предрассудок, традицию и прочие претенденты на авторитетность при осмыслении реальности. Это не означает, что реалистическая установка подразумевает верность какой-то конкретной теории или гипотезе о каузальной структуре реальности. Скорее, приверженность данной позиции необходима для того, чтобы измышление теорий и гипотез, а также их оценка методами науки считались занятиями, достойными внимания.

Вместе с Вендтом мы доказываем, что реалистическая позиция при изучении феномена согласия позволяет выйти на новые просторы для исследований каузальных связей, ускользающих от представителей бихевиоралистской и интерпретативистской школ. Все это удастся проделать без нивелирования значимости поведения и субъективного понимания до чего-то эпифеноменального, поэтому-то и получается избежать другой проблемы: утверждения столь характерной для логицистских начинаний редукционистской позиции, невосприимчивой к свидетельствам опыта. Мы рассматриваем работу Джона Гавенты «Власть и бессилие» как пример исследования, проведенного в духе реализма. Реализм просматривается как в его попытке выявить скрытые каузальные механизмы, приводящие к согласию — «состоянию покоя» в терминологии самого Гавенты — в условиях подавления, так и в его объяснении связи между этими механизмами и сферами субъективного восприятия и поведения. Таким образом, если мы находимся на позициях реализма, то становится очевидным, что и бихевиоралистские, и интерпретативистские подходы представляют собой бегство от реальности, даже несмотря на то, что их сторонники нередко лишены амбиций создателей общих теорий.

Возможно, по причине реакции на враждебность бихевиоралистского и интерпретативистского подходов к общей теории логицистский подход в последние десятилетия получил новый шанс. Основным приемом стал импорт макроэкономических моделей в неэкономические гуманитарные науки — в особенности в политическую науку, социологию и право — под маркой теории рационального выбора. Во второй главе мы с Дональдом Грином исследуем эту тенденцию в ее связи с политической наукой, в частности, мы реагируем на ту критику, которой подверглась наша работа «Патологии теории рационального выбора»¹⁸. Хотя логицистские усилия и являются шаткими, если их анализировать с реалистических позиций, мы также показываем, что логицизм обрушивается в том числе и под своей собственной тяжестью — во многом по причине идеалистических амбиций его представителей в вопросах теории. Теории рационального выбора, если судить их по их же собственным критериям, по большей части выродились в утонченные упражнения по спасению универсальной теории от отрезвляющей встречи с реальностью. Вопреки восхвалению теоретической строгости, которое нередко можно встретить в тезисах логицистов, мы показываем, как теоретики рационального выбора проваливаются в определении рациональности при формулировании гипотез, при детализации эмпирических следствий, а также при их опытным тестировании.

Сформированный нами длинный перечень провалов включает в себя: разработку исчерпывающих концепций политических феноменов без доказательства того, как и почему данные концепции следует предпочитать всем имеющимся альтернативам; «объяснение» стилизованных фактов, которые при более детальном рас-

¹⁸ *Green D. P., Shapiro I. Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. New Haven: Yale University Press, 1994.*

смотреии оказываются не имеющими никакого отношения к политической реальности; *post hoc* махинации с теориями, когда анализ превращается в хитро замаскированное нанесение контура на заданные координаты; столь туманная детализация теорий, что последние оказываются совместимыми с любыми эмпирическими выводами; сканирование политического ландшафта на предмет подходящих иллюстраций для излюбленной теории с одновременным игнорированием всей остальной информации; подтверждение теорий за счет тенденциозных описаний политического мира. Даже в тех случаях, когда теоретики рационального выбора отходят от чистых универсалистских суждений, они делают это *ad hoc*¹⁹ и очень неубедительно, что лишь усиливает их нежелание даже допустить мысль о том, что их теория является ложной. Получается, как если бы кто-то, увидев однажды, что сорванные красные яблоки больше не падают на землю, стал бы утверждать, что теория гравитации верна, — просто надо признать, что она не работает в случае красных яблок.

Как показывает данный пример, когда все остальные средства дают сбой, универсалистский импульс толкает теоретиков рационального выбора искать убежище в философии науки. Обвиняя своих критиков в «наивном фальсификационизме», они с целью оправдания своих процедур апеллируют к тезисам Томаса Куна и Имре Лакатоса. Те, кто апеллируют к Куну, похоже, не в курсе его уже ставшей притчей во языцех неспособности отличить развивающиеся исследовательские программы, когда идет процесс накопления знания, от программ деградирующих, когда этого не происходит. Неспособность теоретиков рационального выбора увидеть недвусмысленный прогресс в эмпирическом познании есть повод для серьезного беспокойства. Ведь, как точно подмечал Кун, гуманитарные науки еще только должны достигнуть стадии, когда существует до-

¹⁹ Для этого [случая] (лат.). — Примеч. перев.

минирующая парадигма, внутри которой развивается нормальная наука, занимающаяся решением головоломок. Отсюда его описание их как «допарадигмальных». Те теоретики рационального выбора, которые согласны с такой характеристикой, видят в своих теориях выход из сложившейся ситуации — именно это показывает мое рассмотрение идей Дэвида Лейтина о политической науке в шестой главе. Им стоило бы прислушаться к фразе Куна: «Я не знаю никаких способов превращения протонауки в науку, более того, я даже не считаю, что чем-то подобным необходимо заниматься»²⁰.

Те же теоретики рационального выбора, которые апеллируют к Лакатосу, придают слишком большую значимость его тезису о том, что нечто не может быть заменено на ничто; что теории не могут быть фальсифицированы «фактами», но лишь более удачными теориями, способными объяснить то, что было до и что есть сейчас. Допустим, что это точное описание того, что нередко случается в науке, однако проблема в том, что в политической науке теоретики рационального выбора действуют так, как если бы данное описание касалось их критиков, но не их самих. Для них свойственно игнорировать все прежние исследования по интересующей теме, они склонны создавать банальные пустые гипотезы, если таковые вообще требуются, и переводить существующее знание на свой жаргон (вместо увеличения самого знания). Теоретики рационального выбора больше похожи на составителей резюме своих универсальных теорий, чем на ученых из книг Лакатоса, которые пытаются дополнить существующий запас знаний развитием теорий, которые лучше прежних соотносятся с эмпирическим материалом. Если бы теоретики рационального выбора принимали свои заявления в духе Лакатоса всерьез

²⁰ Kuhn T. S. Reflections on My Critics // I. Lakatos, A. Musgrave (eds). *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 244–245.

ез, они бы оставили логицистские импульсы теории науки Гемпеля и занялись бы серьезной эмпирической оценкой своих утверждений перед лицом наиболее правдоподобных из имеющихся альтернатив. Мы утверждаем, что те из них, кто все же сделал это, внесли свой вклад в изучение политики. Однако в большинстве случаев искушение променять теорию, ориентированную на проблемы, на теорему, ориентированную на метод, оказывается необоримым.

В главах третьей и четвертой я перехожу от объяснительного измерения бегства от реальности к нормативному. Один из способов, каким интерпретаторы пытались связать нормативную и позитивистскую теории, — это попытка выведения принципов для политики и действия из теорий о том, как устроен мир. Другой способ — попытаться вмешаться в мир, чтобы заставить его лучше соответствовать избранному нормативному идеалу. Ричард Познер, судья американского апелляционного суда, с момента своего назначения Рональдом Рейганом в Седьмой округ в 1981 г. попытался опробовать оба способа. Оценка его усилий предлагается мной в третьей главе.

Переход от объяснения к предписанию подразумевает переход от сущего к должному. Попытка Познера сделать это оказывается неубедительной и в конечном счете неудачной, однако она показывает то, как отрыв от реальности может влиять на саму реальность. Познер предлагает функционалистское описание эволюции общего права, согласно которому право со временем начинает все больше способствовать максимизации экономической эффективности. Его описание — это описание в духе концепции «невидимой руки», так как эволюция протекает скрытно от судей общего права, которые обычно не видят — не говоря уже о понимании — того, как их решения способствуют данному результату. Как будто бы желая подчеркнуть фактор невидимости, Познер критикует ряд судей, которые попытались применить его теорию максимизации

ции богатства в практике своих решений. Но все же Познер озвучивает целый ряд рекомендаций для поведения судей, кроме того, на основе своих тезисов об эффективности он предлагает различные реформы системы управления судами в США.

Тезисы Познера дают все основания для того, чтобы отнестись к ним скептически, но даже если вынести скепсис за скобки, все равно их едва ли можно рассматривать как нечто благое. Давайте проанализируем основанное на принципе эффективности соображение Познера о том, почему уголовное право куда суровей наказывает правонарушения, совершаемые бедняками²¹. На его взгляд, уголовное наказание необходимо тогда, когда угроза компенсации, присуждаемой пострадавшему, оказывается неспособной остановить потенциального преступника. Ввиду того, что у бедных обычно не бывает ресурсов для выплаты компенсаций, достаточных для назидания будущих злоумышленников, приходится прибегать к угрозе лишения свободы. Подобное использование принципа эффективности для описания системы, дискриминирующей бедных, не способно ничего сказать о ее нравственной привлекательности; это возможно лишь в том случае, если такое описание будет дополнено тезисом, доказывающим, что эффективность более желательна, чем равенство всех перед законом. Это становится очевидным, если вспомнить, что ученые, представляющие школу критических правовых исследований, выдвигали схожий с познеровским эволюционистский тезис, однако они приходили к несколько иной нормативной позиции²². Они отмечали нейтральность и утверждали, что закон функционирует для того, чтобы поддерживать капиталистические рыночные от-

²¹ Posner R. An Economic Theory of the Criminal Law // Columbia Law Review. 1985. Vol. 85. No. 6. October. P. 1193–1231.

²² Unger R. The Critical Legal Studies Movement. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

ношения. Оливер Уэнделл Холмс, может быть, и был прав, утверждая, что Четырнадцатая поправка «не воплощает *Социальную статику* м-ра Герберта Спенсера», однако, на их взгляд, она все же затрагивает общее право.

Функционализм позволяет Познеру перейти от *сущего* к *должному* не больше, чем он позволяет Ангеру и его коллегам перейти от *сущего* к *недолжному*. Не мешает этот функционализм и поставить объяснительные теории на службу нормативным интересам. Другая стратегия, используемая Познером, — это указание на разрыв между целями, которые он считает имманентными закону, и существующей реальностью; тем самым он подталкивает нас к выводу о том, что реальность нуждается в реформировании. Данная стратегия так же стара, как и теория Иеремии Бентама о провалах рынка, подразумевающая необходимость регулирования: эти провалы связывались с «эффектом безбилетника», переиспользованием общественных благ и иными побочными продуктами эгоистического поведения индивидов²³. Другой вариант отстаивался представителями движения правовых реалистов, которые указывали на разрывы между заявленными идеалами американского правосудия и суровыми реалиями уголовных преследований 1930-х гг. и далее. Все это привело к существенным реформам процедур уголовного судопроизводства, а также к пересмотру прав подсудимых; данные меры, инициированные судом Уоррена²⁴, преследовали цель приблизить реальность к заявленным конституционным идеалам.

Принцип действия Познера таков: он выявляет слабости в законах, а также в системе управления судами, тем самым появляются основания для реформ, на-

²³ См.: Шаниро И. Моральные основания политики... Гл. 2.

²⁴ Суд Э. Уоррена (1953–1969) — самый либеральный состав Верховного Суда США во главе с судьей Эрлом Уорреном. — *Примеч. перев.*

правленных на приведение судов в соответствие с его идеалом эффективности. Помимо указания на то, что его идеал эффективности вовсе не так очевидно имманентен американскому праву, я показываю следующее: призывы к эффективности подразумевают материализацию спорных экономических теорий, которые обозначаются как «единственно возможная» экономическая теория или же просто как закон. Все это позволяет Познеру скрыть специфическую идеологическую программу под маской абстрактной теории. Например, при детальном рассмотрении оказывается, что недовольство Познера по поводу возрастания количества тяжб в федеральных судах в последние десятилетия никоим образом не связано с его общей теорией (и вообще с любыми теориями) оптимального количества судебных процессов и оптимальной величины судебной системы. Скорее, данное недовольство является отражением его консервативной антипатии к государству.

Данные склонности проявляются и в судебной деятельности Познера. Посредством анализа его мнений относительно трудового права и антимонопольных мер в первые пять лет пребывания Познера на посту федерального судьи апелляционного суда я доказываю, что он предсказуемым образом импортирует свое видение «социальной статистики» в собственные судебные мнения, представляя их при этом как импликации бесспорной экономической теории, если не неопровержимого здравого смысла. Истина же в том, что экономические теории, отличные от тех, которыми оперирует Познер, приведут к совсем иным выводам по данным вопросам; при этом Познер так никогда и не сообщает нам, почему он благоволит именно тем теориям, которым он благоволит. Логистический вариант бегства от реальности подразумевает искаженное видение мира, когда последний подменяется сомнительными моделями, являющимися производными от излюбленной общей теории. Академические

сочинения Познера демонстрируют это на каждом шагу. Самое тревожное здесь то, что должность судьи дает ему полномочия переделывать реальность в соответствии со своими моделями, а это оборачивается случайными удачами или неудачами для тех, кого судьба привела в возглавляемый им суд.

В четвертой главе я указываю на то, что весь драматизм попыток Познера реализовать принцип эффективности заключается в том, что он далеко не одинок на этом поприще. Политические теоретики очень часто не понимают, что любые тезисы о том, как должна быть устроена политика, — это реляционные тезисы, подразумевающие акторов, действия, легитимность и цели. Если бы они это понимали, то целый ряд соперничающих позиций был бы попросту отвергнут по причине тех внутренних противоречий, с которыми они сталкиваются. Данное положение доказывается мной путем рассмотрения современных дискуссий о природе права, закона, автономии, полезности, свободы, добродетели и справедливости. Вместо рассмотрения сложностей, имплицитных реляционной логике тех или иных политических идеалов, политические теоретики нередко апеллируют к *совокупным концептам* — мой термин, призванный обозначить идеи, которые возвращают и усиливают вводящие в заблуждение дихотомии. Апеллируя к совокупным концептам, политические теоретики редуцируют реляционные тезисы до тезисов, касающихся одного или другого члена соотношения. Я показываю, как это систематически искажает анализируемые феномены, переключая внимание с первоочередных вопросов о мире на второстепенные споры о понятиях, которые никогда не будут разрешены, так как они покоятся на категориальных ошибках. Джеральд Маккалум-младший уже давным-давно указал на этот момент в связи со спорами о свободе. Он доказал, что споры между «негативными» и «позитивными» либертарианцами — вопреки тому, что говорят сами спорящие со времен Исайи Берли-

на, — это не споры о родах свободы, это споры о том, *кто* свободен, *от* каких ограничений или *благодаря* каким условиям и *для* каких действий.

Мой анализ показывает, что, несмотря на обилие ритуальных экивоков в сторону Маккалума, его исследование оказалось почти полностью проигнорированным. Отчасти причина в том, что серьезное осмысление выводов Маккалума повлечет за собой скепсис в отношении спорных эмпирических дискуссий о человеческой психологии и каузальной структуре социального мира; однако именно этого теоретики и боятся. В спорах о свободе, равно как и во многих других спорах, имеющих схожую структуру, масштабные концепты позиционируются как дихотомические альтернативы. Спорщики защищают свои позиции, указывая на несомненные с их точки зрения недостатки предлагаемой альтернативы. Результатом становится увековечивание спора между совокупными концептами, который не приводит ни к каким результатам.

Несмотря на всю бесперспективность, практика подобных споров процветает. Отчасти это вызвано тем, что она профессионально поощряется в академической среде, отчасти — тем, что для многих совокупные концепты кажутся в высшей степени притягательными. Это удобные и простые средства, способные (наподобие идеологий) легитимировать то, во что люди хотят верить. Признавая притягательность подобных концептов, я все же настаиваю, что часть призвания политического теоретика заключается в борьбе с ними. Мы должны препарировать совокупные концепты, а не торговать ими. Вместо поиска и прославления единственно верной концепции нам следует брать на себя роль принципиальных социальных критиков, цель которых — привносить в политические аргументы политическую реальность. Мы должны быть странствующими поборниками истины, а не адептами какой-то конкретной идеи. О том, какие практические следствия это имеет для политического теорети-

ка, представляющего политическую науку, идет речь в последних двух главах.

Данный вопрос поднимается в пятой главе в контексте критики модной тенденции в политической науке, суть которой в том, чтобы предпочитать (и поощрять) редукционистские объяснения феноменов. Мой отправной тезис — это соображение (нередко используемое для критики моей с Грином позиции в работе «Патологии») о том, что всякое наблюдение является теоретически нагруженным. Не существует никакой теоретически чистой фиксации «фактов», поэтому в высшей степени наивно полагать, что всякое объяснение может быть оценено на основе того, насколько хорошо оно соответствует эмпирическому материалу. Я признаю, что мы с Грином уделили этому вопросу недостаточно внимания, но я утверждаю, что он выпал и из сферы внимания общественных наук, натасканных на поиск истины. Далее я показываю, что этот поиск не увенчается успехом ни у одной из редукционистских программ политической науки и что факт постоянной доступности альтернативных описаний политической реальности влечет за собой серьезную ответственность политических теоретиков, существующих в условиях разделения труда в политической науке.

Тезис о том, что всякое наблюдение теоретически нагружено, при ближайшем рассмотрении может быть умело парирован следующим возражением: одни виды теоретической нагруженности более правдоподобны, чем другие. Как только речь заходит о конкретных случаях, то оказывается очевидным, что существует целая пропасть между теоретически нагруженными описаниями, в которых тенденциозные описания проектируются на проблемы с целью оправдания излюбленных теорий, и ситуациями, когда существуют убедительные основания предпочесть одно альтернативное описание другому при условии, что были рассмотрены и раскритикованы все предшествующие попытки подхода к проблеме. Я уже не говорю про ориентирован-

ные на метод исследования, когда постановка проблемы искривляется методами, доступными для исследователя. Исследование, проведенное Джоном Хьюбером и Чарльзом Шипаном, в котором они попытались изучить желание Конгресса предоставить административным органам свободу действия путем измерения количества слов в соответствующих законодательных актах, можно легко объяснить, если вспомнить о существовании в современных текстовых редакторах такой функции, как «подсчет количества слов»²⁵. И не важно, что подобное исследование покоится на допущении о том, что Кодекс внутренних доходов, растиражированный в огромных количествах, способен ограничить свободу действия сотрудников Внутренней налоговой службы. Попробуйте сказать это своему бухгалтеру.

Более того, отнюдь не все разногласия по поводу объяснений действительно вытекают из различий альтернативных описаний. Когда некое конкретное объяснение *признается* соответствующим действительности, значит, истина на самом деле существует, пусть даже никто еще пока не знает, в чем именно она заключается. Такова предпосылка реалистического подхода, на которой, как мне кажется, покоится любая наука. Ошибочно полагать, что объяснения являются научными лишь в том случае, если они вытекают из единой общей теории, которая затем вынуждает исследователей каждую проблему конструировать так, чтобы она втискивалась в понятия, совместимые с данной теорией. Антиредукционистские принципы, которые заключаются скорее в стремлении к построению общей теории, чем в принятии ее за нечто само собой разумеющееся до всякого эмпирического изучения, вполне могут подразумевать описания, соотносящиеся с теорией, но ни в коем случае не ведомые ей.

²⁵ См.: Huber J. D., Shipan C. *Deliberate Discretion: Institutional Foundations of Bureaucratic Autonomy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

При этом я не отрицаю, что литература о теоретической нагруженности бросает политической науке серьезный вызов. Различные описания социальных явлений подталкивают исследователей к использованию различных объяснительных аргументов, что заставляет задаться вопросом о том, как сделать правильный выбор между ними. Стандартный ответ — это прогноз. Если решения судей могут быть лучше спрогнозированы путем анализа того, какое решение максимизирует богатство, а не путем анализа их правовых предпочтений, то значит, описание, опирающееся на принцип эффективности, является предпочтительным. Однако прогнозами проблема не исчерпывается. Злоупотребление последними может привести нас к представлению о том, что игра в баскетбол делает людей выше. Есть и более серьезная трудность: в силу сложности прогнозирования в гуманитарных науках чрезмерное увлечение прогнозами может заставить исследователя сконцентрироваться на тривиальных, но удобных вопросах и далее оттачивать ответы на них вплоть до трех цифр справа от запятой. Ученый может начать бесконечно оттачивать свои инструменты прогнозирования, которые так никогда и не будут пущены в оборот. Каков результат? Чрезвычайно сложно устроенные часы, которые не тикают и не показывают время.

Роль политических теоретиков в политической науке крайне важна по той простой причине, что не существует никакого алгоритма, позволяющего создавать правильное описание социального мира. Среди наших основополагающих задач — вычленение, критика и разработка правдоподобных альтернатив существующим теоретическим допущениям, интерпретациям политических условий и, конечно, детализация проблем, с которыми сталкиваются господствующие сегодня эмпирические подходы и исследовательские программы. Свою работу нам надо делать так, чтобы она открывала новые и многообещающие горизонты для исследований, ориентированных на пробле-

му. В тех случаях, когда используются эзотерические формы описания реальности, политические теоретики должны прояснять пути перевода данных описаний на язык более знакомых подходов к политике.

Если изучение политики неизбежно дискуссионно, то как тогда транслировать политическую науку следующему поколению студентов? Это предмет рассмотрения моей последней главы, содержащей критику недавних предложений Дэвида Лейтина по стандартизации преподавания политической науки. Его цель — сделать для политической науки то, что Самуэльсон сделал для экономики, создав общепринятую программу курса обучения. Соответственно, Лейтин предлагает свою программу вводного курса. Я утверждаю, что предложение Лейтина ошибочно по целому ряду пунктов — оно отражает бегство от реальности и способствует его усугублению.

Предложение Лейтина отражает отрыв от реальности, в нем дисциплина перепутана с предметом изучения. Здесь сразу вспоминается известный ответ экономиста на вопрос студента, что такое экономика. Ответ гласит: экономика — это то, что делают экономисты. Студенты выбирают политическую науку как свою специальность не потому, что они интересуются политической наукой, а потому, что они интересуются политикой. Тревожно, если студенты получают такое представление о политической науке, которое скрывает ее противоречивый характер. А ведь именно к этому призывает Лейтин. Подобная стратегия связана скорее с профессиональным интересом в получении грантов и политическом признании дисциплины, чем со стремлением учить студентов мыслить систематически об основополагающих аспектах политики. Лейтин сам в этом в конце концов сознается. Даже тогда, когда исследователь уверен, что он располагает Единственной истинной теорией или Единственным лучшим методом, он сильно навредит студентам, если не расскажет им о существующих альтернативах.

Предложение Лейтина стимулирует бегство от реальности, оно обособляет настоящих исследователей от той специфической дисциплины, которая предлагается вниманию студентов. Его мышление покоится на иллюзии, согласно которой введение в политическую науку способно дать обучающимся такое же представление о предмете, какое они могут получить при ознакомлении с аналогичными вводными курсами по физике, химии и математике. В данных дисциплинах в отличие от социальных наук проблема разногласий среди ученых относительно подходящей оптики для описания мира не стоит так остро. В противовес Лейтину я утверждаю, что решение экономистов стандартизировать свою дисциплину — к чему Лейтин и призывает политическую науку — имело катастрофические последствия: оно отделило вводные курсы от тех противоречий, с которыми сталкиваются исследователи на переднем крае науки. Студенты оказались отчуждены от предмета, в который их должен был ввести вводный курс по экономике. Такая ситуация лишь усиливает нежелание настоящих исследователей читать вводные курсы, в связи с этим они вынуждены или преподавать исключительно на временной основе, или оставаться на вторых ролях.

Это плохо как для студентов, так и для исследователей. У многих блестящих студентов есть нюх на важные проблемы и освежающее желание понять, как именно теории, которые их просят усвоить, связаны с реальным миром. В отличие от очень многих своих коллег они не являются заложниками академической литературы, нередко представляющей собой интеллектуальное «гнилое местечко». Если ученые, представляющие политическую науку, действительно хотят избавиться от бремени обучения студентов так же, как это сделали экономисты в последние несколько десятилетий, тогда у них есть все основания ничего не делать со своим и так чрезмерно развитым страхом перед реальностью.

1. Что дает реализм: социальные науки и политика согласия

Любые формы социальных исследований зависят от наших представлений о том, что следует считать объяснением социального явления. Должны ли объяснения социальной жизни выводиться из наблюдаемых фактов? Должны ли они основываться на том, как люди интерпретируют сами себя? Должны ли они опираться на все то, что позволяет нам осуществлять действенные вмешательства в мир? Большую часть времени обществоведы занимаются своим делом, не беспокоясь о подобных проблемах, являющихся головной болью для специалистов по философии социальных наук. Возможно, это неплохо и даже оптимально, если учитывать интеллектуальное разделение труда, однако проблема в том, что дурные философские послышки иногда начинают влиять на практику наук об обществе.

Начиная с 1950-х гг. философские дискуссии об объяснении в социальных науках характеризовались господством двух противоборствующих школ мысли — школы логического эмпиризма и школы интерпретативизма. Первая школа, доминирование которой продолжалось со времен расцвета Венского кружка и вплоть до начала 1960-х гг., отстаивала тезис о том, что наблюдение является ценностно-нейтральным и что задача науки — формировать на основе этих наблюдений законоподобные обобщения. Интерпретативизм сложился в 1960-е гг. в результате серии атак на позиции логического эмпиризма. Интерпретативи-

сты, на которых повлияли работы Томаса Куна о конвенционализме в истории науки, а также лингвистический поворот в философии и литературной теории, полагали, что всякое наблюдение теоретически нагружено и что поэтому наука не может быть тем объективным исследованием, о котором говорят представители логического эмпиризма.

В последние десятилетия в этот спор вмешалась группа так называемых научных реалистов. Реалисты утверждают, что теоретическая нагруженность бывает разной и что из самого факта того, что наблюдение является теоретически нагруженным, еще не следует предопределенность данного конкретного наблюдения теорией. Более того, они утверждают, что социальные исследования, проводимые в духе как логического эмпиризма, так и интерпретативизма, теоретически нагружены сверх всякой меры, что закрывает целый ряд важных линий каузального анализа еще до того, как была предпринята хоть какая-то попытка объяснения. Реализм ограничивает количество априорных ограничений, налагаемых на научную практику. Приверженность реализму позволяет исследователям иметь дело с большим числом возможных объяснений¹.

Заметная черта большинства дискуссий между представителями эмпиризма, интерпретативизма и реализма заключается в том, что она ведется на очень высоком уровне абстракции с использованием технического жаргона, интерес к которому и понимание которого есть лишь у посвященных. У тех, кто заинтересован в продвижении реалистической позиции, возникает вопрос: влияет ли это хоть на что-то, кроме самих мета-теоретиков метода? Данный вопрос стал побудительным стимулом для написания предлагаемой читателю

¹ Введение в дискуссии представителей логического эмпиризма, интерпретативизма и реализма см.: *Keat R., Urry J. Social Theory as Science*. 2nd ed. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.

главы. Цель — показать, что именно может дать реализм гуманитарным наукам. Делается это путем рассматривания аргументов, касающихся природы согласия. Мы сделаем это в два этапа. Во-первых, мы рискнем доказать основополагающий тезис реалистов: по стандартам добротной научной практики как логический эмпиризм, так и интерпретативизм в том, что касается социальных объяснений, являются теоретически нагруженными сверх меры. Во-вторых, мы постараемся доказать, что анализ феномена согласия, опирающийся на реалистический подход, по сравнению с альтернативными подходами теоретически нагружен в куда меньшей степени. Он позволяет охватить большее количество вопросов и дать больше интерпретаций, чем все остальные варианты. Таким образом, хотя мы и не ставим перед собой цель предложить философское обоснование реализма, мы все же надеемся усилить его позиции, показав сравнительные преимущества данного подхода в том, что касается интерпретации феномена согласия.

Начнем мы с краткого обсуждения некоторых из тех проблем, с которыми сталкиваются обществоведы при изучении понятия «консенсус». Затем будет предпринята попытка показать, что логический эмпиризм на практике выродился в две усеченные формы — логицизм и эмпиризм. Далее мы продемонстрируем, как именно это искусственно введенное разделение ограничивает изучение феномена согласия. Затем нами будут рассмотрены интерпретативистские подходы к пониманию феномена согласия. Суть нашего обвинения заключается в следующем: допущения о науке как логического эмпиризма, так и интерпретативизма искажают изучение феномена согласия и подталкивают исследователей к общепринятым и некритическим догадкам; то есть данные допущения скрывают подспудное воздействие, оказываемое некоторыми разновидностями власти. Наконец, мы перейдем к рассмотрению подходов к изучению феномена согласия в свете реалистической концепции социальных наук.

Итак, во-первых, мы утверждаем, что реализм вопреки нередко высказываемым мнениям не подразумевает никакой конкретной социальной или политической теории. Во-вторых, на примере книги «Власть и безвластие» Джона Гавенты² мы показываем большую открытость реализма для возможных объяснительных моделей. В заключении мы еще раз суммируем то, что нам может и чего не может дать реализм.

СОГЛАСИЕ

Идеал согласия, то есть согласия, которым нужно управлять, — это ось западного политического сознания. Современная либеральная традиция, будь то контракталистская традиция, которую можно возвести к XVII столетию, или же рыночная теория «выявленных предпочтений», которая доминирует в утилитаризме с 1800-х гг., зиждется на приверженности данному идеалу. Нравственные интуиции, стоящие за преданностью идеалу согласия, столь пленительны, что даже хулители либерализма в том или ином виде разделяют данный идеал. Эдмунд Бёрк продемонстрировал свой традиционализм, описав согласие как консенсус между мертвыми, живыми и теми, кому еще только предстоит родиться; львиная доля марксистской критики буржуазной идеологии сводится к отрицанию видимой укорененности последней в идеалах согласия. Для таких разных политических теоретиков XX века, как Джон Ролз, Роберт Пол Вольф, Роберт Нозик и Юрген Хабермас, приверженность идеалу согласия есть базовый механизм легитимации нравственных споров³.

² *Gaventa J. Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Urbana: University of Illinois Press, 1980.

³ *Ролз Дж. Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995; *Нозик Р. Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 21–119; *Wolff R. P. In Defense of Anarchism*. New York: Harper & Row, 1970. P. 3–68; *Habermas J. Communication and the Evolution of Society*. Boston: Beacon, 1979. P. 3–69.

Однако не всякое видимое согласие является истинным, более того, никакое согласие не является абсолютным. Сильные мира сего любят маскировать отношения господства в одеяния согласия, а отстраненные от власти нередко утверждают, что условия, на которые они согласились, были им навязаны силой. Левые активисты и представители критической теории могут идти еще дальше и утверждать, что обездоленные соглашаются на свое положение лишь потому, что не осознают своих интересов. Например, они могут быть жертвами гегемонистских идеологий или объектами структурного принуждения, о котором они не догадываются, или попросту оказаться обманутыми каким-либо иным образом.

Одна из задач тех, кто занимается исследованием проблемы согласия, заключается в том, чтобы отличить более правдоподобные тезисы от менее правдоподобных, чтобы преодолеть идеологически противоположные тезисы и способы решения данной проблемы, а также добраться до истины в отношении согласия и его проявлений в конкретных ситуациях. Однако исследователи нередко расходятся друг с другом не меньше, чем те политические акторы, которых они изучают. Большинство наблюдателей согласятся, что современные либеральные общества покоятся на негласном согласии большинства своих членов. Но при этом либертарианцы полагают, что согласие является выражением личного выбора свободных индивидов; теоретики либерального корпоративизма рассматривают согласие как что-то обусловленное и поддерживаемое государственными чиновниками; неомарксисты грамшианского толка полагают, что согласие маскирует гегемонию царящих идей, которые не позволяют управляемым осознать альтернативы существующему порядку вещей; постструктуралисты в свою очередь отмечают, что согласие — лишь часть принудительного процесса индивидуализации⁴.

⁴ Грамши А. Тюремные тетради / пер. с итал. М.: Политиздат, 1991; Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы /

Иногда затруднения могут быть разрешены посредством обращения к фактам, касающимся той ситуации, которая является предметом изучения, особенно это помогает тогда, когда две теории выражены в понятиях одной и той же эпистемологической традиции. Однако спор нередко ведется вокруг альтернативных представлений о том, что именно представляют собой релевантные факты. Следует ли нам рассматривать представления людей как факты, и если да, то следует ли нам рассматривать их как нечто аутентичное или же как симптом «ложного сознания»? Как быть с формами принуждения, которые не могут быть наблюдаемы непосредственно? Например, есть формы принуждения, направленные на вытеснение острых проблем из политической повестки или же на конструирование полномочий и интересов акторов. Следует ли нам при определении истинности согласия принимать во внимание альтернативные варианты действия, доступные акторам?

Разногласия по поводу аутентичности согласия, например, вокруг перечисленных выше вопросов, не могут быть легко улажены путем обращения к эмпирическим данным, так как сама репрезентация этих данных также является предметом спора. Проблеме можно разрешить, начав рассматривать соперничающие теоретические концепции как несоизмеримые, однако такой подход, на наш взгляд, сомнителен, и вполне оправданно. Часто реальные события не дают никаких оснований для столь радикального вывода. Подобное заключение представляется людям убедительным лишь потому, что они принимают ложное допущение о первостепенном значении теории.

пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 197–247;
Хайек Ф. А. Ф. Право, законодательство и свобода / пер.
с англ. М.: ИРИСЭН, 2006; Panitch L. The Development of Cor-
poratism in Liberal Democracies // Comparative Political Stud-
ies. 1977. Vol. 10. No. 1. April. P. 61–90.

Для реалиста же несоизмеримость соперничающих объяснений и степень этой несоизмеримости — исследовательская проблема, а отнюдь не философская догма. Одна из задач науки — разработка критериев, благодаря которым можно было бы оценивать явные несоизмеримости.

ЛОГИЧЕСКИЙ ЭМПИРИЗМ И АНАЛИЗ СОГЛАСИЯ

Мода на разговоры о несоизмеримости есть следствие провала логического эмпиризма; именно с этого и следует начать. Эмпиризм возник как философия наблюдения. Для Юма и его последователей границы того, что может быть признано существующим, то есть границы «реального», исчерпывались тем, что дано в опыте или могло быть выведено из непосредственного чувственного опыта. При таком понимании знания постулирование существования ненаблюдаемых напрямую сущностей, будь то кварки или польза, на основе оказываемых ими требующих доказательства воздействий нелегитимно. Конечно, это не значит, что невозможно инкорпорировать в научные теории ненаблюдаемые «теоретические сущности», однако представители логического эмпиризма будут подходить к этим сущностям и теориям инструментально (то есть как к инструментам по организации опыта и прогнозированию его результатов), а не реалистически (то есть они не будут считать их реальными сущностями или структурами мира)⁵.

Сторонники подобной онтологии, нередко описываемой как «центрированной на событие», определяют причинность в юмовских понятиях через отсылку

⁵ Об инструментализме см.: *Friedman M. The Methodology of Positive Economics. Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 8–14; Nagel E. The Structure of Science. 2nd ed. Indianapolis: Hackett, 1979. P. 129–52.*

к постоянным сцепкам событий. Согласно Юму, общепринятая идея о существовании в мире причинности, обуславливающей закономерности и прочие наблюдаемые нами явления, есть не более чем метафизическое суеверие. Мы видим закономерности, которые заставляют нас предположить существование причинности, но мы никогда не наблюдаем механизмы причинности⁶. Учитывая, что общепринятый взгляд на причинность был для них невозможен, представители логического эмпиризма стали искать иные основания для концептуализации отношений между причиной и следствием, являющихся основанием научного объяснения. Они нашли их в структуре теоретических аргументов, посредством которых ученые развивают свои каузальные суждения. Такие теоретики, как Карл Гемпель, утверждали, что ученые пытаются подвести конкретные каузальные суждения под более общие законоподобные утверждения так, чтобы отношения между конкретными примерами законоподобных утверждений и самими утверждениями могли быть выстроены дедуктивно⁷. Дедуктивно-номологическая (Д-Н) модель Гемпеля дала логическому эмпиризму необходимый иммунитет от вмешательства со стороны здравого смысла. Дедуктивные следствия из законоподобных обобщений позволяют делать прогностические суждения, которые затем могут быть проверены на будущем опыте, что в свою очередь позволит подтвердить, опровергнуть или обнаружить необходимость модификации тео-

⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С. И. Церетели // Д. Юм. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 126–231.

⁷ Гемпель К. Функция общих законов в истории // К. Гемпель. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. С. 16–31. Отличный анализ дедуктивно-номологической модели в социальных науках см.: Gunnell J. *Philosophy, Science, and Political Inquiry*. Morristown, NJ: General Learning Press, 1975. P. 60–96.

рии. Как считалось, наука будет развиваться благодаря механизму подведения конкретных каузальных суждений под более общие законоподобные утверждения.

Гемпель и его сторонники полагали, что Д-Н-модель представляет собой реконструкцию логики научного объяснения, а не описание научной практики. Как указывает Абрахам Каплан, даже в физике практика объяснения никогда не соответствовала этой реконструированной логике⁸. Данный факт был явно упущен большинством сторонников бихевиоральной революции в социальных науках, которые в своих благих намерениях усилить эпистемологический авторитет любимой науки приняли данную логику за описание научной практики, которую обществоведы должны стараться воспроизводить. Наверное, нет ничего удивительного в том, что бихевиоралисты первого поколения так и не смогли сформулировать законоподобные обобщения, достаточно широкие для того, чтобы из них можно было вывести прогностические теории социального действия⁹. Отсюда можно было сделать два вывода: либо гуманитарные науки пока еще находятся в самом начале своего развития, либо само научное понимание социального мира невозможно. Большинство обществоведов,

⁸ *Kaplan A. The Conduct of Inquiry. New York: Harper & Row, 1964. P. 3–11.* Хороший анализ некоторых следствий проводимого Капланом разделения для методологических дискуссий вокруг социальных наук см.: *Little R. International Relations and the Methodological Turn // Political Studies. 1991. Vol. 39. No. 3. September. P. 463–478.*

⁹ Более подробное рассмотрение сложностей, связанных с поиском законоподобных обобщений в общественных науках, см.: *Макинтаир А. После добродетели / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический проект, 2000. С. 122–149; Miller R. Fact and Method. Princeton: Princeton University Press, 1987. P. 15–59.*

естественно, придерживается первой точки зрения, но при этом многие из них отказались от своей приверженности логическому эмпиризму в пользу более аморфных концепций, например, «постбихевиорализма». Кризис логического эмпиризма породил две реакции: одну более логицистскую, другую — более эмпирическую в традиционном смысле этого слова. Эти два незаконнорожденных ребенка логического эмпиризма сформировали большую часть современной практики социальных наук. Собственно, к анализу выработанных в их рамках подходов к пониманию согласия мы сейчас и перейдем.

ЛОГИЦИЗМ И ЭПИФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ СОГЛАСИЯ

Логицистскую реакцию чаще всего можно встретить в экономике и сопряженных с ней социальных науках, для которых характерен высокий престиж теории рационального выбора как модели объяснения человеческого поведения. Вместо формулирования законоподобных обобщений о наблюдаемых явлениях логицисты предпочитают строить свои теории на основе допущений, не обязательно являющихся отражением внешнего мира; предполагается, что в реальности все устроено так, «как если бы» эти допущения соответствовали действительности. Такой ход объясняется тем, что логические эмпиристы придерживались инструменталистских воззрений на теорию. Если теория — это всего лишь инструмент упорядочивания опыта, а вовсе не описание реального механизма причинно-следственной связи, тогда природа допущений, на основе которых строятся объяснения, оказывается совершенно неважной до тех пор, пока позволяет удовлетворительно организовывать опыт или «спа-

сать явления»¹⁰. Но здесь мы сталкиваемся с серьезными трудностями.

Инструментализм имел смысл в рамках изначальной Д-Н-модели, когда прогнозирование событий мыслилось как способ проверки основополагающих допущений. В тот момент, когда прогнозирование перестает играть эту роль, а от допущений больше не ждут соответствия эмпирическому миру, теория приобретает номиналистский оттенок: видение реальности оказывается проекцией теории, а не наоборот. Несмотря на все претензии микроэкономистов и представителей теории рационального выбора на научность, достаточно трудно представить себе что-нибудь, что могло бы стать для них решающим опровержением излюбленных теорий. Уж слишком часто социальные исследования оказываются для логицистов скорее упражнениями по выведению все большего класса явлений из теории, чем попытками найти эмпирическое подтверждение этой теории. Таким образом, логицистская реакция на кризис логического эмпиризма — это поиск эпистемологической надежности дедуктивных элементов Д-Н-модели; однако провал номологических ограничений модели, который будет проиллюстрирован примером из гуманитарных наук, на практике обозначает, что теории все чаще начинают проектировать реальность, чем стараться ее объяснить.

Логицизм имеет тенденцию редуцировать случаи согласия до эпифеноменов, до логических артефактов, которые могут быть полностью «просчитаны» исходя из теоретических предпосылок. В этом отноше-

¹⁰ Как указывают инструменталисты, предпосылки, которые на первый взгляд кажутся неправдоподобными, могут внезапно стать истинными, а значит, эпистемология, которая ими пренебрегает, оказывается необоснованно консервативной: *Фридман М. Методология позитивной экономической науки* // *THESIS*. 1994. Вып. 4. С. 20–27. О скромной миссии эмпирицистов по «спасению явлений» см.: *Fraassen B. van. The Scientific Image*. Oxford: Clarendon, 1980. P. 41–69.

нии логицистский анализ согласия сильно напоминает прочие редукционистские теории согласия, которые время от времени пытаются выдать себя за научные. Так, Гоббс полагал, что всякая человеческая мотивация проистекает из страха смерти. Хотя он и апеллировал к согласию как к основополагающей легитимирующей норме политики, это согласие для него вытекало из принятия всеми людьми того, что в свете его редукционистской теории мотивации должно было являться рациональным. Вульгарные разновидности исторического материализма также рассматривают согласие как нечто эпифеноменальное. Если рабочие не замечают, что трудовые отношения, на которые они согласились, являются отношениями эксплуатации, значит, они жертвы ложного сознания, следовательно, они не способны ухватить истину теории. Можно еще вспомнить Бентама, который полагал, что утверждение «люди ищут удовольствия и избегают боли» есть аксиома, которой не нужно никакое эмпирическое подтверждение, а каждая попытка опровергнуть эту аксиому может быть интерпретирована как еще одно подтверждение ее верности. Бентам зашел так далеко, что начал отрицать свободу воли там, где она может прийти в противоречие с его допущениями о человеческой мотивации¹¹. Во всех указанных случаях примеры согласия прочитываются сквозь призму допущений, не имеющих под собой никакой доказательной базы.

Некоторые представители современного утилитаризма решили сократить количество спорных априорных положений эмпирической психологии до тезиса, согласно которому люди стремятся максимизировать свои предпочтения (а не пользу). Но при этом

¹¹ *Bentham J. A Fragment on Government and an Introduction to the Principles of Morals and Legislation / W. Harrison (ed.). Oxford: Blackwell, 1960 [1789]. P. 125.* Вторую работу на русском языке см.: *Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. Б. Г. Капустина. М.: РОССПЭН, 1998. — Примеч. науч. ред.*

они же — при всех разговорах про научность — переняли у того же Бентама привычку хвататься за некое объяснение и держаться за него, нисколько не заботясь о каком-либо соответствии этого объяснения фактам. «Экономические» обоснования поступков людей создаются наиболее возмутительным образом. Так, например, люди согласны принять крайне вероятную смерть на войне, или бедные одинокие женщины заводят много детей; объяснения подобным случаям дают-ся даже тогда, когда нет никакого эмпирического подтверждения наличия «экономической» мотивации¹².

Эпифеноменальный статус согласия также с очевидностью просматривается в работах таких теоретиков экономического анализа права, как Ричард Познер. Полагая, что общее право эволюционирует так, чтобы способствовать максимизации производства богатства (вне зависимости от того, понимают это судьи или нет), Познер утверждает, что право поддерживает согласительные процедуры, поскольку они служат именно этой цели. Он остается глухим к фактам, что закон запрещает целый ряд согласительных процедур, где связь между запретом и максимизацией богатства отнюдь не очевидна: различные формы непотребства, порнография и наркоторговля — тому примеры. В тех случаях, когда закон поддерживает согласие, но так, что это никоим образом не затрагивает максимизацию богатства, Познер пускается в многословные рассуждения, призванные спасти избранное им однажды объяснение. Наверное, предел подобных рассуждений — это тезис Познера о том, что существование законов, запрещающих изнасилование, обусловлено тем, что «имплицитный рынок» свиданий — где сексуальное наслаждение требует взаимного согласия — явля-

¹² Пример подобных сомнительных с нравственной точки зрения аргументов см.: *Murray C. Losing Ground: American Social Policy, 1950–1980*. New York: Basic Books, 1984. P. 157–166; критику см.: *Jencks C. How Poor Are the Poor?* // *New York Review of Books*. 1985. May 9. P. 41–48.

ется гораздо более эффективной системой, чем простое принуждение. Объяснительные амбиции тезиса Познера столь всеобъемлющи, что порой крайне трудно понять: либо это максимизация богатства используется для объяснения эволюции права, либо сама максимизация богатства определяется через отсылку к тому, как развивается право¹³.

Из сказанного, конечно, не следует, что усилия логицистов не имеют никакой ценности для гуманитарных наук. Если взять некое объяснение и отстаивать его до конца, то можно обнаружить, сколь ошибочны были те допущения, которые изначально казались чем-то само собой разумеющимся; все это может стимулировать постановку новых исследовательских проблем и выдвижение гипотез, которые иначе не попали бы в поле зрения исследователей¹⁴. Более того, ни один человек не способен выполнять всю работу в одиночку — те, у кого выше способности к изучению формальных особенностей аналитических моделей, скорее всего, едва ли смогут заниматься эмпирическими исследованиями на столь же высоком уровне (обратное тоже верно). В принципе, в разделении научного труда нет ничего предосудительного, однако оно может повлечь за собой риски, которыми поборники логицизма явно пренебрегли. Смешивая то, что является простым средством для выдвижения гипотез и ничем больше, с самой практикой социального исследования, логицисты нередко теряют из виду те явления, которые, собственно, и стремятся объяснить их теории. А споры вокруг некоторых положений аналитических моделей, занимающие все их внимание, нередко затрагива-

¹³ Posner R. An Economic Theory of Criminal Law // Columbia Law Review. 1985. Vol. 85. No. 6. October. P. 1193–1231.

¹⁴ Литература о логике принятия решения со времен работ Эрроу прекрасно иллюстрирует все эти повороты. Обзор см.: Mueller D. Public Choice II. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. P. 43–178.

ют настолько далекие от реальности вещи, что просто невозможно себе представить, как их можно оценить эмпирически.

Мысль о том, что истинная научная практика подразумевает повсеместное использование допущений, не являющихся эмпирически обоснованными, проницает собой все современные социальные исследования, проводимые в парадигме теории рационального выбора¹⁵. Данные исследования ориентированы на метод, а не на проблему, эта тенденция лишь усиливается тем фактом, что логицисты больше не ожидают от социальных наук теорий, обладающих прогностической ценностью. Так, один логицист пишет: «Мы не должны позволить явным эмпирическим успехам убедить нас в том, что научное знание может быть достигнуто без дисциплинированного упражнения в абстрактном логическом доказательстве»¹⁶. И хотя нельзя утверждать, что ученые, придерживающиеся логицистского подхода, всегда являются идеологически мотивированными (а когда и являются, не всегда сочувствуют правым), они все же имеют склонность скорее охранять избранный тезис, чем объяснять некий фрагмент социальной реальности, то есть они скорее оберегают и совершенствуют парадигму, чем используют ее для прояснения нашего понимания мира. Истинная наука движима желанием понять реальность; логицистские усилия часто приводят к замыканию на самое себя, столь характерному для идеологий; обусловле-

¹⁵ Обратите внимание, что мои возражения направлены не против общей теории как таковой, но скорее против идеи, согласно которой общность есть индикатор вескости теории; то, является ли теория обоснованной, зависит от ее способности противостоять попыткам фальсификации, а вовсе не от способности интерпретировать все большее число событий.

¹⁶ *Mesquita B. B. de. Toward a Scientific Understanding of International Conflict: A Personal View // International Studies Quarterly. 1985. Vol. 29. No. 2. June. P. 129.*

но это тем, что в своей основе данные усилия мотивированы стремлением отстоять теорию, парадигму или точку зрения.

ЭМПИРИЗМ И БИХЕВИОРАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ СОГЛАСИЯ

Другой плод вырождения логического эмпиризма появился на свет по причине неспособности Д-Н-модели породить дедуктивную социальную науку. Куда менее притязательный в плане теории (по сравнению с логицизмом), этот альтернативный подход ставит перед собой гораздо более умеренные в плане достижения объяснения цели (в рамках общей концепции юмовского подхода к каузальности)¹⁷. Обществоведы, представляющие данное эмпирическое направление, обычно ориентированы на проблемы, относясь с большим вниманием к эмпирическим свидетельствам. Следствием этого нередко является враждебное отношение к логицизму. Однако собственная аргументация сторонников данного подхода также не избежала влияния скептических эпистемологических допущений, встроенных в логический эмпиризм; результатом стало мировоззрение, в котором наблюдаемые события рассматриваются как базовые единицы социальной реальности. В отличие от логицистов, тяготеющих к основательным выводам, получаемым вследствие логической надежности дедуктивных отношений между посылкой и заключением, эмпирицисты пытаются обосновать свои умозаключения уверенностью, вытекающей из непосредственной данности явлений нашим чувствам.

¹⁷ Очень полезный анализ прогрессирующей скромности эмпириков относительно их притязаний на объяснение см.: *Unger R. Social Theory: Its Situation and Its Task. Vol. 1. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1987. P. 135–144.*

Следствия выбора именно такой стратегии хорошо иллюстрируются литературой, написанной в духе бихевиорализма и посвященной власти и согласию. В ней наблюдаемое неодобрение рассматривается как основополагающий элемент любых попыток определить условия, при которых можно утверждать, что согласие между акторами носило характер принуждения¹⁸. Данный тезис бихевиоралистов породил волну критики за то, что в нем не учитываются формы власти, проявляющие себя посредством манипулирования повесткой, формирования предпочтений и конструирования идентичностей. Данные формы власти могут быть выражениями латентного конфликта и структурных отношений власти, которые сами не всегда могут наблюдаться воочию¹⁹. Указав на данные явления, критики отвергли тезис бихевиоралистов о том, что власть в либеральных сообществах распылена по принципу плюрализма. Не удивительно, что сами бихевиоралисты отбросили подобные возражения как нечто ненаучное и идеологически мотивированное²⁰. Подобное нежелание рассматривать критиков всерьез является отражением двух связанных между собой черт эмпиризма Юма: враждебность по отношению к тому, что не может быть увидено (отсюда любая отсылка к неартикулированному интересу или власти начинает казаться подозрительной), а также центрированность на событии (отсюда глухота по отношению к таким отно-

¹⁸ Классиком этого жанра является Роберт Даль: *Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2. No. 3. July. P. 201–215.*

¹⁹ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежава. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010; *Bachrach P., Baratz M. The Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. Vol. 56. No. 4. December. P. 947–952; Isaac J. Power and Marxist Theory. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1987.*

²⁰ *Polsby N. Community Power and Political Theory / 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 1980. P. ix–xvii.*

сительным измерениям социальной реальности, как структурная власть). Ограничения касательно того, что может считаться обоснованным каузальным выводом, которые эмпирицисты наложили на самих себя, привели к игнорированию тезисов о существовании ненаблюдаемых явлений, о чем говорили критики бихевиоралистских теорий согласия. Тем самым спор об эпистемологии и идеологии стал еще и спором о сущностях.

Короче говоря, эмпирицистам привычно одно, логицистам — другое. Тогда как логицизм в своих поисках объяснений склоняется к теории, эмпиризм опирается на рядовых акторов, а также на те институционализированные практики, которые они поддерживают. Как к одной, так и к другой крайности применимо наблюдение Ричарда Миллера: «Плодотворна ли с научной точки зрения предрасположенность к чему-то привычному или нет, зависит от того, есть ли у институтов, в которых мы существуем, предрасположенность к разумному, что заставляет их маркировать некоторые убеждения как респектабельные и рутинные»²¹. То, как ненаблюдаемое, а также не-юмовское видение каузации может повлиять на анализ согласия, будет рассмотрено нами чуть позже; сейчас лишь отметим, что характерный для эмпирицистов скептицизм относительно ненаблюдаемого по умолчанию приводит к режиму благопритворования повседневным объяснениям согласия. В конечном счете все заканчивается тезисом о том, что если есть желание узнать, было ли согласие актора в данной конкретной ситуации результатом принуждения, то нужно спросить самого этого актора.

Сказанное не равносильно утверждению о том, что социальные исследования, ограниченные эмпирист-

²¹ *Miller R. Fact and Method. P. 514; наблюдение Миллера используется им самим в отношении привычного лишь в первом смысле.*

скими представлениями о легитимной научной практике, не внесли никакого вклада в изучение согласия. Тезис Роберта Даля о том, что в американской политике происходит циркуляция элит, а власть не сохраняется в руках одного класса, теоретически описанный им в книге «Предисловие к демократической теории», а затем эмпирически доказанный в работе «Кто правит?»²², был выдвинут как ответ на элитистскую теорию демократии, развиваемую Моска, Михельсом, Парето и Ч. Райтом Миллсом. Львиная доля исследований в русле элитистских теорий опиралась на «железный закон олигархических тенденций», представляющий собой постмарксистское переосмысление старого гоббсовского тезиса о том, что власть не может быть разделенной, что она всегда сосредотачивается в одном месте вне зависимости от поверхностной институциональной политической структуры. Даль увидел, что теории элит опираются не на эмпирические данные, но скорее на теоретическую или идеологическую привлекательность «железного закона»; в используемой мной терминологии они являются прекрасными примерами логицизма. Даль сделал свой ход, противопоставив данным теориям набор аномалий, не укладывающихся в эти теории, а также свой теоретический скептицизм. Он не просто снабдил нас примерами, требующими объяснений от сторонников теорий элит (например, он показал, что в Нью-Хейвене за рассмотренный им период на процесс принятия решений в разных областях влияли разные группы), он также справедливо указал, что именно на этих теориях лежит бремя доказательства собственной правоты. Критики Даля и прочих бихевиоралистов были правы, указывая на то, что чрез-

²² *Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1956; Dahl R. Who Governs? New Haven: Yale University Press, 1963; см. также: Dahl R. The Concept of Power, 1957.*

мерная сосредоточенность на видимом поведении искажает исследование и нивелирует возможность того, что некая критическая теория может оказаться верной. Однако и Даль был прав, настаивая на том, что сторонники подобных теорий все равно будут вынуждены принять во внимание и осмыслить описанную им нью-хейвенскую ситуацию. Более утонченные эмпирические исследования согласия, ставшие результатом споров о ликах власти (некоторые из этих споров рассматриваются ниже), едва ли смогли покуситься на результаты, опубликованные Далем, авторы этих исследований смогли раскритиковать лишь его бихевиорализм.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: хотя исследования социальной жизни, ограничивающие себя эмпирическим подходом к объяснению, и демонстрируют систематическую предвзятость, заставляющую ученых игнорировать непрозрачные измерения каузальных связей, они все же могут вносить полезный вклад в изучение тех феноменов, на которые они направлены. Однако при изучении столь каузально сложных явлений, как согласие, в условиях мира, испещренного непрозрачными отношениями власти, данная практика вполне может привести к проблемным случаям, которые потребуют новых объяснений. Тонкость, с которой Даль ниспровергает тезисы элитистских теорий, нисколько не доказывает истинность и даже правдоподобность его собственных плюралистических тезисов. Это не должно нас удивлять, ведь любая каузальная теория, касающаяся роли власти в возникновении согласия, которая при этом ограничивает себя лишь сферой наблюдаемых событий, с большой вероятностью упустит львиную долю происходящего.

ИНТЕРПРЕТИРУЯ СОГЛАСИЕ:
ПОВОРОТ К ГЕРМЕНЕВТИКЕ

По случайному совпадению, пусть и несколько в иной форме, те исследователи согласия, на которых повлиял интерпретативный поворот в социальной теории, также оказались склонны отдавать предпочтение феноменальному уровню. Для понимания того, почему это так, необходимо уяснить суть герменевтической критики логического эмпиризма. Интерпретативизм имеет много обличей, но все их роднит неприятие представления логического эмпиризма о том, что теории являются истинными настолько, насколько они соответствуют фактам внешнего мира. Философские основания для такого неприятия были заложены поздним Витгенштейном, который в противовес корреспондентской теории истины настаивал на том, что смысл суждений является производным от конвенциональных правил, определяющих их употребление²³. Данный ход дал возможность отвлечься от отношений между языком и реальностью и сфокусироваться на языке как реальности, на том, что Дж. Л. Остин назвал перформативным измерением языка. Как поясняет сам Остин в своем знаменитом примере, когда некто говорит «я обещаю *x* что-то», он тем самым возлагает на себя обязательства, а он не описывает действие, которое совершается каким-то иным образом²⁴. Философы обыденного языка, следовавшие за Витгенштейном и Остином, утверждали, что язык конструирует социальную реальность посредством подобной перформативности. В результате они пришли к ситуа-

²³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 134 (пар. 139).

²⁴ Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Дж. Остин. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 54.

ции, когда понимание социального мира стало мыслиться как прояснение норм и правил, управляющих употреблением лингвистики²⁵. Данный ход имеет избирательное родство с более поздним аргументом Куна о том, что даже в точных науках наблюдение оказывается сверхдетерминировано теорией; то, что ученый считает доказательством, на самом деле является производным от системы правил и ожиданий, зависящих от доминирующих парадигм или систем убеждений, а вовсе не от чего-то внешнего по отношению к этой системе²⁶. С тех пор философия под влиянием работ Сола Крипке и прочих сделала заметный шаг вперед, однако допущения, лежащие в основе философии обыденного языка, все еще продолжают влиять на интерпретативистское направление в гуманитарных науках²⁷.

Почему интерпретативный поворот привлек столь повышенное внимание к феноменальной реальности? Ответ зависит от того, с какой именно разновидностью интерпретативизма мы имеем дело, а также от того, на какой объяснительный статус он притязает. Но все же истоки данной склонности могут наверняка быть усмотрены в повышенном внимании к языку и убеждениям социальных акторов. Это логически вытекает из отождествления смысла с упо-

²⁵ Сам Остин не был до конца уверен относительно того, насколько язык перформативен, тут он подвергал свои мысли ревизии; см. работы В. Серфа, М. Блэка и Д. Фергюсона в сборнике: Fann K. T. (ed.). *Symposium on J. L. Austin*. New York: Humanities Press, 1969. P. 351–379, 401–419.

²⁶ Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: АСТ, 2001. С. 34–82. Обратите внимание, что Кун никогда не считал, что его аргументация может быть применена к гуманитарным наукам, которые он рассматривал как «допарадигмальные».

²⁷ См.: Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982; также см.: Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010.

треблением, которое осуществил Витгенштейн. Давайте рассмотрим следующие действия, «основанные на согласии»:

1. В определенный момент стандартизированной свадебной церемонии в США мужчина и женщина говорят: «Я согласен/согласна».
2. Рабочий, рискующий по не зависящим от него причинам остаться без работы, с благодарностью соглашается на предложение работодателя, который обещает платить ему лишь половину от минимально допустимого размера оплаты труда.
3. Избитая жена добровольно возвращается домой, зная, что там ее ждут еще большие побои и, возможно, даже смерть.

В первом примере одновременно совершается сразу несколько действий. Участники свадебной церемонии через узы брака осознанно связывают себя друг с другом, но одновременно они, пусть даже не имея об этом ни малейшего представления, еще и воспроизводят социальную структуру нуклеарной семьи. Второй пример показывает, что люди могут становиться жертвами структурного принуждения, даже не зная о том, где же именно находится источник принуждения, иногда они даже не осознают само наличие принуждения: рабочий вполне может винить во всех злоключениях самого себя. Третий пример доказывает, что процессы, проиллюстрированные в первых двух случаях, могут происходить одновременно: люди могут принуждаться к согласию силой, которую они сами не осознают; своим согласием они могут производить и воспроизводить социальные структуры, о существовании которых у них нет ни малейшего представления. Избиваемая жена может подпасть под действие психологического синдрома, заставляющего ее интерпретировать надругательство над собой как признак сильных чувств супруга; действуя в соот-

ветствии со своими убеждениями и представлениями, она может непреднамеренно воспроизводить отношения эксплуатации.

Интерпретативистский подход к человеческому действию едва ли подходит для анализа вышеперечисленных случаев по причине гипертрофирования значения смысла действия в сознании действующего актора. Как пишет Квентин Скиннер, один из наиболее рафинированных защитников данного подхода, интерпретативист пытается понимать человеческое действие «не в каузальных позитивистских терминах, остающихся после отсеивания контекста, но скорее в круговых, герменевтических понятиях как осмысленный момент в рамках более широкого контекста конвенций и допущений». Цель — «прояснить» «смысл» «социального действия... для того актора, который его совершает»²⁸. Каждый практик интерпретативизма использует свои методы «прояснения смысла» (согласно Скиннеру, намерения «актеров» необходимо «дешифровать», вывести из объемлющего их лингвистического контекста конвенциональных допущений), однако цель одна и та же: вычленить значимость действия для совершающего это действие актора. Так, Скиннер отличает мотивы совершения действия от намерений актора. Хотя первые и могут являться причинами действия, но они лишь случайно с ним связаны; сущностью любого действия является его смысл, а он, в свою очередь, вычленяется путем вторжения в сознание действующего актора и выяснения его значимости для него. Как пишет Скиннер, ни про одного актора нельзя сказать, что он «хотел сделать или сделал нечто, что он никогда бы не при-

²⁸ Skinner Q. *Hermeneutics and the Role of History* // *New Literary History*. 1975. Vol. 7. No. 1. Autumn. P. 215–216; *Social Meaning and the Explanation of Social Action* / P. Laslett, W. G. Runciman, Q. Skinner (eds). *Philosophy, Politics and Society*. Fourth Series. Oxford: Blackwell, 1972. P. 136.

знал в качестве корректного описания того, что он хотел сделать или сделал»²⁹.

У данного метода, если мы попытаемся применить его для анализа предыдущих трех примеров, равно как и всех других примеров такого рода, есть серьезные ограничения. Они связаны с его конституциональной предрасположенностью к игнорированию таких факторов, как идеологические искажения, бессознательные намерения, а также функциональные измерения действий в контексте социальных структур, которые могут быть (а могут и не быть) очевидными для актора. В силу того, что идеология и отношения власти нередко воздействуют на самопонимание акторов через куда менее прозрачные измерения языка, любой метод изучения согласия, сужающий диапазон исследований до тех самых пресловутых самопониманий, рискует оказаться в плену иллюзий. При этом мы несколько не утверждаем, что каждый внешне добровольный акт есть на самом деле лишь прикрытие для некоего функционализма или детерминизма (идти по этому пути — значит, вновь возвращаться к логицизму). Наша позиция куда умеренней: мы полагаем, что до начала изучения конкретного случая невозможно однозначно утверждать, так это или нет. Тезис Герберта Маркузе о том, что разделяемые всеми нормы в современных либеральных обществах лишь маскируют и усиливают «репрессивную толерантность», с интерпретативистской точки зрения даже не может быть рассмотрен, что свидетельствует об изначальной предвзятости последней³⁰.

²⁹ Skinner Q. *Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts* // *New Literary History*. 1972. Vol. 3. No. 2. Winter. P. 401; Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas* // *History and Theory*. Vol. 8. No. 1. 1969. P. 29.

³⁰ Marcuse H. *Repressive Tolerance*. Robert Wolff, Barrington Moore, Herbert Marcuse, *A Critique of Pure Tolerance*. Boston: Beacon, 1965. P. 81–123. Обратите внимание, что обвинение в предвзятости не следует смешивать с обвинением в консерватизме, которое сторонники интерпретати-

Именно это измерение интерпретативистского подхода в социальных науках позволило критикам охарактеризовать его как «лингвистический бихевиоризм»³¹.

Серьезность данных изъянов зависит от объяснительного статуса, на который претендует интерпретативистский анализ действия. Если, например, прояснения индивидуальных и коллективных смыслов рассматриваются как всего лишь один компонент в рамках более полного объяснения действия, тогда никакое обвинение в предвзятости просто не имеет под собой никаких оснований. Или же если сторонник интерпретативизма изначально ограничивает свой интерес исключительно смыслом действия для данного актора (как это имеет место в некоторых школах литературной экзегетики), подчеркивая, что иные (например, каузальные) аспекты действия его не интересуют, то данный подход также оказывается вполне оправданным и защищенным от критики с вышеизложенных позиций³². До тех пор, пока исследователь не притязает на всеобъемлющую эпистемологическую значимость или завершенность интерпретативистского подхода, «слабый» интерпретативизм оказывается неуязвимым для критики.

Однако исследователи, ратующие за интерпретативистский подход, едва ли в своей практике руководствуются подобными соображениями. Начиная

визма умело парируют, указывая, что их подход позволяет увидеть соперничающие интерпретации практик, доминирующих в культуре, а также высветить противоречия, существующие в рамках основных ее интерпретаций; см.: Gibbons M. Interpretation, Conservatism, and Political Practice // *Polity*. 1985. Vol. 17. No. 4. P. 777–794; Warnke G. *Gadamer: Hermeneutics, Tradition and Reason*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. Ch. 1, 2.

³¹ Chihara C., Fodor J. Operationalism and Ordinary Language: A Critique of Wittgenstein // G. Pitcher (ed.). *Wittgenstein: The Philosophical Investigations*. London: Macmillan, 1966. P. 384–419.

³² В данной главе мы не рассматриваем иные возражения против интерпретативизма.

с 1960-х гг. львиная доля интерпретативистских исследований в социальных науках вдохновлялась той или иной разновидностью «сильного» интерпретативизма, то есть позицией, согласно которой «интерпретативистские прояснения смысла по определению являются лучшими объяснениями действия». Более того, по той причине, что каузальные объяснения в рамках гуманитарных наук попросту немыслимы (потому что никакие не «науки»), выявление смыслов есть единственно возможное обоснование их существования³³. Статус знания, получаемого в результате подобного анализа, есть предмет спора представителей интерпретативизма. Однако если мы имеем дело с позицией, утверждающей правоту данного подхода именно в силу его интерпретативистского характера (то есть утверждается, что интерпретативистские описания есть «истинные» описания действий, совершаемых акторами), тогда недостатки имплицитной предвзятости начинают проявлять себя во всей красе.

Зачастую понять, на какой именно статус притязает тот или иной интерпретативизм, попросту невозможно. Например, большая часть риторики Квентина Скиннера, касающаяся метода (уравнивание «каузального» подхода с «позитивистским» и представление интерпретативизма как альтернативы им), заставляет предположить, что он сторонник радикального взгляда, согласно которому всякие каузальные объяснения в истории идей просто обречены на провал. Однако его собственные исследования опровергают данный тезис. Он совершенно ясно дает понять, что история идей должна изучаться как история идеологий и что его интерпретативистский подход делает это возможным. Однако если подумать, то окажется, что изучение эволюции идеоло-

³³ Рассмотрение разновидностей интерпретативизма см.: Wilson B. (ed.). *Rationality*. Oxford: Blackwell, 1974; в особенности см.: статьи Питера Уинча, Эрнста Геллнера, Аласдера Макинтайра и Стивена Льюкса: Р. 1–49, 78–111, 112–30, 194–213.

гий при условии игнорирования вопросов причинности едва ли возможно. Значит, нам не следует удивляться тому, что исследования Скиннера обусловлены имплицитными каузальными суждениями и допущениями.

Давайте рассмотрим анализ Скиннера современных идеологий личных прав, лежащих в основе либеральных концепций согласия. Он возводит их к гугенотской теории сопротивления, получившей развитие в конце XVI века. Скиннер признает, что для понимания идеологии гугенотов того периода «требуется изучить суть той ситуации, в которой оказались последние во время начала гражданской войны 1562 г.»³⁴, в последующем он посвящает целую главу обсуждению войны, только после этого Скиннер переходит к анализу политических работ самих гугенотов.

Внимательное рассмотрение главы о гугенотской революции показывает, что Скиннер заботится лишь о том, чтобы проанализировать «внутренние» события, окружавшие революцию, то есть он пытается выяснить, как именно они воспринимались участниками. Так, умеренное отношение гугенотов к Медичи до 1572 г. объясняется тем, что Екатерина Медичи в 1560-х гг. считала необходимость сохранения религиозной стабильности политически неизбежной; ее надежды на сохранение власти были связаны с политикой, гарантировавшей гугенотам хоть какую-то меру религиозной терпимости; последние, в свою очередь, понимали, что с их стороны было бы политически недальновидно не воспользоваться сложившейся ситуацией³⁵. Вся объяснительная канва главы предстает именно в таком ключе: политические идеи гугенотов и их оппонентов неизменно трактуются как субъективные рационализации совершаемых ими действий. Скиннер нигде не упоминает про структурные трансформации, которые тогда переживали евро-

³⁴ Skinner Q. *Foundations of Modern Political Thought*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 241.

³⁵ Ibid. P. 241–244; 249–254.

пейские общества, не упоминает он и про то, что развитие универсального индивидуального права на сопротивление внесло важный вклад в укрепление идеологии согласия, которая вполне могла легитимировать переход к рыночному обществу. Возможность существования каузальной связи между возникновением данной идеологии и переходом от феодализма к капитализму даже не оговаривается. Мы не стремимся доказать реальность этих каузальных связей, мы просто хотим отметить, что интерпретативный метод Скиннера не позволяет даже рассмотреть эти варианты³⁶.

Мы привели достаточно аргументов, позволяющих нам утверждать: когда представители интерпретативизма начинают претендовать на то, что их подход — единственно адекватный (или лучший) каузальный анализ человеческого действия, в их работах тут же дает о себе знать предвзятость в пользу феноменальной реальности. То же самое происходит и тогда, когда они, нивелируя саму возможность каузального анализа, тем не менее провозглашают, что их разъяснения — это наиболее адекватный (или лучший) способ понять человеческие действия. Эпистемологические принципы интерпретативизма по определению превращают исследователей в заложников господствующих интерпретаций, а в той степени, в какой последние искажают происходящее, получающиеся результаты также оказываются искаженными. Когда люди совершают добровольные действия, вполне возможно, что их действительно ничего не принуждает, но это только одна из возможных альтернатив. Поборники интерпретативизма не склонны задаваться вопросом о том, какая из доминирующих интерпретаций добровольного акта является правильной, это обусловлено их верой

³⁶ Данный фрагмент в чуть измененном виде был заимствован из другой моей работы: *Shapiro I. Realism in the Study of the History of Ideas // History of Political Thought. 1982. Vol. 3. No. 3. Winter. P. 568–569.*

в приоритетность обыденных интерпретаций, а также их отказом от каузальных объяснений (или безразличием к ним).

Но это не значит, что мы считаем объяснения интерпретативистов бессмысленными. Как и эмпирицисты, они нередко указывают на проблемные случаи, не укладывающиеся в существующие теории, что идет последним на пользу; кроме того, они могут выявить каузальные связи, которые иначе не были бы обнаружены; также их деятельность может стимулировать процесс формулирования гипотез. Примером тут можно считать работу Джеймса Скотта, написанную в духе интерпретативизма и посвященную «скрытым сценариям» подчиненных групп. Как полевой антрополог, интересующийся проблемами политики в Южной Азии, он детально задокументировал тот факт, что язык подчиненных претерпевает радикальные изменения вместе с контекстом. Их «сценарии», когда они «за сценой» перед лицом друг друга, сильно отличаются от их «публичных сценариев», разыгрываемых в присутствии господ. Скотту удалось показать упрощенность грамшианских представлений о гегемонии, его критика напоминает критику Далем рассмотренных ранее элитистских теорий. Даль некогда внес важный вклад в науку, указав на подтвержденные фактами результаты, не укладывающиеся в конвенциональные теории элит, Скотт делает то же самое, заставляя нас предположить, что как минимум некоторые примеры явной гегемонии на самом деле являются иллюзией.

В свое время Далю удалось скорее указать на слабости прежних объяснений, чем предложить свои, Скотту точно так же первое удалось куда лучше второго. Из исследований Скотта очень трудно вычленить не просто четкую каузальную последовательность событий, но даже хотя бы серию каузальных гипотез, способных объяснить описываемые феномены. Впрочем, его работа не лишена в том числе и каузальной

значимости. Можно даже представить себе читателя, который, ознакомившись с книгой Скотта, попытается эмпирически проверить его гипотезу о том, что размер разрыва (каким-то образом измеренного) между публичными и частными сценариями подчиненных групп напрямую зависит от уровня их объективного бессилия (также каким-то образом измеренного). Подобный ход выведет исследование за рамки интерпретативизма, но отметим, что данный ход был бы невозможен, не напиши Скотт свою работу в духе интерпретативизма³⁷.

Короче говоря, феноменальная реальность не должна наделяться какими-то особыми привилегиями, ставящими исследователю пределы, но одновременно не должна она и дискриминироваться. Последнее — явный порок логицизма. То, в какой степени убеждения и самопонимание людей объясняют их действия, есть предмет для научного исследования, но здесь нет места кабинетным измышлениям.

НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ И СОГЛАСИЕ

Реалисты разделяют с эмпиристами и интерпретативистами целый ряд допущений, касающихся мира и возможности его познания. Реализм здравого смысла — это убежденность в том, что внешний мир объектов существует независимо от разума; в этом смысле он противоположен философскому идеализму и близок эмпиризму. Кроме того, научный реализм разделяет допущение о существовании ненаблюдаемых сущностей и каузальных механизмов³⁸. Данный аспект

³⁷ Scott J. *Weapons of the Weak*. New Haven: Yale University Press, 1985. P. 314–350; Scott J. *Domination and the Arts of Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 70–107, 136–182.

³⁸ Нижеследующее рассмотрение игнорирует различия, существующие в рамках реалистической традиции, оно фокусируется лишь на тех постулатах, которые отделяют реалистов от эмпирицистов и интерпретативистов. Наша кон-

реализма отделяет его от эмпиризма, придерживающегося агностической позиции в отношении ненаблюдаемого, а также от интерпретативизма, анализирующего причинно-следственные связи лишь имплицитно (если подобные проблемы вообще затрагиваются в исследованиях).

РЕАЛИЗМ ОБ ИНТЕРПРЕТАТИВИЗМЕ И ЛОГИЧЕСКОМ ЭМПИРИЗМЕ

Интерпретативистская критика самой возможности существования социальных наук направлена против концепции науки, появившейся в рамках логического эмпиризма; данная критика направлена против важного для логического эмпиризма тезиса о существовании фундаментального уровня наблюдаемых, но не подвергшихся интерпретации фактов, на который и должен опираться процесс познания. Реалисты не утверждают наличие подобного фундамента, но при этом они не считают факт лингвистической конституированности человеческого действия препятствием для существования социальной науки³⁹. Реалисты критикуют интерпретативистов за то, что те рас-

цепция научного реализма многим обязана работам Роя Бхаскара: *Bhaskar R. A Realist Theory of Science*. New York: Humanities Press, 1975; *Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. New York: Humanities Press, 1979. Также мы признательны Миллеру (*Miller. Fact and Method*). Кроме того, данная глава опирается на те дискуссии, которые проходили вокруг реализма в рамках философии естественных наук: *Leplin J. (ed.). Scientific Realism*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984; *Churchland P. Images of Science: Essays on Realism and Empiricism* / C. Hooker (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1985.

³⁹ Достойное обоснование данного тезиса см.: *Greenwood J. The Social Constitution of Action: «Objectivity and Explanation» // Philosophy of the Social Sciences*. 1990. Vol. 20. No. 2. June. P. 195–207.

сма­три­ва­ют ре­аль­ность на­ме­ре­ний, а так­же линг­ви­сти­че­ские пра­ви­ла, кон­сти­ту­и­ру­ю­щие эту ре­аль­ность как не­что не­по­сред­ст­вен­но дан­ное. Со­глас­но ре­али­стам, по­доб­ный под­ход ск­ры­ва­ет ис­ти­ну о том, что са­мо­пон­и­ма­ние и со­ци­аль­ные кон­вен­ции са­ми яв­ля­ются ре­зуль­та­та­ми кау­заль­ных про­цес­сов, будь то со­ци­а­ли­за­ция или от­но­ше­ния вла­сти. Ре­а­ли­сты по­ла­га­ют, что за­да­чей со­ци­аль­ной на­уки яв­ля­ет­ся изу­че­ние дан­ных про­цес­сов.

Если от интерпретативистов реалистов отличает стремление обосновать эпистемологическое пространство, в рамках которого возможны каузальные объяснения, то от логических эмпирицистов их отличают критерии, которым должны соответствовать искомые объяснения. По мнению реалистов, эпистемологический скептицизм, лежащий в основе традиционного эмпиризма, несостоятелен. Суть разногласия в той уверенности, с какой эмпирицисты провозглашают наблюдение фундаментом теории. Реалисты солидаризируются с положением интерпретативизма о том, что не существует никакого теоретически нейтрального языка описаний и наблюдений; эмпирицисты же считают существование подобного языка чем-то самоочевидным. Всякое наблюдение обусловлено унаследованным знанием, воплощенным в успешных теориях прошлого, будь то фоновые суждения о том, как устроен мир, или же техническое знание о том, как именно следует строить вспомогательные инструменты для наблюдения, например, микроскопы и телескопы. Само по себе наблюдение едва ли может считаться адекватным фундаментом познания: суждения существования всегда подразумевают сочетание наблюдения и выводов, основанных на некоей теории. Однако наблюдение не является предопределенным теорией или дискурсом. В отличие от интерпретативистов реалисты полагают, что хорошо фундированные тео-

рии действительно отсылают к внешней реальности (и ограничиваются ей)⁴⁰.

Реалистов от эмпирицистов отличает еще и статус, которым наделяется ненаблюдаемое. Для ученого понимать существование ненаблюдаемого — это рутинная практика, он зависит от нее как в плане предсказания новых фактов, так и в плане реализации способности успешного вмешательства в мир. Философия науки сталкивается тут с двойным вызовом: необходимо учесть тот факт, что львиная доля научной практики является по своей природе «реалистической», а также нужно объяснить ее успех⁴¹. На взгляд реалистов, лучший способ парировать оба вызова — это признать, что наука способна дать как минимум отчасти верные описания каузальной структуры мира.

⁴⁰ Подробнее о споре между реалистами и постмодернистами относительно природы и возможности референции см.: *Mitchell S. Poststructuralism, Empiricism and Interpretation* // S. Mitchell, M. Rosen (eds). *The Need for Interpretation*. London: Athlone, 1983. P. 54–89; *Norris C. Contest of Faculties*. London: Methuen, 1985. P. 47–69; *Devitt M., Sterelny K. Language and Reality: An Introduction to the Philosophy of Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 199–220.

⁴¹ Большинство представителей естественной науки являются реалистами. Исключение составляют специалисты по квантовой механике. О том вызове, который последняя бросает реализму, см.: *Krips H. The Metaphysics of Quantum Theory*. Oxford: Clarendon, 1987; также см.: *Miller. Fact and Method*. 1987. P. 515–603. В меньшей степени это верно и в отношении социальных наук, отчасти по причине извращенного влияния логического эмпиризма на представления обществоведов о том, что же такое настоящая «научная» практика. И все равно очень многое из того, что в реальности делают представители социальных наук, может быть лучше всего осмыслено исходя именно из реалистических, а не эмпирических представлений о науке. Дэвид Десслер предлагает прекрасную критику с реалистических позиций попыток описания научной практики на основе эмпирических представлений о ней, см.: *Dessler D. Beyond Correlations: Toward a Causal Theory of War* // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. No. 3. September. P. 337–356.

Будь это не так, полет человека на Луну, ставший возможным благодаря успехам науки, так и остался бы необъяснимой загадкой⁴².

Отсюда следует базовый прием реалистов: абдукция или «вычисление лучшего объяснения» — переход на основе зрелой теории от наблюдаемых следствий к ненаблюдаемым причинам. Переход к ненаблюдаемому — это способ получения знания, в котором теория играет ключевую роль, а спор эмпирицистов с реалистами получает свою эпистемологическую легитимность⁴³. Эмпирицисты и интерпретативисты отрицают данный прием, утверждая, будто история науки наполнена ошибками, подрывающими тезис о том, что научное знание о ненаблюдаемом является прогрессивным, реалисты, в свою очередь, зависят от этого знания. Именно они и утверждают, что наше знание о структуре реальности, пусть даже оно и является фальсифицируемым, все же вполне кумулятивно. А значит, есть все основания считать данную стратегию оправданной.

Акцент на абдуктивных умозаклчениях подчеркивает не-юмовские основания реалистических воззрений на причинно-следственную связь. Согласно реалистам, каузация — это отношение между механизмом и результатом, а не между предпосылкой и выводом, как утверждается в дедуктивно-номологической модели⁴⁴. Дать каузальное объяснение — значит, исполь-

⁴² «Аргумент о чуде», усиливающий позиции реализма, см.: *Boyd R. The Current Status of the Issue of Scientific Realism // J. Leplin (ed.). Scientific Realism. 1984. P. 58–63; также см.: Wylie A. Arguments for Scientific Realism: The Ascending Spiral // American Philosophical Quarterly. 1986. Vol. 23. No. 3. July. P. 287–297. О реалистических предпосылках, имплицитных научной практике, см.: *Cook T., Campbell D. The Causal Assumptions of Quasi-Experimental Practice // Synthese. 1986. Vol. 68. No. 1. July. P. 141–180.**

⁴³ *Ellis B. Truth and Objectivity. Oxford: Blackwell, 1990. P. 110.*

⁴⁴ Полезное сопоставление позиций эмпирицистов и реалистов по поводу каузации см.: *McMullin E. Two Ideals of*

зовать наблюдение и переход к лучшему объяснению с целью описания того, как именно работают механизмы каузации. Однако это отнюдь не выведение событий из законоподобных обобщений; по мнению реалистов, объяснение и предсказание не симметричны друг другу⁴⁵.

Согласно реалистической позиции, наука должна ориентироваться на проблемы, а не на методы; цель ученого — дать точное описание каузальных механизмов, с опорой на которые можно ответить на интересующие его вопросы о реальности. Ученые начинают с вопрошания о мире, обычно (но не всегда) это вопрошание касается парадоксальных или трудных для понимания аспектов мира; ученые пытаются объяснить эти факты или аномалии. Почему тела падают на землю? Почему горизонт представляется нам изогнутым? Почему мы видим молнию до того, как слышим гром? Почему во время рецессии цены взмывают вверх, хотя по идее они должны падать? Почему миллионы людей, отправляясь на войну, фактически соглашались на верную смерть? Как институты формируют предпочтения и убеждения людей? Подобные вопросы мотивируют практикующих ученых. Последние начинают не с метода, не с теории, но с того аспекта реальности, который они пытаются понять. Методы выяснения того, какие именно каузальные механизмы и как обеспечивают возможность получить результат, зависят от природы поставленных вопро-

Explanation in Natural Science // P. French, T. E. Uehling, Jr., H. K. Wettstein (eds). *Causation and Causal Theories*. Midwest Studies in Philosophy. Vol. 9. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. P. 205–220; Dessler. *Beyond Correlations*.

⁴⁵ Подробнее об изъянах объяснительно-прогностической симметрии см.: *Kitcher P. Explanatory Unification and the Causal Structure of the World / P. Kitcher, W. Salmon (eds). Scientific Explanation, Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. 13. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 411–13.*

сов⁴⁶. Порой количественный, перекрестный анализ способен дать надежный материал для того, чтобы сделать истинное абдуктивное умозаключение. В других контекстах куда более подходящим окажется качественный или исторический анализ. Иногда требуется больше теории, иногда — меньше. Описание каузальных механизмов не подразумевает никакого фиксированного набора методологических правил для практики науки; не существует никакого единственно верного метода каузального анализа. Конкретные предпочтения должны опираться на прагматические критерии, а не на априорные убеждения⁴⁷.

Прагматические, ориентированные на проблему методологические установки реалистов влияют и на их оценку каузальных суждений. Реалисты не имеют никаких предубеждений против той надежды, которую представители логического эмпиризма возлагают на прогнозирование эмпирических закономерностей, поскольку те видят в нем подтверждение обоснованности своих суждений: в абсолютно замкнутых системах каузация просто обязана приводить к подобным закономерностям⁴⁸. Скепсис реалистов

⁴⁶ *Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. Summer. P. 361–365; Garfinkel A. Forms of Explanation. New Haven: Yale University Press, 1981. P. 21–48.* Хороший пример того, как чуткость к природе задаваемых вопросов может повлиять на то, что будет считаться «объяснением», см.: *Suganami H. Bringing Order to the Causes of War Debates // Millennium. 1990. Vol. 19. No. 1. Spring. P. 19–35.*

⁴⁷ Хороший обзор реалистических подходов к каузальному анализу см.: *Sayer A. Method in Social Science: A Realist Approach. London: Hutchinson, 1984. P. 79–107, 211–34; Pawson R. A Measure for Measures: A Manifesto for Empirical Sociology. London: Routledge & Kegan Paul, 1989. P. 157–96.*

⁴⁸ Совпадение во взглядах на каузацию заставило критиков реализма начать — на наш взгляд, ошибочно — говорить о том, что реализм лишь паразитирует на логическом эмпиризме. См.: *Fay B. General Laws and Explaining Human*

направлен против идеи, что подобный одномерный подход к фальсификации уместен в случае открытых систем, преобладающих в социальной жизни. Следовательно, для оценки каузальных суждений реалисты прибегают к трем дополнительным критериям: соответствуют ли эти суждения устоявшимся представлениям о рассматриваемом феномене (при условии, что данные представления не провоцируют в отношении себя особого скептицизма); позволяют ли эти суждения предсказывать новые факты, упущенные существующими теориями; позволяют ли эти суждения осуществлять успешное вмешательство в тот аспект мира, о котором они притязают сообщить нечто новое. Конкретный смысл данных критериев рассматривается ниже.

РЕАЛИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ СОГЛАСИЯ

Некоторые философы, занимающиеся социальными науками и придерживающиеся реалистических позиций, полагают, что реализм подразумевает принятие целого ряда субстанциальных заключений, касающихся социального мира. В качестве примеров подобных заключений чаще всего приводят «структурационную» теорию отношений между акторами и социальными структурами, а также марксистскую концепцию природы капитализма⁴⁹. Подобный прыжок от философии к социальной теории представляется оши-

Behavior // D. Sabia, J. Wallulis (eds). *Changing Social Science*. Albany: State University of New York Press, 1986. P. 103–28; cf. McMullin. *Two Ideals of Explanation*.

⁴⁹ См. к примеру: Bhaskar. *The Possibility of Naturalism*. P. 31–55; Bhaskar. *Scientific Realism and Human Emancipation*. London: Verso, 1986. P. 103–223; Dessler D. *What's At Stake in the Agent-Structure Debate?* // *International Organization*. 1989. Vol. 43. No. 3. Summer. P. 441–474; Isaac J. *Realism and Reality: Some Realistic Reconsiderations* // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1990. Vol. 20. No. 1. March. P. 5–6.

бочным. Структурационная социальная теория, равно как и марксистская политическая экономия, вполне могут предполагать реализм, так как лишь на этой основе может быть оправдана их апелляция к ненаблюдаемым каузальным механизмам. Как раз одним из сравнительных достоинств реализма является его открытость для подобного критического теоретизирования об обществе; до определенной степени реализм позволяет исследователям социальной реальности выходить за пределы привычного такими путями, которые обычно недоступны для исследования, ограниченного рамками логического эмпиризма или интерпретативизма. Однако из этого никак не следует, что реализм предполагает или подразумевает истину подобных теорий. Реализм предполагает лишь то, что задачей социальной науки должно быть описание каузальных механизмов. Но он не способен ничего сказать о том, что именно представляют собой данные механизмы; молчит реализм и о том, должны ли мы, пытаясь объяснить конкретный пример согласия, стоять на позициях плюрализма, элитизма или, может быть, марксизма. Полагать иначе, значит, рисковать угодить в ту же ловушку ориентированного на метод подхода, в какую угодили логический эмпиризм и интерпретативизм. Мы не должны упускать из виду ту «разницу, которую привносит реализм». Эта разница носит рекомендующий, но никак не предписывающий характер.

Трудности вычленения различных каузальных описаний и выбора среди них оптимального могут быть со всей очевидностью увидены на примере исследований, посвященных согласию. Данные трудности обусловлены наличием целого ряда латентных факторов, среди которых: структурная обусловленность познания, интересов и идентичностей; сюда еще можно добавить проблемы, связанные с изучением открытых систем, в которых изоляция, выступающая одним из условий эксперимента, обычно оказывается просто

невозможной. И все же креативно мыслящие ученые-обществоведы, не сковавшие себя той или иной разновидностью эмпиризма и интерпретативизма, нашли способы эмпирического разрешения данных гносеологических проблем. Сначала они формулируют предварительные объяснения рассматриваемых феноменов, а затем уже пытаются обрисовать те каузальные механизмы, которые предполагаются предложенными объяснениями.

Классическим примером подобного подхода является работа «Власть и безвластие» Джона Гавента, посвященная изучению политической апатии шахтеров центральных Аппалачей. Гавента пишет как обществовед, а не как философ, поэтому он не возводит свое несогласие с бихевиоралистскими исследованиями власти к различию между их центрированной на события онтологией и своими реалистическими установками. Однако он, очевидно, пытается поставить под сомнение подход, ориентирующийся на события. Как следствие, он пытается проблематизировать то, что сторонники такого подхода принимают за нечто само собой разумеющееся. Вместо того чтобы предполагать апатию и инертность чем-то естественным, а активность — искусственным, он утверждает, что именно инертность требует объяснения: «Предметом интереса должна быть апатия в ситуации потенциального конфликта, а вовсе не конфликт в ситуации, которая, как предполагается, должна протекать бесконфликтно»⁵⁰. Если чуть детализировать, то вопросы, которыми задается Гавента в своем исследовании, выглядят так:

Почему в ситуации, когда элита доминирует над не-элитой, последняя не восстает против этого доминирования? Что же именно не позволяет в ситуациях социальной депривации поставить определенные вопросы, озвучить определенное недовольство и признать определенные интересы? Почему в подавляе-

⁵⁰ Gaventa. Power and Powerlessness. P. 26.

мом сообществе, в котором по логике следует ожидать восстания, наоборот обнаруживается — или так только кажется — апатия? При каких условиях восстание все же возможно, какой раздражающий фактор необходим, чтобы оно случилось⁵¹?

Предварительное объяснение Гавенты относительно сохранения апатии в ситуации подавления таково: это результат отношений власти. Как он пишет, «в ситуациях неравенства политическая реакция обездоленной группы или класса может быть рассмотрена как функция отношений власти: власть способствует развитию и поддержанию апатии у неэлиты»⁵². Если видимое согласие в предварительном объяснении оказывается следствием отношений власти, тогда эмпирической задачей становится открытие и описание механизмов этого процесса. Если обнаружить подобные механизмы не удастся, то следует усомниться в самой гипотезе, гласящей, что отсутствие особых отношений власти привело бы к неминуемому восстанию подавляемой группы.

Для выявления интересующих его каузальных механизмов Гавента использует четыре стратегии: историческую, сравнительную, структурную и квазиэкспериментальную. Первая стратегия опирается на следующее допущение: если апатия является чем-то рукотворным, значит, следы ее возникновения должны остаться в истории уже имевших место конфликтов. Действительно, исторический анализ Гавенты подтверждает, что в 20–30-х гг. XX века между шахтерами и владельцами шахт на самом деле имели место серьезные конфликты. Тогда шахтеры не смогли отстоять свои требования, это обстоятельство внесло свой вклад в формирование ментальности покорности, когда любые выступления стали казаться чем-то бессмысленным. Далее Гавента приводит дополнительные

⁵¹ *Gaventa. Power and Powerlessness. P. 3.*

⁵² *Ibid. P. 4.*

свидетельства в пользу своего тезиса, показывая, что в иных сравнительно схожих обстоятельствах — кроме тех случаев, когда отношения власти были иными, — шахтеры вели себя куда более активно (сравнительный аспект). В структурном плане Гавента описывает механизмы, посредством которых сохранялся этот дисбаланс в обладании властью: он указывает на роль коррумпированных профсоюзов в поддержании зависимого состояния работников шахт, а также на почти полное отсутствие у последних ресурсов для того, чтобы бросить вызов существующему порядку. В квазиэкспериментальном плане (как участник-наблюдатель) он изучает склонность рабочих к оппозиционной деятельности в ситуациях, когда отношения власти или дают сбой, или начинают меняться каким-либо иным образом⁵³.

Двигаясь в этих четырех направлениях, Гавента получает достаточно свидетельств в пользу своего тезиса о том, что апатия шахтеров Аппалачей едва ли может быть объяснена бихевиоралистскими концепциями власти, согласно которым лишь наличие или отсутствие прямого принуждения можно считать достаточным критерием для определения наличия или отсутствия согласия. В противовес подобным концепциям Гавента утверждает, что апатия шахтеров вызвана действием куда менее заметных второго и третьего «измерений» власти: мобилизацией институциональных предубеждений против открытого конфликта, а также воздействием этого процесса на понимание шахтерами собственных интересов. В результате получается очень подробное описание того, как именно переплетаются все три измерения власти, чтобы в результате привести к нейтрализации потенциальной оппозиции владельцам шахт. При таком подходе, с одной

⁵³ Исторический и сравнительный анализ см.: Ibid. P. 47–121; структурный анализ: P. 125–201; наконец, квазиэкспериментальный анализ: P. 207–251.

стороны, учитываются все преимущества бихевиоралистской центрированности на наблюдаемых событиях, а с другой — достигается куда более полная картина происходящего за счет учета в том числе и глубинных факторов.

Какой критике может быть подвергнут анализ Гавенты со стороны эмпирицистов и интерпретативистов? Удивительно, но лишь немногие назвали его работу «антинаучной» и «идеологической»; более того, книга получила самое широкое признание. Возможно, одна из причин такого одобрения — богатство эмпирических данных. Тогда как абстрактное рассмотрение третьего измерения власти, которое можно найти в работе «Власть» Стивена Льюкса, было подвергнуто критике, Гавента, вдохновленный Льюксом, сумел избежать ошибок последнего (например, не использовал понятие «реальные интересы»). Он привел огромное число прямых и косвенных свидетельств в пользу своего тезиса, тем самым ему удалось минимизировать эпистемологический разрыв между наблюдаемыми явлениями и выводами о действующих каузальных механизмах. Отсутствие системного вызова представляет собой второй причиной повсеместного одобрения книги: выводы, делаемые Гавентой, соответствуют эпистемологическим представлениям большинства практикующих ученых-обществоведов. Вопреки выдержанному в духе логического эмпиризма введению в философию социальных наук, с которым большинство будущих обществоведов знакомятся в университете, именно ориентированные на проблему стандарты каузального обобщения, разработанные реалистами, способны куда лучше описать повседневные исследовательские практики. Большинство ученых в своем стремлении искоренить квазинауку отнюдь не так неумолимо скептически, как их пытаются представить сторонники логического эмпиризма.

Что могут возразить Гавенте закоренелые эмпирицисты и интерпретативисты? Интерпретативист, по-

лагающий, что каузальному объяснению нечего делать в социальных науках, будет отвергать любые попытки объяснения апатии шахтеров, кроме ссылок на комплексы дискурсов и смыслов. В силу того, что Гавента пытается объяснить природу и эволюцию данных комплексов каузально, последовательный интерпретативист волей-неволей будет вынужден отвергнуть его теорию. Однако отнюдь не все интерпретативисты отрицают каузальные объяснения как таковые, некоторые из них отрицают лишь эмпирические концепции каузации, которые очень трудно совместить с представлениями о человеческой свободе и субъективности⁵⁴. Такие ученые вполне могут найти реалистичский подход Гавенты вполне приемлемым. В особенности их может привлечь то, что он предлагает нарратив, связывающий его выводы с самопониманием акторов.

Учитывая, что представители логического эмпиризма стремятся найти для каузальных выводов эпистемологически прочные основания непосредственно го опыта или логической дедукции, у них будут как минимум три причины относиться к тезисам Гавенты скептически. Первая причина касается его желания уйти от скользкой проблемы — необходимости приписывать угнетаемым акторам реальные, но непосредственно ненаблюдаемые интересы, которыми бы они руководствовались, если бы не оказываемое на них влияние со стороны второго и третьего измерений власти. Гавента выходит из ситуации так: он предлагает говорить не о реальных интересах акторов, но о том, что последним не позволяют действовать как минимум в соответствии с некоторыми из их интересов (или им не дают осознать эти интересы)⁵⁵. Как указывает Дэвид Хоуэлл, проблема снимается, если показать, что источник препятствования ле-

⁵⁴ Greenwood J. Agency, Causality, and Meaning // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1988. Vol. 18. No. 1. March. P. 95–115.

⁵⁵ Gaventa. Power and Powerlessness. P. 29.

жит в ненаблюдаемых формах власти, существование которых Гавента пытается доказать, апеллируя к эмпирическим данным⁵⁶. Действительно, на каком еще основании — при условии отсутствия прямого принуждения — можно обоснованно утверждать, что рабочие, не мешай им ничего, непременно бы восстали? Это можно делать, лишь ссылаясь на ненаблюдаемые второе и третье измерения власти. Однако для исчерпывающего разъяснения данного вопроса требуется априорная хорошо продуманная теория человеческих интересов (она бы выполняла ту роль, которую в дедуктивно-номологических теориях играют законоподобные обобщения или допущения). У Гавенты такой теории нет. Другими словами, проблема реальных интересов может быть вытеснена на второй план, но никак не устранена. Данное обстоятельство позволяет усомниться во всей исследовательской стратегии Гавенты, пытающегося объяснить «нерушимость» социального покоя⁵⁷.

Как следствие, вторую черту исследования Гавенты, которая бы вызывала недовольство логического эмпирициста, составляет отказ подвергнуть систематическому анализу целый ряд альтернативных объяснений апатии шахтеров. Гавента вполне убедительно показывает, что первое и второе измерения власти не в силах объяснить выводов, получаемых в результате его исследования, однако он нигде специально не рассматривает упоминаемую им несколько раз бихевиоралистскую позицию, согласно которой пассивность шахтеров обусловлена «культурой апатии». Гавента пытается осмыслить «апатию» шахтеров, однако его исследовательский настрой, а также те эмпирические данные, с которыми он имеет дело, не позволяют

⁵⁶ Howell D. Docile Diggers and Russian Reds: Contrasts in Working-class Politics // *Political Studies*. 1981. Vol. 29. No. 3. September. P. 457–458.

⁵⁷ Ibid. P. 458.

ему определить, существует ли такая культура (не тождественная отношениям власти) в действительности, и если да, то каковы ее корни. Следовательно, у него нет никаких оснований утверждать, что теория бихевиоралистов ошибочна. Систематическая лишенность власти вполне может способствовать укреплению данной культуры, но это же могут делать и иные факторы, которые Гавента не принимает во внимание. Скептик заметил бы, что монокаузальный подход Гавенты в лучшем случае доказывает соответствие апатии шахтеров его теории ненаблюдаемых властных механизмов, однако одного этого недостаточно для провозглашения наличия каузальной связи. Для доказательства причинно-следственной связи требуется многоуровневое исследование, которое бы подтвердило или опровергло предлагаемый вывод, а также сопоставило бы его с целым рядом альтернативных гипотез.

Кульминацией критики со стороны представителя логического эмпиризма может стать указание на то, что Гавента разбирает лишь один-единственный случай, что неизбежно накладывает на его работу внутренние ограничения, едва ли позволяя ей быть основой для каузальных заключений. Гавента пытается расширить свой эмпирический фундамент путем использования сравнительных и исторических методов, однако первые носят сугубо случайный и несистемный характер, тогда как вторых просто недостаточно, чтобы отмахнуться от альтернативных гипотез (если бы таковые вообще рассматривались). Короче говоря, у Гавенты нет достаточных оснований для того, чтобы эмпирически зафиксировать наличие закономерной связи между провозглашаемой им причиной и ее следствием, а без этого мы едва ли можем быть уверенными в том, что нечто, полагаемое нами причинной связью, действительно является таковой. Чтобы говорить об «устойчивых связях», необходимо как минимум провести сравнительное исследование случаев, исчерпывающе подобранных в соответствии

с четкими критериями; в идеале же необходимо рассмотреть множество случаев, достаточное для использования методов статистического анализа.

Научные реалисты, а возможно, и сам Гавента, скорее всего согласятся с логическими эмпирицистами, призывающими обратить внимание на альтернативные гипотезы, а также увеличить количество рассматриваемых случаев. Реалисты никоим образом не отрицают возможность и даже вероятность существования множества каузальных механизмов, не отрицают они и необходимость создания такого проекта исследования, который бы позволил отсеять одни механизмы и подтвердить другие. Реалисты также стремятся к фиксации эмпирически наблюдаемых закономерностей, способных стать еще одним доказательством существования каузальных механизмов. Однако при этом реалисты не преминули бы напомнить обществоведам, что те имеют дело с открытыми системами, что им не следует смешивать закономерности с механизмами и принимать отсутствие первых за решающее свидетельство против предлагаемой каузальной теории. В силу того, что основная задача науки, по мнению реалистов, состоит в описании того, как именно работают каузальные механизмы, они предпочитают методы качественного исследования всем остальным; так, например, реалисты часто прибегают к информационно насыщенному анализу исследуемых ими случаев, позволяющему максимально хорошо осветить данные механизмы, пусть даже это и ведет к ослаблению дедуктивной базы, необходимой для рассмотрения альтернативных гипотез⁵⁸.

⁵⁸ Об интересе реалистов к изучению кейсов см.: Sayer. *Method in Social Science*. P. 211–234; также см.: George A., McKelown T. *Case Studies and Theories of Organizational Decision Making* // R. Coulam, R. Smith (eds). *Advances in Information Processing in Organizations*. Greenwich, UK: JAI, 1985. P. 21–58.

Таким образом, у логических эмпирицистов есть достаточно причин для скептического отношения к выводам Гавенты; более того, учитывая те вопросы о согласии, которые он задает, такие причины будут всегда. Вопрос в следующем: должны ли мы, несмотря ни на что, все же рисковать и задавать подобные вопросы, используя все имеющиеся технические средства для оценки альтернативных гипотез, или же мы должны от них отказаться, так как у нас нет ни малейшей возможности дать на них законоподобные ответы, подобные тем, что можно получить в условиях лабораторных исследований? Рассматривая науку как деятельность, ориентированную на проблему, а не на метод, реалисты однозначно выступают за риск, они готовы, если потребуется, закрыть глаза на ту эпистемологическую шаткость, которая следует из подобного выбора. Реалисты готовы поспорить с тезисом логических эмпирицистов о том, что без закономерностей у нас нет ничего. Данный тезис требует эпистемологических гарантий, стремление к которым автоматически обесмысливает целые пласты социальных исследований, кроме того, тут игнорируется сама возможность использования различных дедуктивных техник для лавирования между альтернативными гипотезами даже тогда, когда подобные гарантии невозможны. Скептицизм эмпирицистов должен стать стимулом к улучшению исследовательских проектов, пример которых — работа Гавенты; однако нельзя допустить, что скептицизм блокировал подобные проекты.

Даже без эмпирических закономерностей, учитывающих все альтернативные гипотезы, выводы Гавенты вполне могут считаться убедительными. Мы приведем два аргумента в пользу данного тезиса, которые прольют свет на соображения, позволяющие реалистам, а также множеству практикующих обществоведов говорить о наличии механизмов причинно-следственной связи и о возможности рациональной оценки суждений, касающихся открытых систем. Во-первых, при-

водимые Гавентой свидетельства соответствуют общепринятым представлениям о человеческом поведении. Разве не верно, что люди, лишенные как политических, так и экономических ресурсов, впадут в апатию, если до этого во всех открытых конфликтах они терпели поражения? Разве не верно, что если этим людям представится настоящий шанс, то они непременно восстанут? Соответствие устоявшимся представлениям важно, так как согласно реалистической позиции всякое наблюдение до определенной степени теоретически нагружено. Ученые, вопреки мнению эмпирицистов, сопоставляют теории не с «данными», а с альтернативными теориями и фоновыми представлениями о том, как устроен мир. Соответствие теории этим представлениям никоим образом не является достаточным основанием для ее принятия, однако на теорию, которая будет радикально им противоречить, ложится дополнительное бремя обоснования. Короче говоря, повествование Гавенты, включающее в себя элемент причинно-следственной связи, кажется на интуитивном уровне весьма правдоподобным.

Второй аргумент в пользу выводов Гавенты вполне можно считать решающим. Что происходит после «вмешательства» в устоявшуюся систему отношений власти? В случае шахтеров это вмешательство сначала было обусловлено внешними факторами: ослаблением власти корпораций в начале 1930-х гг., затем — факторами внутренними: в начале 1970-х гг. по заказу британского телевидения был сделан документальный фильм о шахтерах Аппалачей. Последний вызвал ожесточенное, но кратковременное «восстание» рабочих, ополчившихся против своих владельцев. Хотя фильм и не был показан по американскому телевидению, его документальная база (многочисленные интервью с шахтерами, нищими фермерами и членами их семей, свободно рассказывающими о своей политической и экономической ситуации) разошлась на видеокассетах по всему району Аппалачей. Воору-

женного восстания не последовало, однако видимые последствия — помимо непрекращающихся попыток по организации населения — не заставили себя ждать: изменилось представление рабочих о своих интересах, кроме того, произошла мобилизация населения, которое десятилетиями демонстрировало политическую апатию и не решалось коллективно выступить против власти корпораций. Хотя коллективному действию так и не удалось привести к чаемым изменениям, оно повлияло на осознание шахтерами своих интересов; местное правительство и корпорации, в свою очередь, получили сигнал о том, что назрела настоятельная необходимость в фундаментальных реформах.

Примеры вмешательства и их последствий заметно усиливают правдоподобность контрфактуальных утверждений. Для Гавенты главное — тот факт, что шахтеры не стали бы вести себя пассивно, не воздействуя на них каузальные механизмы трех измерений власти. А значит, то, что с позиций бихевиоралистов выглядит как «согласие», на самом деле является следствием отношений власти. Логический эмпирицист, скорее всего, отвергнет подобные свидетельства в пользу существования трех измерений власти, он укажет на отсутствие систематического рассмотрения альтернативных гипотез, без которого первоначальная гипотеза не может считаться «доказанной». Реалисты, едва ли считающие один единственный критерий решающим, будут оспаривать подобный вердикт, утверждая, что он выдвигает к подтверждению теории нереалистические требования. Для реалистов вмешательство в мир представляет собой еще один аргумент в пользу теории; в данном случае он с очевидностью подкрепляет теорию Гавенты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характер поставленных вопросов определяет характер и направление исследования. Порой это направление столь сложно, что фиксация закономерностей оказы-

вается попросту невозможной. В таком случае единственным способом проверить суждение о наличии предполагаемой причинно-следственной связи становится ее блокировка и наблюдение за тем, что из этого получится. Отсюда вытекают нормативные вопросы, касающиеся научного исследования, которых просто невозможно избежать, что и доказывает история с вмешательством в дела шахтеров из Аппалачей. Использование вмешательства как критерия оценки теории толкает обществоведов (но отнюдь не требует от них этого) на построение «критических теорий», то есть теорий, которые могут быть оценены лишь после того, как будут поставлены под сомнение институциональные структуры, порождающие привычные социальные закономерности. «Проблема» в том, что это, несомненно, политически заряженный акт, идущий вразрез с нередко провозглашаемой целью ценностной нейтральности при проведении социального исследования. Однако если мы избегаем вмешательства как одного из критериев при выборе теории, предпочитая ему поиск эмпирически наблюдаемых закономерностей, тогда мы рискуем ограничить социальное исследование областью теорий «решения задач», пригодных исключительно для воспроизводства или, возможно, реформирования сложившегося порядка⁵⁹. Как ясно показал Брайан Фей в своей критике логического позитивизма, последний представляет собой не менее политизированную позицию, чем та, что опирается на критическое изучение существующих институциональных структур⁶⁰. Все вопросы об обществе, задаваемые или отвергаемые обществоведами, являются

⁵⁹ Деление на критические теории и теории «решения задач» обосновывается Робертом Коксом в его работе, см.: Cox R. *Social Forces, States and World Orders: Beyond International-Relations Theory* // R. Keohane (ed.). *Neorealism and its Critics*. New York: Columbia University Press, 1986. P. 204–254.

⁶⁰ Fay B. *Social Theory and Political Practice*. London: Allen & Unwin, 1975. P. 18–69.

политическими, так как ответы на них имеют политическое измерение. Мы нисколько не желаем диктовать обществоведам, какие именно вопросы им следует задавать, мы лишь убеждаем их не принимать некритически философию науки, устраняющую саму возможность рассмотрения целого ряда проблем.

Целью данной части было обоснование того, почему эпистемологические убеждения должны в минимальной степени определять практику социального исследования и как этого добиться. Мы привели два соображения. С одной стороны, реализм — не гарантия от некачественной работы обществоведов, он не предлагает никаких субстанциальных положений о структуре социальной жизни, и уж конечно, не диктует ученым, кем им следует быть — либералами, сторонниками Грамши или сторонниками Фуко — при рассмотрении конкретных примеров согласия. Реализм — это философия социальной науки, а не теория общества. С другой стороны, реализм ниспровергает философские доводы в пользу узкого понимания практики социальных наук, подразумеваемого в рамках логического эмпиризма и интерпретативизма. Данные доктрины накладывают априорные ограничения на тот тип вопросов о социальной жизни, которые могут быть заданы обществоведом, а также на те теории, которые могут из этого возникнуть. По-настоящему научное изучение согласия должно быть открыто для возможности того, что любая теория о его природе окажется истинной. Вмешательство реализма в эпистемологические споры ценно тем, что он освобождает практику социальных исследований от вводящих в заблуждение ограничений. Но при этом реализм ничего не говорит о том, к чему именно должна вести данная практика. Это дело обществоведов, но никак не философов.

II. Патологии рационального выбора: еще один подход к проблеме

Социальные науки возникли в атмосфере повышенных ожиданий от того, что может быть получено в результате систематического изучения мира людей, вследствие этого данные науки время от времени переживают интеллектуальный кризис. Каждое новое поколение ученых выражает недовольство существующим процессом накопления знаний, оно чает новой, более многообещающей формы социальных наук. Сложность большинства социальных феноменов, приблизительность замеров объясняющих переменных, а также неспособность проводить контролируемые эксперименты серьезно сужает масштаб того, что вообще могут дать социальные науки *как таковые*. И все же поиск волшебного средства, способного поставить социальные науки в один ряд с науками естественными и физическими, как никогда популярен. Едва ли можно встретить научную конференцию, посвященную социальным наукам, на которой бы кто-нибудь — не важно, молодой или старый, — не говорил о необходимости большей лингвистической точности, аналитической ясности и теоретической строгости.

На роль этого волшебного средства сегодня претендует теория рационального выбора (далее ТРВ), опирающаяся на следующий тезис: люди пытаются максимизировать полезность, и пути этой максимизации могут быть выявлены с помощью формальных методов. Как было указано нами в работе «Патологии тео-

рии рационального выбора» (далее просто «Патологии»), разные версии ТРВ опираются на разные допущения о том, какого рода пользу люди пытаются максимизировать, какова природа тех убеждений, которые они разделяют, каков способ получения и обработки информации, используемый учеными¹. Все эти версии роднит внимание к равновесию, получаемому в результате стратегического взаимодействия, к его природе и формам существования. Любое исследование, проведенное в рамках ТРВ, может быть более или менее формальным в своем изложении, однако содержащиеся в нем суждения о социальном равновесии должны быть принципиально выводимыми из логики инструментального поведения.

Лишь снобизм знатока высшей математики или же полное отвращение ко всему формальному может позволить человеку избежать чар аналитических достижений ТРВ, например, в политической науке. С каждым годом мы видим дальнейшее расширение и детализацию того, что уже превратилось в обширную сеть взаимосвязанных логических суждений. На первый взгляд создается впечатление, что перед нами масштабная дедуктивная система, способная сформировать строгую кумулятивную теорию, давно являвшуюся предметом мечтаний для представителей социальной науки.

Но что именно этот мощный теоретический аппарат прибавил к совокупности тех знаний о политике, которыми мы располагаем? Наш основополагающий тезис таков: из неочевидных посылок, недоступных эмпирической проверке, мы в результате получили очень скудное количество знаний. В ТРВ можно встретить поразительные суждения, которые едва ли способны выдержать серьезную эмпирическую провер-

¹ *Green D., Shapiro I. Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 17–30.*

ку (например, что изменения коллективных стимулов в больших группах не оказывают практически никакого влияния на показатели участия; что правило большинства порождает электоральные циклы, связанные с вопросами перераспределения). Также там можно встретить вполне обоснованные суждения, которые при этом не кажутся поразительными (например, что рост некоторых стимулов способствует росту участия в коллективном действии; что голосование на основе сверхквалифицированного большинства сужает возможности для политических изменений). Однако нам крайне редко встречались суждения, которые бы являлись одновременно и поразительными, и обоснованными.

Обычная реакция сторонников ТРВ на подобную критику — это стремление переложить бремя доказательства на самих критиков. Они призывают последних доказать, что рациональное поведение не играет никакой роли в политике и что при рассмотрении конкретных аномалий нет никакой возможности использовать для их описания логику рационального выбора. Подобный ход не может оправдать ТРВ. Есть и другая альтернатива: поборники ТРВ начинают присваивать себе те интуиции, которые разделяются теоретиками, не принадлежащими к ТРВ. Например, они будут указывать на тот факт, что участие в выборах становится все более редким по мере того, как оно становится все более затратным. Идея о том, что поведение человека до определенной степени подчиняется принципу ценовой эластичности, при всей ее важности и эмпирической обоснованности все же не способна пройти то, что Робин Дайес называет *тестом на бабушку*: «Является ли данное обоснованное утверждение чем-то, о чем бабушка Робина не имеет ни малейшего представления?» Как было отмечено нами в работе «Патологии», практически все исследователи политики, как прошлые, так и настоящие, разделяют с ТРВ некоторые интуиции относительно причинно-следственных

связей². Интересующий нас вопрос заключается в том, действительно ли исследования в духе рационального выбора *добавили* что-то к уже имеющемуся знанию?

Бернард Грофман прав, указывая в своем эссе «Об изящном искусстве критики рационального выбора», что одно дело утверждать о малой пользе данной теории, но совсем другое — провести полноценное исследование кейса, опираясь на внимательное изучение существующей литературы³. Соответственно, мы поставили перед собой задачу проанализировать наиболее продвинутой и утонченную литературу по данному вопросу, для анализа мы выбрали литературу о коллективных действиях, поведении законодателей и партийной конкуренции. Среди этой литературы можно обнаружить массу работ, авторы которых притязают на то, что им удалось сделать теоретически продвинутые и эмпирически обоснованные суждения. Однако ореол вокруг ТРВ очень быстро рассеивается, когда данные исследования подвергаются дотошному анализу, как это было сделано нами в работе «Патологии»⁴. После того как вы продеретесь сквозь тенденциозную и бессодержательную эмпирическую работу, сквозь теоретические украшения *ad hoc*, а также через умелые попытки обойти неудобные факты, то оставшееся едва ли покажется вам заслуживающим тех фанфар, которыми столь часто окружены представители ТРВ.

Едва ли сторонники ТРВ примут наш тезис без боя, поэтому неудивительно, что целый ряд критиков утверждал, будто бы в работе «Патологии» мы отказались признать вполне легитимные эмпирические достижения ТРВ. В данной главе наша задача — от-

² Green, Shapiro. Pathologies. P. 147.

³ Grofman B. On the Gentle Art of Rational Choice Bashing / B. Grofman (ed.). Information, Participation and Choice. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.

⁴ См.: Green, Shapiro. Pathologies. Chs. 4–7.

реагировать на эти упреки, а также дать разъяснения по поводу целого ряда вытекающих отсюда деталей. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что, хотя мы и не считаем, что ТРВ удалось внести хоть сколько-нибудь значимый вклад в ту совокупность неочевидных эмпирических знаний о политике, которыми мы располагаем, в наши планы никоим образом не входила попытка оценить степень того, насколько успешны в этом отношении были традиционные формы политической науки⁵. Одна из наиболее распространенных реакций на нашу книгу со стороны тех, с кем мы ее обсуждали, — это вопрос: «Почему данная книга не носит название „Патологии социальных наук“? Почему отдельно выделена именно ТРВ?» Ответ на данный вопрос содержит два утверждения. Во-первых, на наш взгляд, традиционные стратегии исследования в политической науке, несмотря на свой нередко тривиаль-

⁵ Дирмайер предлагает нам случайным образом отобрать статьи из ведущих журналов, чтобы таким образом сравнить качество ТРВ с качеством других направлений политической науки. Такой исследовательский проект меняет поставленный нами вопрос, теперь он звучит так: «Какова вероятность того, что данная статья, относящаяся к ТРВ, увеличивает наше знание, и какова вероятность того, что это же делает исследование, написанное в несколько ином ключе?» Во-первых, критерием для оценки должна быть совокупность знаний, а не сопоставление статей. Во-вторых, подборка литературы представляет собой более надежную базу, чем статьи. Наконец, разрозненная и расфокусированная критика, адресованная выбранным наукадам, неминуемо сделает нас уязвимыми для обвинений в том, что мы упустили лучшую литературу по данному вопросу. Как оказывается, несмотря на обеспокоенность Дирмайера нашим анализом, он сам не считает ТРВ «в эмпирическом плане более успешной, чем совокупность взаимно несовместимых теорий среднего уровня, доминировавших в политической науке до прихода теории рационального выбора». См.: *Diermeier D. Rational Choice and the Role of Theory in Political Science // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 68.*

ный, рутинный или даже сумбурный характер, все же скорее просты, чем тенденциозны. Примеры спасающих теорию предвзятостей, которые были описаны нами в третьей главе работы «Патологии», могут быть обнаружены и в традиционной политической науке, однако по большей части главным недостатком этой науки все же является именно прозаичность⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что патологии обычно дают о себе знать в тех сферах политической науки, в которых доминируют теории, сравнимые по масштабам и амбициям с ТРВ: классический марксизм, теория элит, теория систем, структурный функционализм и тому подобное. Во-вторых, традиционная политическая наука, несмотря на все свои недостатки, все же не может быть названа лишенной эмпирических достижений. Возьмите энциклопедическое исследование Ки о том, как расовая иерархия Юга предопределила его политические институты. Возьмите прорывную работу Стауффера, показывающую, что нетерпимость к социалистам и коммунистам скорее связана со стремлением изолироваться от идей космополитизма, чем со страхом мирового коммунизма; возьмите исследование Кэмпбелла и его коллег, посвященное той центральной роли, которую играют социально-психологические приверженности в формировании политических восприятий и оценок. Данные работы представляют собой лишь малую часть исследований, неизвестных все большему числу ученых, занимающихся проблемами политики, но не получивших достаточного образования в области политической науки⁷. В работе «Патологии» не было ни единой

⁶ *Green, Shapiro. Pathologies. P. 3.*

⁷ *Key V.O. Southern Politics in State and Nation. New York: Knopf, 1949; Stouffer S.A. Communism, Conformity and Civil Liberties. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1955; Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. New York: John Wiley & Sons, 1960.*

попытки сопоставить достижения ТРВ с достижениями традиционной политической науки, однако это не значит, что никакого контраста не существует.

Чем объясняется разрыв между блестящими аналитическими прорывами ТРВ и ее тусклыми эмпирическими достижениями? На наш взгляд эмпирический прогресс затрудняется тем, что может быть названо ориентацией на метод в противовес ориентации на проблему. Вместо вопроса «Что приводит к X?» ориентированное на метод исследование начинается с вопроса «Как могут излюбленные мной теоретические и методологические подходы объяснить феномен X?». Подобная стратегия исследования обостряет те методологические предрассудки, на которые была призвана указать работа «Патологии». Среди этих предрассудков отметим следующие: тенденция игнорировать альтернативные объяснения, тенденция делать размытые предсказания и тенденция опираться лишь на подтверждающие примеры.

Ориентированный на метод характер исследований, выполненных в духе ТРВ, может, в свою очередь, быть объяснен их универсалистскими притязаниями: построить единую, дедуктивную теорию, из которой могут быть выведены знания о политике (и вообще о человеческом поведении как таковом). Одно из главных наших возражений против того, как ТРВ используется в политической науке, касается стремления ее сторонников доказать, что *какая-то* разновидность данной теории способна учесть каждый факт. При этом данный импульс не подкрепляется столь же сильным желанием протестировать предлагаемую гипотезу новыми данными. Подход ТРВ столь сильно воодушевляет своих сторонников, что нередко это приводит к научным практикам, явно призванным изолировать ТРВ от встречи с упрямыми фактами.

В нашей книге методологические слабости исследований в духе ТРВ объясняются универсализмом и ориентацией на метод, однако есть и иные гипоте-

зы. Изъяны эмпирических исследований могут быть результатом недостаточной квалификации: незнания базовых положений исследовательской методологии, недостаточная осведомленность в ежедневных рутинных практиках политики, наконец, отсутствие выхода на литературу и гипотезы, относящиеся к иным теориям. Недостатки в эмпирических достижениях ТРВ могут быть также связаны с куда более основополагающими проблемами, чем простые методологические промахи. Вполне может быть, что психология выбора, подразумеваемая в рамках данной теории, едва ли способна адекватно описать процесс принятия решений в политическом контексте. Может статься, что стратегические взаимодействия, наблюдаемые в политике, приводят к целому множеству равновесий и что ТРВ так и останется в тупике, пока не проработает все эти теоретические неопределенности. Наконец, может получиться, что законы, управляющие человеческим поведением, вовсе не совпадают с законами дедуктивной логики.

Ни одно из этих объяснений неудач ТРВ не может быть отвергнуто априори, лишь время покажет, верным ли был именно наш диагноз. Наша позиция достаточно оптимистична. Мы не утверждаем, что все тезисы сторонников ТРВ будут опровергнуты, не утверждаем мы и то, что выявленные нами методологические пороки неискоренимы в рамках ТРВ. Мы полагаем, что можно очень быстро улучшить качество прикладных исследований, для этого необходимо уделить больше внимания тем методологическим вопросам, которые мы подняли. Более сложный вопрос заключается в следующем: могут ли данные проблемы быть решены без корректировки того, что мы считаем коренной проблемой, — безоговорочной *преданности* сторонников ТРВ излюбленным методам политического анализа? Некоторые из критиков заверяли нас, что универсализм куда менее свойственен представителям молодого поколения ученых, действующих в па-

радикале ТРВ, соответственно, их эмпирическая работа по качеству превосходит работы предшественников. Тенденция к улучшению вполне совпадает с нашим тезисом, мы надеемся, что так оно и будет дальше. Однако если через двадцать лет мы обнаружим, что с тех пор ученые так и не узнали ничего нового, хотя они и отказались от универсализма, то мы будем вынуждены прийти к выводу о том, что причины неудач куда более глубокие, чем предполагалось нами ранее.

Данная глава структурирована следующим образом. Сначала мы реагируем на обвинения в том, что в работе «Патологии» нам так и не удалось отдать должное важным эмпирическим достижениям ТРВ, затем мы отвечаем на критику со стороны Сьюзан Ломан, Морриса Фьерина, Майкла Тейлора и Дениса Чонга. На их взгляд, литература о коллективном действии, написанная представителями ТРВ, получила в нашей работе неверное освещение, что привело к недооценке теоретических и эмпирических достижений теории. Далее мы парируем обвинения в том, что наше невежество относительно «современной философии науки» стало причиной несправедливой критики достижений ТРВ⁸. Наш ответ таков: ни Имре Лакатос, ни Томас Кун не дают никаких концептуальных ресурсов, достаточных для спасения проекта ТРВ в том его виде, как он конструируется нашими критиками, отстаивающими его правоту. Затем мы вновь указываем на дихотомию «исследования, ориентированные на проблему/исследования, ориентированные на метод»; делается это в процессе ответа на критику наших тезисов, касающихся универсализма и изложенных в «Патологиях». Опираясь на предыдущий анализ, в котором был выделен частичный и фрагментарный универсализм, а также на те полезные замечания, которые были сделаны нашими критиками, мы описываем пять направлений исследования, которыми, на наш

⁸ *Diermeier. Rational Choice and the Role of Theory. P. 60.*

взгляд, ограничивается сфера успешного применения ТРВ. После этого мы кратко рассматриваем призыв Питера Ордешука к созданию концепции политической науки на основе инженерного подхода к знанию. Мы не решаемся следовать его совету, который, однако, позволяет поставить ряд важных вопросов, выходящих на первый план при анализе влияния экспериментального исследования в духе ТРВ на предмет исследования. В заключительном разделе мы суммируем наши аргументы, чтобы поддержать тезис о том, что развитие политической науки следует ожидать скорее на уровне гипотез и обобщений среднего уровня, чем на уровне глобальных теорий и парадигм.

ЧТО МЫ УЗНАЛИ БЛАГОДАРЯ ТРВ?

Главное возражение против нашей работы заключается в том, что за всеми недостатками и изъянами ТРВ мы так и не заметили ее эмпирических достижений, связанных с накоплением знаний о политике. Как бы опровергая наш тезис о том, что теоретизирование в духе ТРВ практически ничего не дало нам в плане неочевидных и эмпирически обоснованных знаний, целый ряд наших критиков предлагают свой перечень ее достижений или же с одобрением ссылаются на специальную литературу, посвященную ТРВ. Однако наши критики так и не смогли точно указать, что же именно мы узнали из расхваливаемых ими работ⁹. Порой

⁹ Например, Фьерина ссылается на следующие работы: *Frollich N., Oppenheimer J., Young O. Political Leadership and Collective Goods*. Princeton: Princeton University Press, 1971; *Moe T. The Organization of Interests*. Chicago: University of Chicago Press, 1980; *Walker Jr. J. L. Mobilizing Interest Groups in America*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. Он утверждает, что работа Фролича и его соавторов заставила исследователей «серьезно задуматься о важности лидерства и предприимчивости при формировании группы». Застрельщиком тут выступил Мансур Олсон-младший: *Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные*

критики удовлетворяются тем, что просто указывают нам на существование эмпирических исследований, но при этом никак не оценивают их качество¹⁰. И все же, ознакомившись с десятком ссылок на приписываемые ТРВ достижения, вдумчивый читатель будет просто обязан поинтересоваться, действительно ли в «Патологиях» лишь самым поверхностным способом рассматривается весь массив дотошной исследовательской работы, основанной на формальном анализе инструментального поведения?

Окончание см. 9

блага и теория групп. М.: Издательство ФЭИ, 1995 [1965]. См.: Fiorina M. P. Rational Choice, Empirical Contributions and the Scientific Enterprise // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 91. Дэниел Дирмайер ругает нас за то, что мы не посвятили отдельного внимания следующим работам: James M., Snyder Jr. Campaign Contributions as Investments: The U.S. House of Representatives, 1980–1986 // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 6. December. P. 1195–1227, а также: On Buying Legislatures // Economics and Politics. 1991. Vol. 3. No. 2. July. P. 93–109. Данные работы он описывает одним словом — «важные». См.: Diermeier. Rational Choice and the Role of Theory. No. 12. P. 68. Однако приз за самую непрозрачную отсылку получает Кеннет Шепсле, который вопрошает, почему мы не рассмотрели «продолжающуюся серию книг Пола Абрамсона, Джона Олдрича и Дэвида Рода об изменениях и преемственности на выборах». Shepsle K. A. Statistical Political Philosophy and Positive Political Theory // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 216, n. 5.

¹⁰ См.: Schofield N. Rational Choice and Political Economy // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 194, n. 10; P. 195, n. 12; Lohmann S. The Poverty of Green and Shapiro // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 127–154. И это не говоря уже о привычке восторгаться результатами исследований, которые недоступны в принципе, так как их еще нет в печати (например, см.: Schofield. Rational Choice and Political Economy. P. 204, n. 20; Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions. P. 85–94).

Все становится на свои места, как только конкретные примеры из этого массива подвергаются тщательному анализу. Конечно, можно пытаться утверждать, что данные исследования содержат в себе эмпирически обоснованные, значимые и формально строгие примеры применения ТРВ, однако по факту оказывается, что ни одно указанное исследование не в силах соответствовать всем перечисленным критериям. Давайте рассмотрим работу Дональда Горовица «Демократическая Южная Африка?». Ордешук хвалит ее как исключение из правила, гласящего, что исследованиям в духе ТРВ свойственна эмпирическая бессодержательность¹¹. Мы согласны с Ордешуком, перед нами действительно изумительная книга, однако она едва ли содержит в себе эмпирическое подтверждение хоть какой-то теории (автор и не ставит перед собой подобных целей), кроме того, тезис Горовица едва ли может быть отнесен к ТРВ (он и не претендует на это). Да, он считает, что структура электоральных систем должна опираться на предпосылку, согласно которой соревнующиеся политики приложат все усилия, чтобы выиграть выборы. Ни один мало-мальски образованный политический ученый никогда бы не рискнул утверждать обратное. Если к этому сводятся все достижения работы Горовица, тогда она, боюсь, не сможет пройти «тест на бабушку». Однако исследование Горовица куда масштабней. Главный его вклад — создание проекта электоральной системы для Южной Африки, основанного на идее о том, что жизнеспособность электоральных институтов зависит здесь отнюдь не от стратегических калькуляций политиков, а от других факторов, важнейший из которых — глу-

¹¹ Horowitz D. A Democratic South Africa? Berkeley: University of California Press, 1991; Ordeshook P. C. Engineering or Science: What is the Study of Politics? // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 176.

бина этнических антипатий¹². Вне зависимости от того, прав Горовиц или нет в своих суждениях о Южной Африке, его тезис никак напрямую не связан с положениями ТРВ.

Точно так же анализ кампании за и против поправки о равенстве прав, проведенный Джейн Мэнсбридж, который Фьерина считает блестящим применением идей Мансура Олсона, изложенных в работе «Логика коллективных действий», лишь с очень большой натяжкой может быть назван примером исследования в духе ТРВ¹³. Безусловно, Мэнсбридж предваряет свою работу тезисом о том, что «Логика коллективных действий» вполне может быть полезна при объяснении того, почему участие в подобных кампаниях было спорадическим, почему оно затрагивало лишь тех, кто имел глубокие идеологические убеждения. Однако данная мысль не является предметом ее эмпирического анализа, она вообще второстепенна. Основная идея Мэнсбридж гласит, что движение за поправку о равных правах потерпело поражение в результате ошибок руководителей, тактических сбоев при коор-

¹² В частности, Горовиц полагает, что электоральная система, при которой победившая сторона получает всю власть, вполне может работать в плюралистических политических культурах (в которых расколы носят взаимоограничивающий характер), однако она не будет работать в «глубоко расколотых» культурах, например, в Южной Африке; отсюда Горовиц предлагает иную систему, которая бы учитывала, в частности, фактор этнического разделения.

¹³ Цитируя данную работу, Фьерина пытается нас запутать. В одном месте он укоряет нас за критику работы Кэрол Уланер (пытающуюся использовать послылки ТРВ) на том основании, что она не относится к ТРВ. Однако тут же он критикует нас за то, что мы упустили из виду работу Джейн Мэнсбридж, которая относится к ТРВ едва ли в большей степени, чем работа Уланер. См.: *Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 87, 91, nn. 3, 91. См. также: *Mansbridge J. J. Why We Lost the ERA*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. Ch. 10; Олсон. Указ. соч.

динировании интересов конфликтующих спонсоров, финансировавших движение, а также неспособности сформулировать убедительные основания того, почему законодателям необходимо было поддержать предлагаемую поправку. Проигрыш одного движения другому в данном случае не может быть объяснен через отсылку к Олсону, особенно в силу того, что две конкурирующие группы — по описанию самой Мэнсбридж — не сильно отличались друг от друга (если сравнивать их по выбранным ею критериям). Подобно Горовицу, Мэнсбридж не делает никаких попыток связать вкусы, убеждения и стратегические альтернативы акторов с суждениями в духе теории игр. По крайней мере, отрывки, в которых Мэнсбридж описывает стратегические просчеты, ставшие следствием идеологической ригидности и самообмана, заставляют задаться вопросом о том, действительно ли она считает возможным выводить политическое поведение из принципа максимизации полезности¹⁴.

Работа «Либерализм против популизма» хотя бы маркируется ее автором, Уильямом Райкером, как пример использования ТРВ¹⁵. Ордешук описывает данную работу как «анализ популистской демократии, являющийся как предупреждением против наивных „политических реформ“, так и источником оригинальных идей, касающихся практической стороны ТРВ»¹⁶. Эмпирической основой для «предупреждения» Райкера является перечень исторических нарративов о циклической и марионеточной природе политики, основанной на принципе большинства. Как было указано нами в работе «Патологии», данные нарративы не просто тенденциозны, они полны фактических ошибок¹⁷.

¹⁴ *Mansbridge. Why We Lost the ERA. P. 136–137.*

¹⁵ *Riker W. H. Liberalism Against Populism. San Francisco: Freeman, 1982.*

¹⁶ *Ordeshook. Engineering or Science. P. 176.*

¹⁷ *Green, Shapiro. Pathologies. P. 44, 107–13.*

Ордешук никак не комментирует это обстоятельство. Если Райкер — это пример успеха ТРВ на поприще эмпирических исследований, то тогда просто страшно становится при мысли о том, что же такое, по мнению Ордешука, ее провал.

Осознанная попытка применить ТРВ к анализу американской политики, не получившая должного рассмотрения в работе «Патологии», — это примечательное исследование Фьерина «Ретроспективное голосование на национальных выборах в США»¹⁸. Шепсле удивляется, почему мы прошли мимо этой заслуженно признанной книги, он предполагает, что мы предпочли аккуратно обойти неудобный для нас пример эмпирического успеха. Помимо того факта, что предмет исследования Фьерина — ретроспективная оценка эффективности электоральных предпочтений и политическая принадлежность — лишь косвенно касается тех трех обширных пластов литературы, которые мы обозрели, у нас были две причины оставить данное исследование за скобками¹⁹. Во-первых, принадлежность модели Фьерина к ТРВ неочевидна. Сам Фьерина местами подчеркивает те аспекты, в которых его теория отличается от того, что он называет «ТРВ в узком смысле». Он поясняет: «Вне зависимости от того, яв-

¹⁸ *Shepsle. Statistical Political Philosophy; Fiorina M. P. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven: Yale University Press, 1981.*

¹⁹ Среди сторонников ТРВ существует некоторое разногласие относительно теоретической согласованности суждений, касающихся электорального выбора, будь то тезисы Фьерина о ретроспективном голосовании или же утверждения Ордешука о стратегических соображениях при голосовании на выборах с множеством кандидатов. Как указывают Ферджон и Фьерина, абсолютно неясно, как именно рационально мыслящие акторы должны делать выбор между кандидатами, когда их бюллетени едва ли имеют хотя бы мизерный шанс повлиять на исход выборов. См.: *Ferejohn J., Fiorina M. To P or Not to P? Still Asking After All These Years. Manuscript. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.*

ляется ли моя модель рациональной, она является реалистической», а также: «Пусть моя модель и не является полностью „рациональной“, она, по крайней мере, пытается быть максимально обоснованной»²⁰. Во-вторых, нисколько не отрицая тот вклад, который данная работа внесла в теоретические споры, не оспаривая ее методологические инновации и факт стимулирования ею дальнейших эмпирических исследований, нельзя не отметить, что основные эмпирические выводы данной работы, на наш взгляд, не смогли устоять перед обрушившейся на них впоследствии критикой. В противовес тому социально-психологическому подходу к анализу политических симпатий и электро-ального поведения, который предлагается в работе «Американский избиратель», Фьерина утверждает, что ему удалось собрать «огромный массив свидетельств в пользу рациональности избирателя»; он отмечает, что «самые важные выводы его работы касаются взаимосвязи партийной идентификации избирателя и политической реальности»²¹. В своих исследованиях Грин и Палмквист (1990) поставили под вопрос эмпирическую основу тезиса о том, что партийные симпатии производны от ретроспективных оценок эффективности. В работе «Патологии» мы не видели никаких оснований воспроизводить все те обширные статистические выкладки, на которые опирается данная критика²². Суть в том, что традиционные подходы к осмыслению политических симпатий куда лучше, чем подход Фьерина, соответствуют эмпирическому материалу.

²⁰ Fiorina. *Retrospective Voting*. P. 77, 78.

²¹ Ibid. P. 199. См. также: Campbell et al. *American Voter*.

²² Green D. P., Palmquist B. L. Of Artifacts and Partisan Instability // *American Journal of Political Science*. 1990. Vol. 34. No. 3. August. P. 872–902; Green D. P. The Effects of Measurement Error on Two-Stage Least-Squares Estimates. *Political Analysis*. 1990. Vol. 2. P. 57–74.

Как и анализ Фьерина, исследование Элинор Остром, посвященное анализу того, как небольшие сообщества решают проблемы с ресурсами общего пользования, фундаментально, оно стимулирует к дальнейшим размышлениям²³. Данная работа, удостоившаяся похвалы от Ордешука и Фьерина, представляет собой индуктивное эмпирическое исследование условий, при которых люди «начинают участвовать в самоорганизации и самоуправлении во имя общей выгоды в ситуации, когда у них есть искушение воспользоваться активностью других, отмалчиваться и прибегать к иным стратегиям оппортунистического поведения»²⁴. Остром опирается на имеющиеся у нее эмпирические исследования, чтобы вычленил набор «основополагающих принципов» или «сущностных элементов, условий, способствующих успеху институтов самоуправления в поддержании [ресурсов общего доступа], а также в получении согласия от последующих поколений владельцев на оговоренные условия пользования»²⁵. Данный подход представляется весьма разумным способом проверки гипотезы; по сути, это и есть иллюстрация того близкого к эмпирическому исследованию способа теоретизирования, за который мы ратовали в работе «Патологии». Но при чем здесь ТРВ? Проверяются ли здесь гипотезы, созданные в рамках данной теории, демонстрируется ли их убедительность? Исследование явно было вдохновлено долгим теоретическим интересом к так называемой «трагедии общедоступности», а также к логике коллективного действия, но все же связь между итоговым каркасом из девяти основополагающих прин-

²³ *Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.*

²⁴ *Ordeshook. Engineering or Science. P. 176; Fiorina. Retrospective Voting. P. 91; Ostrom. Governing the Commons. P. 29.*

²⁵ *Ostrom. Governing the Commons. P. 90.*

ципов и ТРВ представляется несколько слабоватой. В этом же русле Пол Сабатье отмечает, что ряд ключевых концепций анализа Острома соответствует скорее функционалистскому анализу, чем анализу с позиций ТРВ. В свою очередь Тейлор укоряет Остром за то, что она опирается скорее на неформальный анализ, чем на последние разработки в теории игр²⁶. Что касается процедуры проверки гипотезы, то сама Остром отказывается от идеи называть вычлененные ею основополагающие принципы причинами успешного управления ресурсами, данное нежелание вполне соответствует как концепции ее работы, так и индуктивному способу формулирования данных принципов²⁷. Какими бы ни были ее заслуги, данная работа не может рассматриваться как успешная проверка эмпирических суждений, вытекающих из ТРВ²⁸.

²⁶ *Sabatier P.A. Review of Governing the Commons // American Political Science Review. 1992. Vol. 86. No. 1. March. P. 248–249; Taylor M. Review of Governing the Commons // Natural Resources Journal. 1992. Vol. 32. P. 633–648.*

²⁷ *Ostrom. Governing the Commons. P. 90.*

²⁸ Подобно Остром Стивен Брамс также интересуется проблемой совершенствования институтов, в его случае это электоральные правила. Он выступает за создание системы «одобрительного голосования», основанной на формальном анализе; предполагается, что данная форма голосования будет стимулировать избирателей на «искреннюю» подачу голоса. Вопрос для эмпирического исследования звучит так: насколько избиратели действительно откликнутся на подобные стимулы? Брамс, к его чести, предпринял все усилия для рассмотрения данного вопроса, однако сегодня ему объективно мешает недостаточное наличие систем одобрительного голосования как на национальном уровне, так и на уровне штатов. Так что лишь в будущем мы узнаем, действительно ли работа Брамса позволяет говорить, как это делает Ордешук, о «прогрессе в нашем понимании электоральных систем». См.: *Brams S. Approval Voting in Multicandidate Elections // Policy Studies Journal. 1980. Vol. 9. No. 1. Autumn. P. 102–108; Ordeshook. Engineering or Science. P. 176.*

По меркам американской политической науки предмет исследования Остром достаточно экзотичен. Кьюит и Маккэбинс (1991), Кокс и Маккэбинс (1993), а также Кребил (1991) применяют ТРВ для анализа деятельности Конгресса США²⁹. Мы подробно анализировали данные исследования в работе «Патологии», характеризуя их как достойные похвалы попытки теоретизирования без отрыва от эмпирической базы³⁰. И хотя данные работы вполне компетентны и инновационны, описываемые в них (неформальные) модели политической жизни Конгресса не лишены целого ряда важных теоретических изъянов, а основная гипотеза, которую их авторы пытаются доказать, не получает серьезного эмпирического подкрепления. Шепсле аплодирует данным работам, подчеркивая, что им удалось сочетать «в высшей степени утонченную теорию» с «не менее утонченным эмпирическим анализом»³¹. Однако Шепсле не поясняет, что же именно мы узнали из этих работ, не комментирует он и ту критику, которая была высказана нами. Внимательный читатель, должно быть, обратил внимание, что ни Шепсле, ни Фьерина, ни Дирмайер, восхваляя разбирае-

²⁹ Kiewiet R. D., McCubbins M. D. *The Logic of Delegation*. Chicago: University of Chicago Press, 1991; Cox G., McCubbins M. *Legislative Leviathan*. Berkeley: University of California Press, 1993; Krehbiel K. *Information and Legislative Organization*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991.

³⁰ Green, Shapiro. *Pathologies*. P. 134, 197–202.

³¹ Фьерина демонстрирует схожий энтузиазм, но он так и не поясняет, что же именно мы узнали благодаря данным работам. Опираясь на нечто, напоминающее трудовую теорию стоимости, он восклицает: «Кто в сфере изучения работы законодателей смог свести воедино большее количество данных о работе партий в Конгрессе, чем представители ТРВ Кокс и Маккэбинс? Кто в сфере изучения работы законодателей может быть назван более скрупулезным эмпирическим исследователем, чем представитель ТРВ Кейт Кребил?» См.: *Shepsle. Statistical Political Philosophy*. P. 218; *Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 93.

мые нами работы, никак не поясняют, почему основополагающие тезисы данных работ представляются им убедительными. Несколько другую позицию занимают Фереджон и Сатц, они не оспаривают наши оценки эмпирической значимости данных исследований, они лишь пытаются смягчить их, указывая на важные *содержательные* прозрения, обнаруживающиеся в критикуемых работах:

Целый ряд действий Конгресса может быть объяснен исходя из действия общих каузальных механизмов. Даже если данные исследования и не смогли предложить нам улучшенный статистический подход к любому из рассматриваемых явлений, тот вклад, который они внесли в понимание функционирования и организации политической жизни Конгресса, заслуживает пристального внимания³².

Нет, конечно, поведение членов Конгресса вполне *может* быть объяснено в терминах максимизации той пользы, которую данное поведение приносит. Но почему мы должны делать все ставки именно на эту конкретную интерпретацию?

Наконец, нам осталось рассмотреть три заслуживающих внимания примера изучения политической жизни Конгресса США. Это работы Ричарда Фенно, Дэвида Мэйхью и Лоренса Додда. Практикуемый этими авторами подход напоминает подход ТРВ тем, что в данном случае изучаемые процессы интерпретируются через то, как целеустремленные акторы ведут переговоры в условиях имеющейся стратегической расстановки сил³³. Од-

³² *Ferejohn J., Satz D. Unification, Universalism and Rational Choice Theory // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter / Spring. P. 76.*

³³ *Fenno R. F., Jr. Congressmen in Committees. Boston: Little, Brown, 1973; Mayhew D. Congress: The Electoral Connection. New Haven: Yale University Press, 1974; Dodd L. C. Congress and the Quest for Power // L. C. Dodd, B. I. Oppenheimer (eds). Congress Reconsidered. New York: Praeger, 1977.*

нако обратите внимание на следующее обстоятельство: в их работах нет ни теорем, ни моделей в духе теории игр, ни формального изложения. Контраст между спартанским стилем современных исследований в духе ТРВ (например, Бэрон и Фереджон (1989), Вайнгаст и Маршалл (1988)) и описательной насыщенностью таких работ, как «Конгрессмены и комитеты» или «Конгресс: электоральная связь», заставляет вспомнить дилемму, обозначенную Ордешуком: «Всесторонние модели, охватывающие всю сложность политики, с неизбежностью повлекут за собой длинную вереницу допущений *ad hoc*, а также потребуют от нас качественного анализа. Если же мы попытаемся сохранить дедуктивную строгость, тогда требование удобства манипулирования заставит нас отказаться от всеобъемлющего подхода»³⁴. Едва ли даже самый в техническом плане искусный представитель ТРВ сможет повторить формальное изображение Доддом законодательно-исполнительного баланса, описание многосторонних и все время развивающихся стратегий переизбрания Мэйхью или же проведенный Фенно анализ того, как у политиков, движимых мотивом переизбрания, получается приспосабливаться к эндогенным и зачастую самопротиворечивым «стратегическим положениям» тех комитетов, в которых они заседают. Называть данные работы примерами исследований в духе ТРВ — значит, игнорировать те особенности данной теории (расчетливость, формальная точность, дедуктивная строгость), которые столь часто преподносятся в качестве ее основных преимуществ на академическом рынке.

³⁴ Baron D. P., Ferejohn J. Bargaining in Legislatures // American Political Science Review. 1989. Vol. 83. No. 4. December. P. 1181–1206; Weingast B., Marshall W. The Industrial Organization of Congress, or Why Legislatures, Like Firms, Are Not Organized as Markets // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96. No. 1. February. P. 132–163; Ordeshook. Engineering or Science. P. 180.

Из краткого рассмотрения тех успехов, которых, по мнению наших критиков, добилась ТРВ, можно сделать два вывода. Во-первых, нельзя не быть шокированным скудостью фундаментального эмпирического анализа, осуществленного в рамках ТРВ, особенно если сравнить его с тем множеством аналитических исследований в духе ТРВ, которые появились на свет за последние тридцать лет. Тот факт, что нашим критикам приходится прибегать к таким примерам, как Мэнсбридж и Горовиц, свидетельствует о нехватке эмпирических достижений; еще больше это верно в отношении отсылок к Фенно и Мэйхью, которые предвосхитили многие из наиболее важных аналитических прорывов ТРВ. Кроме того, нет никакой гарантии, что данные авторы охарактеризовали бы свои работы именно как пример использования ТРВ. Получается, что эти ученые, подобно пациентам, проходящим курс психоанализа, должны в один прекрасный момент осознать, что у них есть склонность к ТРВ, о чем они сами пока не догадываются³⁵.

Во-вторых, среди указанных исследований нет ни одного примера, когда бы строгое формальное моделирование сочеталось с аккуратной и penetrating эмпирической работой. Напротив, небольшое число имеющихся успехов в лучшем случае лишь косвенно связано с ТРВ. Иронично, что после дистанцирования ТРВ от притязаний на формальную точность и теоретическую глубину ее мнимыми достижениями оказываются работы типа исследований Додда или Остром. Мы сожалеем о том, что представителям ТРВ так и не удалось породить тот тип дотошной, индуктивной политической науки, пример которой мы

³⁵ После чтения Сатца и Фереджона к перечню исследователей, страдающих подобным недугом, можно смело добавить еще и Джима Скотта. См.: Satz D., Ferejohn J. Rational Choice and Social Theory // *Journal of Philosophy*. 1994. Vol. 91. No. 1. February. P. 71–87, 80.

находим в работах Фенно или Мэйхью. Будь это так, нам бы не пришлось писать работу «Патологии».

А как насчет критического замечания Фьерина, повторенного Дирмайером, о том, что наши критерии оценки исследований столь высоки, что даже работы, подобные работе «Конгрессмены и комитеты», не могут им соответствовать?

Работа Фенно в высшей степени эмпирична, однако при этом она не основывается на случайной выборке тех или иных комитетов или членов, она не содержит ни сложных уравнений, ни даже критериев достоверности, нет там и открытого рассмотрения и отвержения альтернативных подходов. Более того, теоретический каркас строится на тех же самых фактах, которые он призван объяснить. В соответствии со стандартами, заданными в работе «Патологии», очевидно: исследование Фенно не имеет ни малейшей эмпирической значимости³⁶.

К такому выводу может прийти лишь тот, кто читал обе книги поверхностно. Основное эмпирическое достижение Фенно — это эмпирическое обоснование наличия связи между склонностями конгрессменов и характером тех комитетов, в которых они состоят. Для доказательства данного тезиса вовсе не обязательно делать случайную выборку. Фенно отнюдь не избегает рассмотрения альтернатив, он постоянно рассматривает вопрос о том, могут ли различия комитетов быть объяснены содержанием проводимой ими политики, а вовсе не целями, нормами и внешней средой. Верно, что свои гипотезы Фенно формулирует на индуктивной основе, однако он достаточно аккуратен, чтобы заметить: трансформации, происходящие одновременно с написанием его текста, станут самым серьезным испытанием верности его анализа³⁷.

³⁶ Fiorina. *Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 90.

³⁷ Fenno. *Congressmen in Committees*. P. 280–281.

Не будем мы упрекать Фенно и за то, что он совершил анализ качественных показателей, не проводя при этом статистических исследований. Как Фьерина, так и Шепсле полагают, что мы ратуем за сугубо количественные методы в политической науке, хотя данная позиция никак не озвучивается нами в работе «Патологии»³⁸. Наш протест против ориентированной на метод политической науки раздувается критиками до категорической рекомендации предпочесть количественные методы качественным. Некоторые феномены политики более пригодны для статистического анализа, чем другие, решение же о том, как именно изучать политику, должно вытекать из изучаемой проблемы. Подобно Фьерина и Шепсле, мы также считаем, что ориентированное на метод предпочтение количественных техник приводит к ухудшению качества политической науки. Мы призываем лишь к тому, чтобы эмпирическое исследование в политической науке было систематическим вне зависимости от того, является ли это исследование этнографическим или статистическим. Систематическое изучение как минимум требует внимания к тому, как именно отбираются исследовательские альтернативы, оцениваются теоретические конструкты и делаются умозаключения³⁹.

³⁸ Fiorina. *Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 90; Shepsle. *Statistical Political Philosophy*. P. 214.

³⁹ Нам, наверное, стоит упомянуть также и Роберта Лейна с Джеймсом Мерфи, каждый из которых имплицитно критикует нас за саму постановку вопроса «Что мы узнали?». На их взгляд, мы не получили никакого ответа, так как ограничили себя рамками политической науки. В работе «Патологии» мы четко заявили свою агностическую позицию по данному поводу, хотя из последующего рассмотрения должно было стать ясным, что эта проблема с нашей точки зрения требует более подробного анализа, что она никак не связана с дисциплинарным делением, определяющим, какой вид объяснения и где является подходящим. В экономике, как и в политике, объяснения, выведенные из ТРВ, должны работать лучше в одних обстоятельствах и хуже в других. См.: Lane R. E. *What Ration-*

КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мы не имеем никакого права оценивать исследования в русле ТРВ, если мы не понимаем данную теорию или не в силах осмыслить предлагаемые ею импликации для коллективного действия в политике. Это обвинение, на разные лады повторяемое Ломанн, Тейлором и Чонгом, направлено против четвертой и пятой глав «Патологий», глав, в которых анализируется адекватность объяснений массового политического участия с позиций ТРВ. Эти разделы нашего исследования опираются на следующие допущения. Каждый год миллионы американцев получают предложение пожертвовать свои сбережения политическим партиям, кандидатам или группам интересов. Миллионам граждан предлагают поучаствовать в процессе принятия политических решений на том или ином уровне, будь то посещение муниципальных собраний, взаимодействие с избранными чиновниками или же процедура голосования. Какой бы год мы ни взяли, огромное число людей так или иначе оказывается вовлеченным в различные формы коллективного действия⁴⁰. При этом некоторая часть тех, кто стоит перед выбором давать деньги или не давать, участвовать или не участвовать, находят политическую активность привлекательным и стоящим занятием. Однако большинство граждан рассматривает время, потраченное на заседаниях, а также доллары, истраченные на политические нужды, как некий ана-

Окончание см. 39

al Choice Explains // *Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society*. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter / Spring. P. 107–126; *Murphy J. B.* Rational Choice Theory as Social Physics // *Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society*. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter / Spring. P. 155–174; *Green, Shapiro*. Pathologies. P. 179–80.

⁴⁰ *Steven J. Rosenstone and John Mark Hansen*, *Mobilization, Participation, and Democracy in America*. New York: Macmillan, 1993. P. 42, 51.

лог жертвоприношения с их стороны в том смысле, что они с легкостью могут вообразить куда более приятный способ распоряжения имеющимися у них ресурсами.

Проблема стимулирования добровольного участия граждан в работе демократических институтов уже давно стала насущной заботой политических философов. За сто лет до Энтони Даунса Гегель писал о том, что в условиях массовых демократий, когда индивидуальный голос будет уже не способен ни на что повлиять, произойдет неминуемое снижение процента явки на выборы⁴¹. Представители ТРВ, например, Мансур Олсон, обрисовали целый ряд ситуаций, когда действует та же самая логика: большая группа людей должна сделать некоторое пожертвование во имя общего дела, но при этом вероятность того, что чей-то вклад окажется решающим, крайне мала⁴². Чонг поясняет это следующим образом:

Вместо тезиса прежних теоретиков групп, суть которого в том, что индивидам свойственно действовать в коллективных интересах своей группы, ТРВ выдвигает собственный тезис: индивиды, как это ни парадоксально, воздержатся от действий, даже если эти действия будут способствовать доступности коллективных благ, от которых сами участники будут получать пользу. Если человек может хотя бы потенциально получить некие блага, ничего при этом не делая, то он едва ли будет готов участвовать в их обеспечении⁴³.

⁴¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990.

⁴² Конечно, вероятность того, что твой голос на национальных выборах окажется решающим, что ты можешь поменять ход истории, придя на массовую демонстрацию, что ты можешь за счет волонтерской работы предрешишь итог политического спора по некоему вопросу, отнюдь не равна нулю. Но при этом вероятность того, что результатом подобной политической активности станет причиненный себе вред или же финансовые убытки, куда выше.

⁴³ Chong D. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals // *Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society*. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter / Spring. P. 40.

Не менее удивительный тезис ТРВ звучит следующим образом: в больших группах невозможно подвинуть человека на действия доводами, апеллирующими к групповым интересам, работают лишь те стимулы, которые обращены непосредственно к самому актору.

По мере того как теория игр становилась все более и более изощренной, данный тезис был усложнен: были учтены повторяющиеся во времени взаимодействия, различные представления об ожидаемом поведении других акторов и так далее. С аналитической точки зрения Фьерина вполне прав, утверждая, что «разработка дилеммы заключенного/логики коллективного действия имеет все основания считаться наиболее важным вкладом в развитие политической науки в XX веке»⁴⁴. Однако с эмпирической точки зрения сторонники ТРВ оказались не способны объяснить целый ряд аномалий так, чтобы это не потребовало такого переформулирования положений теории, которое бы сделало их в эмпирическом отношении банальными. В «Патологиях» нами был сделан вывод о том, что моделям коллективного поведения, созданным в рамках данной теории, еще только предстоит представить нашему вниманию неочевидные эмпирически обоснованные прогнозы. Данный вывод, похоже, не совсем устраивает наших критиков⁴⁵.

Парадокс? Какой парадокс?

Как следует из названия критической работы Ломанн, она хочет оспорить наш анализ моделей коллективного действия и явки избирателей, созданных в рамках ТРВ. Главная цель ее исследовательских усилий — развеять впечатление, что ТРВ не способна учесть высшие проявления политического участия, она показы-

⁴⁴ Fiorina. *Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 90.

⁴⁵ Green, Shapiro. *Pathologies*. P. 47–97.

вает, что создание подобных моделей *логически вполне осуществимая* задача. Ломанн полагает, что доказательство существования хотя бы одной такой модели, как бы ни были нелепы лежащие в ее основании допущения, позволит ей утверждать, что высшие проявления коллективного действия «качественно сочетаются» с ТРВ. Этот ход венчается серией колких замечаний: мы якобы не понимаем ТРВ; мы даем логически ущербное описание коллективного действия; мы предлагаем ошибочные примеры аномалий, которые на самом деле вполне соответствуют тем или иным разновидностям ТРВ.

Мы не собираемся отрицать саму логическую возможность создания модели на основе ТРВ, способной учесть коллективные действия эгоцентричных акторов. В работе «Патологии» суммируются итоги нашего анализа целого ряда данных моделей. Согласно некоторым из них граждане совершают коллективные действия потому, что каждый из них надеется, что именно его голос окажется решающим на национальных выборах, именно его выброшенный в небо кулак окажется переломным во время политической демонстрации; другие модели гласят, что граждан — добровольно или принудительно — вовлекают в политическое участие местные чиновники, группы интересов или же беспокойные соседи⁴⁶. Этими допущениями диапазон логических возможностей отнюдь не исчерпывается. Логика совершенно не мешает приписывать избирателям веру в то, что их отказ от участия в политике приведет к концу света. Нас трудно обвинить в том, что мы отрицаем за *той или иной* моделью рационального выбора способность объяснить коллективное — равно как и любое другое — действие; никто лучше нас не может оценить умение сторонников ТРВ оперировать изысканными теоретическими нововведениями.

⁴⁶ Lohmann. The Poverty. P. 146.

Вопрос заключается в следующем: должны ли мы воспринимать всерьез любую предлагаемую модель, опирающуюся на тенденциозные допущения, например, на допущение о том, что каждый избиратель обладает всей полнотой информации о предпочтениях и убеждениях остальной части электората? Как признается сама Ломанн, «в условиях неполноты информации, если общее количество избирателей велико, то явка избирателей стремится к нулю», а учитывая, что «условие неполноты информации о предпочтениях избирателей или избирательных издержках куда ближе к реальности, чем условие полноты», получается, что подрывается та самая модель, которая выстраивается на этих принципах⁴⁷. Получается, что ее исследование «установило эмпирическую неадекватность ТРВ (понимаемой в самом узком смысле, то есть в смысле теории, не допускающей никаких неинструментальных мотиваций) при объяснении случаев высокой явки»⁴⁸. Если не принимать во внимание ее колкую риторику, то итог анализа Ломанн формальных теорий коллективного действия совпадает с нашим: модели рационального выбора, объясняющие высшие проявления массового участия, излишне наивны.

На протяжении своей работы Ломанн постоянно подчеркивает одну и ту же мысль: приравнивать проблему коллективного действия к дилемме заключенного для n участников — это *логическая ошибка*. Такого рода аналогии критикуются как «ошибочные» или «ложные», как если бы подобающим способом моделирования эмпирического феномена была бы постановка аналитического, а не синтетического вопроса. Ломанн напоминает нам: «Многие теоретики рационального выбора убеждены, что ТРВ не способна спрогнозировать добровольное участие в приумножении

⁴⁷ Lohmann. The Poverty. P. 146.

⁴⁸ Ibid. P. 146.

общественных благ. Но это лишь еще раз доказывает, что сторонники данной теории могут неправильно ее трактовать. То, что подразумевает ТРВ, устанавливается логикой, а не анализом утверждений известных политических ученых с престижных факультетов, которые последние делают на страницах ведущих научных журналов»⁴⁹. Данное утверждение просто провоцирует вопрос о том, какие именно субстанциальные допущения должны определять логику рационального выбора. Моделирование социальных феноменов подразумевает неизбежное внимание к одним каузальным факторам в ущерб другим. Вопрос о том, какие именно факторы лучше всего объясняют изучаемый феномен, — дело эмпирического исследования. Почему модель, вообще не способная учесть целый ряд вполне вероятных факторов, влияющих на участие в выборах, должна утруждать себя беспокойством о мизерной экзистенциальной вероятности того, что голос некоего избирателя на национальных выборах все же окажется решающим?⁵⁰

Ломанн полностью избегает вопроса о том, как достичь соответствия между моделями рационального выбора и реальными эмпирическими примерами коллективного действия. Каждый из приводимых ее примеров является искусственным и, очевидно, нереалистическим⁵¹. Вместо того чтобы рассмотреть хотя бы один реальный пример политического действия, например, один из тех, что были описаны в «Патоло-

⁴⁹ Ibid. P. 138.

⁵⁰ Если сформулировать данную мысль чуть иначе, то получается следующее: почему «логика» должна с неизбежностью заставлять нас искать аналогии между процентом явки и вкладом в общее дело? Участие в политических мероприятиях вполне можно сравнить с «болением» за спортивную команду, с актами религиозного пиетета. Собственно, теоретики рационального выбора в своих работах нередко затрагивают данные альтернативы.

⁵¹ Ibid. P. 141–142, 144–145.

гиях», Ломанн подробно останавливается на анализе старинной басни, которую мы использовали в качестве введения в пятую главу⁵². Единственный раз, когда эссе Ломанн пересекается с действительностью, — это тот момент, когда она начинает разбирать некоторые экспериментальные данные, изложенные нами в данной главе. Однако в процессе этого разбора она допускает целый ряд искажений, которые могут быть объяснены лишь патологией, названной нами «проецирование доказательств из теории».

Во-первых, Ломанн утверждает, что нами делается «ложный вывод», согласно которому экспериментальные данные о социально полезном поведении расходятся с положениями ТРВ. На ее взгляд, данный вывод обусловлен «ошибочной уверенностью в том, что ожидание провала есть необходимая доминантная стратегия поведения рационального эгоистического индивида при его столкновении с дилеммой коллективного интереса»⁵³. Ломанн настолько увлечена идеей доказать прозрения ТРВ о том, что взаимодействие вполне может быть рациональной стратегией, если у участников этого взаимодействия есть возможность внести решающий вклад, что не замечает следующего: на-

⁵² Ломанн пускается в углубленный формальный анализ притчи о барже, не обращая внимания на уж очень сомнительную связь между ее алгеброй и предметом анализа четвертой и пятой глав нашей работы. В данных главах мы вновь и вновь повторяем своим читателям, что рассматриваемые политические события — это случаи, когда огромное число людей должно независимо и в условиях отсутствия полноты информации решить, стоит ли жертвовать имеющимися у них ценными ресурсами во имя общего дела. При этом каждый из этого числа понимает, что его вклад едва ли будет способен оказать хоть какое-то видимое влияние. Если притчу о барже применить к массовой политике, то получится образ огромного танкера, который тянут против течения мощной реки миллионы людей, каждый из которых держит свой маленький трос.

⁵³ *Lohmann. The Poverty*. P. 140.

ши выводы подкреплены свидетельствами экспериментов, в которых *по условиям самих экспериментов у каждого из участников нет ни малейшей возможности внести решающий вклад*⁵⁴. Тот факт, что ожидание провала в таких условиях превращается в основную стратегию, делает критику Ломанн полностью неадекватной. Во-вторых, Ломанн обращает внимание на влияние коммуникаций в играх с социальной дилеммой. Она поясняет: «ТРВ подразумевает, что коммуникации, предшествующие игре, не могут повлиять на исход игры с дилеммой заключенного, в которой доминантной стратегией каждого участника является ожидание неудачи»⁵⁵. Однако Ломанн замечает, что «существует множество ситуаций с социальной дилеммой, когда коммуникация вполне может упрочить взаимодействие», при этом она пытается усомниться в нашей интерпретации одного эксперимента, явно не предполагая, что *данное исследование предлагает нашему вниманию участников, стимулы которых заставляют ожидание провала становить-*

⁵⁴ Ср.: Dawes R. M., McTavish J., Shaklee H. Behavior, Communication, and Assumptions About Other People's Behavior in a Commons Dilemma Situation // Journal of Personality and Social Psychology. 1977. Vol. 35. No. 1. January. P. 1–11; McDaniel W. C., Sistrunk F. Management Dilemmas and Decisions: Impact of Framing and Anticipated Responses // Journal of Conflict Resolution. 1991. Vol. 35. No. 1. March. P. 21–42; Orbell J. M., Kragt A. J. C. Van de, Dawes R. M. Explaining Discussion-induced Cooperation // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54. No. 5. May. P. 811–819; Orbell J. M., Kragt A. J. C. Van de, Dawes R. M. Covenants Without the Sword: The Role of Promises in Social Dilemmas // K. Koford, J. Miller (eds). Social Norms and Economic Institutions. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991; Kragt A. J. C. Van de, Dawes R. M., Orbell J. M., Braver S. R., Wilson II L. A. Doing Well and Doing Good as Ways of Resolving Social Dilemmas. Experimental Social Dilemmas in Henk / A. M. Wilke, D. M. Messick, C. G. Rutte (eds). Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1986.

⁵⁵ Lohmann. The Poverty. P. 140.

ся их основной стратегией⁵⁶. И вновь Ломанн пускается в теоретические изыскания, призванные показать, что нам так и не удалось ухватить все тонкости теории игр, тогда как на самом деле ни один из ее аргументов не касается ни одной из упомянутых нами аномалий и не опровергает ни одну нашу интерпретацию⁵⁷.

Создается впечатление, будто анализ сложной структуры эмпирических феноменов, описанных в четвертой и пятой главах, есть второстепенная мотивация для Ломанн, которая, подобно Норману Шофилду, движима прежде всего негодованием: мол, «мы ни словом не обмолвились о теоретической работе вокруг дилеммы заключенного, которая была проведена за последние десять лет»⁵⁸. Не нужно быть представителем ТРВ, чтобы понять, почему Ломанн и Шофилд так жаждут комплиментов в адрес последних наработок в теории игр. Однако целью «Патологий» была оценка эмпирической достоверности ТРВ, а вовсе не летопись ее аналитических достижений. Подобная стратегия объясняет то, почему мы уделили столь мало внимания моделям, описываемым Ломанн;

⁵⁶ Ibid. P. 140. См.: Dawes et al. Behavior, Communication, and Assumptions. См. также: Orbell et al. Explaining Discussion-induced Cooperation; Orbell et al. Covenants Without the Sword; Schwartz-Shea P., Simmons R. T. The Layered Prisoners' Dilemma: Ingroup versus Macro-Efficiency // Public Choice. 1990. Vol. 35. No. 1. April. P. 61–83; Kragt Van de et al. Doing Well and Doing Good.

⁵⁷ Точно так же Тейлор полагает, что ему удалось обнаружить «дыру» в нашем анализе межличностной коммуникации, он указывает, что этот промах может оказаться существенным в случае игры с неоднородной дилеммой заключенного. Мы никогда не утверждали ничего наперекор данному предположению, более того, мы даже попытались предвосхитить эту критику. См.: Taylor M. Battering RAMS // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter/Spring. P. 228, n. 4; Green, Shapiro. Pathologies. P. 89.

⁵⁸ Schofield. Rational Choice and Political Economy. P. 206.

данные модели допускают различные балансы, а значит, и самые разнородные эмпирические прогнозы⁵⁹. Из того множества исследований, которые цитируются на страницах 89–93 «Патологий», должно стать очевидным: модели, предлагаемые Ломанн, даже близко не способны учесть весь спектр аномалий, открывающийся взору ученого-эмпирика. Вместо выстраивания еще более изощренных аналитических структур представителям ТРВ следовало бы взяться за конструирование эмпирически обоснованных моделей коллективного действия. Иначе ученому, ориентированному на эмпирические исследования, оказывается вовсе не очевидным, почему модели, упоминаемые Ломанн, должны считаться «важными» или «значительными».

Мотивационная мощь коллективных стимулов

Майкл Тейлор, в принципе, солидарен с тезисами, выдвинутыми в «Патологиях», но, подобно Ломанн, он уверен, что мы недопонимаем теории коллективного действия, созданные в рамках ТРВ.

Согласно Грину и Шапиро в теории коллективного действия, созданной на основе ТРВ, получение коллективных благ никак не связано с индивидуальными решениями. Это неверно. Вне зависимости от того, как именно считает тот или иной теоретик, правильная позиция ТРВ по данному вопросу звучит следующим образом: эффект «безбилетника» имеет место тогда, когда *издержки личного вклада индивида превышают ту выгоду, которую он может извлечь из того количества неисключаемых благ, которое получается (прямо или косвенно) в результате его действий*, сюда еще можно добавить случайную выгоду от активных действий⁶⁰.

Это скорректированное правило принятия решения на поверку оказывается идентичным тому, что было

⁵⁹ См.: Lohmann. The Poverty. P. 136.

⁶⁰ Taylor. Battering RAMS. P. 228, n. 4. Курсив в оригинале.

нами детально рассмотрено в четвертой и пятой главах «Патологий». В отличие от нас Тейлор упускает из виду те ситуации с коллективным действием, когда ожидаемые коллективные блага, получаемые в результате вклада отдельного человека, незначительны. Даже если человек потратит десять тысяч долларов на то, чтобы внести решающий вклад в исход президентских выборов, вероятность того, что эта активность окажется решающей, практически равна нулю. Допустим, это один шанс на миллион, в этом случае *ожидаемая ценность* коллективного блага — один цент. Тейлор ничего не говорит про ожидаемую ценность, что, в свою очередь, не позволяет нам понять, как в ТРВ осмысливается то, как изменения в ценности коллективных благ способны повлиять на решение принять участие в действии.

По мере того как вероятность повлиять на коллективные процессы приближается к нулю, мотивация коллективных стимулов все более истончается. Давайте вернемся к ситуации, когда вероятность повлиять на процесс оказывается равна 0,00001%. Теперь представим, что индивид увеличил свой вклад в политическую борьбу со ста долларов до ста тысяч. В этом случае ожидаемая ценность возрастает с одной десятой цента до десяти центов. Трудно себе представить, что стимул в десять центов будет способен повлиять на коллективное действие, а значит, даже неправдоподобно большие изменения коллективных стимулов будут способны оказать лишь самое незначительное влияние на поведение участников действия. Подобные сравнительные статистические предположения делают теории коллективного действия ТРВ интересными и эмпирически проверяемыми. Однако пока получается, что результаты тестов не совпадают с теоретическими ожиданиями сторонников ТРВ⁶¹.

⁶¹ См.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 62–65, 84–85.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА И НЕМНОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Концепция массового коллективного действия Олсона известна прежде всего своим мрачным прогнозом: коллективное действие может поддерживаться лишь за счет принуждения или селективных поощрений. По крайней мере большинству она запомнилась именно этим, но только не Фьерина. Он категорически отрицает факт того, что Олсон писал нечто подобное. Чтобы освежить идеи Олсона в памяти, давайте предоставим слово ему самому:

В самом деле, до тех пор, пока не существует какого-либо принуждения или группа недостаточно мала, *рациональные, своекорыстные индивиды не будут прилагать никаких усилий к достижению общегрупповых целей*. Другими словами, даже если все индивиды данной большой группы рациональны, действуют в собственных интересах и выгадают от достижения данной цели в рамках группы, они все равно не станут добровольно прилагать усилий к достижению этой цели⁶².

В большой группе, в которой никакое действие индивида не оказывает значимого влияния на группу в целом, совершенно точно не будет обеспечено никакого блага до тех пор, пока не будет применено принуждение или какое-либо внешнее воздействие, которое заставит членов группы действовать в общих интересах⁶³.

Рациональный индивид в большой группе в социально-политическом контексте не будет ничем добровольно жертвовать для достижения общих целей. Поэтому нельзя говорить, что большие группы будут организовываться, чтобы действовать в общих интересах. Только когда группы малы или когда им по-

⁶² Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М.: Издательство ФЭИ, 1995. С. 2.

⁶³ Там же. С. 40.

счастливилось иметь возможность предложить индивидуальные стимулы, они смогут организоваться и действовать для достижения общих целей⁶⁴.

Фьерины пытается оспорить представление о том, что классики ТРВ пророчили коллапс коллективного действия. Однако в отличие от Ломанн, которая пытается укрыться в эмпирической неопределенности множественных равновесий, Фьерины пытается переделать эмпирические суждения Олсона так, чтобы сделать их пригодными для экспериментальных или квазиэкспериментальных исследовательских методик, используемых в социальных науках. На выходе мы получаем результаты равновесия, на входе — сравнительную статистику. Забудьте про точечный прогноз, а также про прогнозы относительно того, как показатели массового политического участия будут *меняться* по мере того, как происходят экзогенные изменения в стратегической среде. Мы не собираемся оспаривать такой подход, призыв к нему — сквозная тема «Патологий». Наше несогласие с Фьерины касается степени того, насколько представители ТРВ действительно следуют данным рекомендациям. Возможно, ему следует вести пропаганду среди сторонников ТРВ, например, таких, как Ломанн, которые придают огромную теоретическую и эмпирическую значимость абсолютным показателям массового политического участия. Однако обратите внимание, что использование сравнительной статистики лишает ТРВ львиной доли ее апломба. Разве работа Олсона имела бы то же влияние, если бы его ключевой тезис сводился к тому, что «при прочих равных обстоятельствах уровень коллективного действия внутри больших латентных групп уменьшается и увеличивается в зависимости от выбранных стимулов»?⁶⁵

⁶⁴ Олсон М. Логика коллективных действий. С. 155.

⁶⁵ Фьерины упоминает и иные важные тезисы Олсона, касающиеся, например, организационных возможностей больших и малых латентных групп. По причинам, указанным

Масштабное теоретизирование лишилось бы большей части своего пафоса, если бы вопрос ТРВ «Почему люди голосуют?» превратился бы в вопрос «Какие факторы повышают или понижают процент явки?».

Приблизившись на шаг к тому, что мы называем частичным универсализмом, Фьерина так и не принимается за те эмпирические вопросы, которые естественным образом вытекают из-за сделанного шага. В какой степени уровень коллективного действия реагирует на изменения в стимулах, обозначенных в ТРВ? В какой степени иные факторы влияют на изменения процента явки? Фьерина практически нечего сказать по поводу той сравнительной статистики, которая представлена нами в «Патологиях», там, в частности, описывается аномалия, отмеченная Фереджонном и Фьериной, суть которой в том, что коллективные стимулы привлекают избирателей даже тогда, когда они не предвидят никакой интриги на выборах⁶⁶. Яв-

Тейлором, данное допущение достаточно сложно проверить эмпирически. См.: *Олсон М. Логика коллективных действий*; *Taylor M. The Possibility of Cooperation. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1987.*

⁶⁶ Ломанн, опираясь на Трофмана, похоже, полагает, что сравнительные статистические прогнозы ТРВ дают достаточно хорошие эмпирические результаты. Тот факт, что данный вывод делается на основе литературы, проанализированной в «Патологиях», заставляет с большим доверием относиться к социально-психологическим теориям предрассудка согласованности и убедительности в их приложении к усвоению научных данных. Если наша оценка корректна, то данный паттерн результатов должен в соответствии с критериями Чонга считаться аутентичной аномалией (в противовес «нерешенной проблеме»), так как он сочетается с социально-психологическими теориями групповой идентификации. Ломанн также хвалит работу Хансена и его коллег, которую мы считаем лучшей работой в своем жанре, однако она так и не затрагивает те методологические вопросы, которые мы поднимаем (см.: *Pathologies*. Р. 64). В работе Хансена демонстрируется, что явка на выборах в школьном округе Орегона оказалась более высокой в меньших по на-

но отклоняясь от этой более нюансированной формы проверки гипотез, Фьерина в одном месте предлагает требовать от суждений ТРВ лишь прогноза (больше участия или меньше), что напоминает представление Ломанн о том, что прогноз позитивной явки «качественно сопоставим» с наблюдением о том, что на национальных выборах голосуют миллионы⁶⁷.

ПАТОЛОГИИ «ПАТОЛОГИЙ»

Подобно большинству критиков, Денис Чонг, похоже, готов принять наши основные возражения, касающиеся коллективных действий. Так, он не собирается оспаривать тезис о том, что большая часть имеющихся на сегодняшний день эмпирических свидетельств бросает вызов небанальным разновидностям ТРВ. Вместо этого его критика сосредотачивается на трех взаимосвязанных направлениях. Во-первых, он обвиняет нас в игнорировании следующего факта: «Ценность [ТРВ] обуславливается тем, что она проясняет причинно-следственные связи, лежащие в основе рассматриваемого феномена»⁶⁸. Во-вторых, он упрекает нас в том,

Окончание сн. 66

селенности районах, где у избирателей было больше шансов внести голосом решающий вклад в победу своего кандидата. Однако ученые не стали проследить, сохраняется ли данная закономерность на национальных выборах, а также на выборах уровня штата, в которых подобная межрайонная вариация отсутствует. См.: *Ferejohn J., Fiorina M. Closeness Only Counts Horseshoes and Dancing // American Political Science Review. 1975. Vol. 69. No. 3. September. P. 920–925; Grofman B. Downsian Political Economy and the Neo-Downsian Agenda. University of California at Irvine: Unpublished mimeo, 1994; Hansen S., Palfrey T.R., Rosenthal H. The Downsian Model of Electoral Participation: Formal Theory and Empirical Analysis of the Constituency Size Effect // Public Choice. 1987. Vol. 52. No. 1. P. 15–33; Green, Shapiro. Pathologies. P. 64.*

⁶⁷ Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions. P. 88.

⁶⁸ Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 41.

что мы так и не предложили никаких альтернативных ТРВ объяснений коллективного действия. Наконец, его беспокоит то, что он считает нашей попыткой «навязать произвольные правила, касающиеся пределов ТРВ»⁶⁹. Ниже нами будут рассмотрены эти возражения в той степени, в какой они относятся к теории коллективного действия. А что касается их более общего рассмотрения, этим мы займемся чуть позже.

Ирония заключается в том, что Чонг хвалит ТРВ за ее способность указать нам на причинно-следственную связь, на механизм, посредством которого социальное действие становится результатом индивидуального выбора, именно тогда, когда он предлагает нашему вниманию не один, а сразу несколько механизмов, которые вполне могут считаться объяснениями с позиций ТРВ⁷⁰. Изначально Чонг полагает, что этот механизм является когнитивным: те, кто принимает решения, определяют, какое из множества доступных им направлений действия будет максимально способствовать росту общественной пользы. Однако тут же возникает вопрос: можно ли поверить в то, что обычные люди способны решать стратегические задачи, которые могут на целые месяцы погрузить сторонников теории игр в раздумья? Признавая, что «ни один индивид не обладает ресурсами, необходимыми для оценки всех имеющихся у него альтернатив», Чонг предлагает еще один механизм: «соответствие» действиям, к которым призывают «лидеры сообщества», или же соответствие «кумулятивной мудрости сообщества»⁷¹. Однако откуда этот конформизм и откуда «столь сильная эмоциональная привязка к паттернам поведения, [развивающимся] в процессе социализации»?⁷² Для ответа на этот вопрос вво-

⁶⁹ Ibid. P. 46.

⁷⁰ См.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 20–23.

⁷¹ Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 56.

⁷² Ibid. P. 56.

дится еще один механизм, на этот раз структурно-функциональный или эволюционный, посредством которого «слепой конформизм усваивается с первых лет жизни, так как он улучшает трансляцию информации от родителей к потомству»⁷³. Непонятно, почему эта каша из каузальных механизмов должна усиливать авторитет тезисов ТРВ.

Что касается обвинений в том, что в «Патологиях» можно найти лишь «усеченные» отсылки к альтернативным теориям, то здесь стоит еще раз повторить наши взгляды на системообразующую теорию⁷⁴. На основе факта о том, что не существует никаких альтернативных теорий, сравнимых с ТРВ по своему масштабу и общности, невозможно ничего сказать об эмпирической применимости ТРВ. Данный факт в равной степени согласуется с позицией, согласно которой ни одна теория не способна учесть всю неразрешимую сложность политики. Если нас ставят перед необходимостью представить альтернативу ТРВ, то мы тут же зададим вопрос: какой именно феномен требует объяснения? На наш взгляд, сначала необходимо понять суть предмета исследования, и лишь потом уже можно переходить к поиску подходящих объяснений, одни из которых будут подразумевать максимизацию пользы, тогда как другие будут подчеркивать роль привычек, импульсов и когнитивных предрассудков. Другими словами, поиск альтернативных объяснений должен ориентироваться на проблему.

Абсолютно неверно утверждать, что мы не можем предложить никаких альтернатив *на уровне конкретных эмпирических суждений*. Вместо тезисов о том, что коллективные действия стимулируются рядом особых поощрений или же возможностью внести решающий вклад, мы утверждаем: массовое политическое участие определяется энтузиазмом в отношении коллектив-

⁷³ Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 56.

⁷⁴ См.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 183–188.

ных целей, пиететом к лидерам и выдающимся символическим фигурам движения, ощущением своей компетентности по данному вопросу, а также чувством долга⁷⁵. Данные суждения не дедуцируются ни из широкомасштабной теории, ни из допущений о том, что индивидуальное действие иррационально; таким образом, требование Чонга к критикам ТРВ доказать, что стратегическое поведение не играет вообще никакой роли, к ним не относится⁷⁶. Более того, раз Чонг полагает, что любые факторы, начиная с осознанной калькуляции и заканчивая «культурной инерцией», могут быть так или иначе совмещены с той или иной разновидностью ТРВ, то он вполне может рассматривать предложенные нами альтернативы как варианты ТРВ⁷⁷. Но в таком случае наши противоречия становятся сугубо семантическими, а ТРВ превращается во все время увеличивающийся тент, под которым умещаются абсолютно любые суждения, выдвигаемые в рамках антропологии, социологии или социальной психологии.

Чонг объясняет свои *post hoc* украшения ТРВ тем, что подобные модификации «повышают эмпи-

⁷⁵ Под альтернативными гипотезами можно также понимать и методологические возражения. Например, Чонг ссылается на выводы некоего опроса, пытаясь доказать, что участники коллективных действий полагают свое собственное участие решающим для успеха мероприятия. Альтернативная (и вполне проверяемая) гипотеза гласит: подобные утверждения есть часть идеологического дискурса активизма, и более детальный опрос покажет: сами люди не верят в то, что движение потерпит крах, стоит им только прекратить свою деятельность. По мнению Чонга, данная гипотеза доказывает, что мы совершенно отрицаем практику социологических опросов, однако наша критика позволяет сделать подобный вывод: не более чем отсылка к важности учета классовой принадлежности человека влечет за собой обязательное принятие марксизма. См.: *Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals*. P. 49–52.

⁷⁶ *Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals*. P. 52, 56.

⁷⁷ *Ibid.* P. 56.

рическую мощь теории, а значит, являются прогрессивным шагом». Однако затем он добавляет: «Модификации *ad hoc* должны приводить к дополнительной проверке теории»⁷⁸. На наш взгляд, вопрос о том, является ли модификация *ad hoc* прогрессивной (раз уж она с неизбежностью подразумевает компромисс между прогностической точностью и теоретической бережливостью), должен определяться в результате подобной проверки. Следует подчеркнуть данный тезис, так как наши критики нередко или изображают нас категорическими противниками модификаций *post hoc*, или указывают на противоречие между нашим призывом к индуктивному построению теорий и нашей критикой *post hoc* модификаций. Оба критических выпада бьют мимо цели. Индуктивное теоретизирование опирается на существующие данные и пытается их осмыслить; осмысленные эмпирические оценки возникают тогда, когда переформулированные прогнозы сопоставляются с новыми данными. Вуд и Макклин упрекают нас, будто мы «высмеиваем тенденцию статей в духе ТРВ заканчиваться призывами усилить эмпирическую составляющую исследования»; но мы возражаем именно против этих лицемерных призывов⁷⁹. Наши возражения особенно уместны применительно к теории коллективных действий, опирающейся на ТРВ, так как в этом случае эмпирическая проверка лишь в самых редких случаях материализуется во что-то реальное.

Удивляет ли то, что ТРВ столкнулась с серьезными трудностями при попытке использовать ее для изучения массового политического участия? Каждый из наших критиков ищет причины, чтобы ответить на данный вопрос отрицательно. Фьерина утверждает, что «модели рационального выбора оказываются бо-

⁷⁸ Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 45–46.

⁷⁹ Wood S., McClean I. Recent Work in Game Theory and Coalition Theory // Political Studies. 1995. Vol. 43. No. 4. P. 703–717.

лее полезными там, где ставки высоки, а число участников незначительно; ТРВ помогает понять, что риск с целью максимизации пользы, если последствия твоих действий банальны, а результат близок к нулю, не рационален»; Ломанн пишет, что «подход ТРВ более полезен в тех сферах, где стимулы высоки, а „рациональное“ поведение обещает более значительные блага, чем в сферах... где эффект от накопленного опыта или давление отбора слабы»; Тейлор указывает, что «объяснения ТРВ работают тогда, когда результат зависит от действий актора»; Чонг цитирует Харсаньи, по мнению которого «акты альтруизма или нравственности имеют место тогда, когда издержки подобных действий незначительны»⁸⁰. И все же Чонг прав в своем стремлении противодействовать навязыванию «ТРВ произвольных лимитов»⁸¹. В разделе «Патологий», посвященном рассмотрению произвольных границ применения ТРВ, мы обращаем внимание на то, что границы полезности ТРВ должны быть установлены в результате эмпирических проверок и перепроверок⁸². Собственно, одной из центральных задач нашей книги был поиск исследовательской платформы, опираясь на которую подобные гипотезы среднего уровня могли бы быть развиты и оценены эмпирически.

Однако это направление исследования нивелируется тем типом *post hoc* теоретизирования, в котором увязает Чонг. В той степени, в какой суждения типа «ценности и склонности, не приобретаемые в результате сознательной калькуляции и нередко невосприимчивые к колебаниям скрытых издержек» встраиваются в ТРВ, ее границы становятся столь размытыми, что оказывается трудно и даже невозможно оценить, когда ТРВ

⁸⁰ Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions. P. 88; Lohmann. The Poverty. P. 131; Taylor. Battering RAMS. P. 225; Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 46.

⁸¹ Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 46.

⁸² См.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 44–46.

права, а когда нет⁸³. Проблема еще больше обостряется, если поборники *post hoc* теорий начинают довольствоваться лишь доказательством тезиса, что «утверждение, согласно которому социальные нормы и ценности принципиально недоступны ТРВ, вовсе не так очевидно»⁸⁴. Универсалистский импульс все объяснить через отсылку к «интересам и более или менее сознательным стратегическим калькуляциям», зачастую оправдываемый теоретической бережливостью и «поддерживаемый» указанием на множественность равновесий, приходит в противоречие с попытками понять обстоятельства, при которых начинают господствовать те или иные интересы, а калькуляции начинают соответствовать логике формальных моделей⁸⁵.

ПОЧЕМУ ПОВЕРХНОСТНАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ — ЭТО ОПАСНО

Некоторые критики полагают, что наше непонимание ТРВ связано с нашим же невежеством в области философии науки. Разные критики выдвигают различные соображения. Однако в целом они склонны полагать, что мы — если забыть на время про то, что было сказано ранее, — близорукие позитивисты, которым незнание основ философии науки не позволяет заметить достоинства ТРВ.

Хождение по крыльям самолета с Лакатосом

Фереджон, Сатц, Чонг, Фьерина, а также Шепсле сетуют на нашу наивность: якобы мы полагаем, будто бы теории принимаются или отвергаются в результате соотнесения не с альтернативными теориями, а именно с соответствующим эмпирическим материалом. Их ар-

⁸³ Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals. P. 56.

⁸⁴ Ibid. P. 57.

⁸⁵ Ibid.

гумент может быть сведен к двум связанным пунктам: а) «нечто нельзя заменить на ничто»; б) «какую альтернативу ТРВ вы предлагаете?». Оба пункта были рассмотрены в «Патологиях», но если написанное там так никого и не убедило, нам придется рассмотреть эти вопросы еще раз, только уже чуть подробнее⁸⁶.

Аргумент Лакатоса, гласящий, что теория не может быть отвергнута до тех пор, пока не появится лучшая альтернатива, предстает перед нами в обновленном виде как «первый закон хождения по крыльям самолета» Шепсле («не отпускай одну опору, пока тебе не удалось схватиться за другую»)⁸⁷. Относительно этого аргумента мы считаем уместными два соображения, которые касаются эмпирических достижений ТРВ. Во-первых, учитывая, что мнимые достижения ТРВ так трудно вычленишь, нам представляется слегка высокомерным полагать, будто бы парадигме рационального выбора в политической науке удалось занять место, аналогичное ньютоновской физике до революции Эйнштейна. Апелляция Шепсле к «первому закону хождения по крыльям самолета» получила бы больший вес, если бы только ему удалось убедить нас в том, что самолет уже взлетел. Собственно, наш спор с критиками едва ли вообще состоялся бы, сумей они представить перечень бесспорных достижений ТРВ.

Во-вторых, в «Патологиях» мы утверждали: нужно или принимать позицию Лакатоса полностью, или не принимать ее вообще. Представители ТРВ любят критиковать окружающих со ссылкой на Лакатоса, однако они едва ли сами прислушиваются к его позиции. Одна из наших основных претензий касается практически полного отсутствия в литературе по ТРВ разбора альтернативных объяснений. Как итог представители ТРВ оказываются в достаточно неловкой ситуации: они критикуют окружающих за то, что те не удосужи-

⁸⁶ См.: *Green, Shapiro. Pathologies.* P. 180–185.

⁸⁷ *Shepsle. Statistical Political Philosophy.* P. 217.

ваются сопоставить ТРВ с альтернативными подходами. Как было нами показано, стандартный ход ТРВ — предложить читателям всеобъемлющие концепции политических феноменов за счет ссылок исключительно на модели рационального действия, при этом альтернативы или не упоминаются вовсе, или оказываются самыми тривиальными⁸⁸. Некоторые исследователи (например, Эльстер) полагают, что ТРВ следует предпочитать всем остальным по умолчанию; другие (например, Дирмайер) вообще не считают нужным рассматривать альтернативы; третьи (например, Чонг) выступают за переформулирование альтернатив так, чтобы они соответствовали логике ТРВ⁸⁹.

Критики, например, Чонг, находят наши аргументы неубедительными. Они полагают, что именно *нам*, то есть ученым, пытающимся оценить парадигму ТРВ, следует взять на себя бремя поиска альтернатив. Подобный ход рассуждений неубедителен по двум причинам. Во-первых, в работе «Патологии» мы указали, что у нас есть все причины скептически относиться к вероятности того, что какая-то подобная альтернативная общая теория будет найдена, так как феномены, изучаемые политическими учеными, просто несоизмеримы друг с другом. Например, вопрос «Как именно можно объяснить коллективные действия?» представляется нам излишне общим и непригодным для эмпирической работы. Каузальные переменные, от которых зависит, почему одни люди жертвуют деньги на защиту окружающей среды, а другие — нет, почему одни люди пополняют ряды арийского сопротивления, а другие — нет, почему одни люди посещают со-

⁸⁸ См.: Green, Shapiro. *Pathologies*. P. 37, 84, 88, 121–122, 126, 180–185.

⁸⁹ Elster J. (ed.). *Introduction. Rational Choice*. New York: New York University Press, 1986; Diermeier. *Rational Choice and the Role of Theory*; Chong. *Rational Choice Theory's Mysterious Rivals*.

брания попечительского совета школы, а другие — нет, могут сильно отличаться друг от друга в зависимости от конкретного случая. На наш взгляд, куда лучше прибегать к точечным вопросам, касающимся обстоятельств, при которых конкретный тип акторов принимает решение участвовать (или не участвовать) в различных формах коллективных действий. Наша цель не отвергнуть ТРВ, заменив ее некой альтернативной тотальной теорией, мы лишь полагаем, что есть куда более перспективные способы развивать социальную науку. При этом мы уже неоднократно повторяли (эта тема еще будет рассмотрена нами ниже, когда мы начнем говорить об исследованиях, ориентированных на проблему, в противовес исследованиям, ориентированным на метод), что некоторые гипотезы, выдвинутые в рамках ТРВ, вполне могут оказаться наиболее полезными при осмыслении целого ряда политических контекстов.

Еще раз подчеркнем: Чонг, описывая механизм оценки конкретных гипотез, очевидно, перепутал инстанцию, на которой лежит бремя доказательства. Тот, кто указывает на изъяны теории, вытекающие из самих принципов этой теории, должен предлагать альтернативу не больше, чем механик, указывающий на неработающий двигатель, должен обязательно иметь под рукой двигатель работающий. Так что жалоба Чонга на то, что альтернативы ТРВ, упомянутые в разных местах «Патологий», являются очень «размытыми», бьет мимо цели, равно как и обвинение Шепсле, полагающего, что мы так и «не удосужились разъяснить тот ноль, который мы пытаемся противопоставить ТРВ»⁹⁰. Мы не ставили перед собой цель предлагать и обосновывать альтернативы. Скорее, мы пытались указать тем, кто апеллирует к Лакатосу, что сторонники ТРВ, переходя от исследования к иссле-

⁹⁰ Shepsle. *Statistical Political Philosophy*. P. 217; Chong. *Rational Choice Theory's Mysterious Rivals*. P. 38.

дованию, даже не пытаются доказать, что их подход лучше существующих альтернатив. Далее мы просто бегло обозначили те альтернативы, которые, на наш взгляд, должны заинтересовать представителей данной теории.

Теории вовсе не обязательно повергнуть всех своих конкурентов, чтобы быть признанной правдоподобной; те работы, которые мы хвалили в «Патологиях», в этом смысле не являются безоговорочными победителями⁹¹. Однако любое объяснение останется неубедительным до тех пор, пока не будут предприняты усилия по доказательству того, что оно способно решить проблему лучше прочих заслуживающих внимания альтернатив. Вот анализ Чонга наблюдения за тем, что «коллективные действия опираются на существующие организации. Люди, так или иначе связанные с церквями и братствами... оказались в числе активных участников движения в защиту гражданских прав»⁹². Чонг связывает этот факт с тем, что в рамках небольшой группы поведение может быть «отслежено» и по результатам данного мониторинга «поощрено или наказано». Однако едва ли можно отмахнуться от литературы, посвященной политическим партиям, в которой обосновывается альтернативная гипотеза: индивидуальные особенности (вкусы, чувство долга, чувство личной компетентности), связанные с тягой к членству в небольших группах, могут объяснять как участие в деятельности различных организаций, так и политическую активность.

При этом мы не отрицаем ситуации, когда объяснение может казаться вполне приемлемым, даже если не была рассмотрена ни одна альтернатива, особенно это верно тогда, когда речь идет о феномене, до сих пор не изучавшемся или изучавшемся, но объяснявшемся контринтуитивными доводами. Однако подоб-

⁹¹ См.: Green, Shapiro. *Pathologies*. P. 189–190.

⁹² Chong. *Rational Choice Theory's Mysterious Rivals*. P. 41.

ные объяснения должны считаться спекулятивными, именно спекулятивными, а не просто временными, как это происходит с хорошо проверенными объяснениями: их следует считать лучшими из существующих подходов, альтернатив которым пока не существует. Процесс рассмотрения альтернативных гипотез следует мыслить на квазибайсеанский манер: чем более надежны существующие объяснения некоего феномена, тем большее бремя ложится на плечи того, кто пытается предложить новый подход. В «Патологиях» мы лишь сетовали на то, что сторонники ТРВ уж слишком часто не выказывают никакого интереса (или даже осведомленности) к целому массиву исследований, предлагающему вполне достоверные альтернативные объяснения⁹³.

Схожие ошибки допускает и Шепсле, когда приводит для подтверждения своей позиции притчу из оперной жизни Джорджа Стиглера: два оперных певца участвуют в прослушивании на роль, и сразу после выступления первого судья выносит решение в пользу второго. Отсюда Шепсле делает следующий вывод: нас «не устраивает» ТРВ и мы тут же «готовы отдать свое сердце некоему непроверенному конкуренту»⁹⁴. Однако эта критика бьет мимо, так как в науке нет места наградам. До открытия хлорофилла ученые не знали, почему трава является зеленой, однако мыслящие люди все же вполне обоснованно отвергали теорию, объяснявшую данный факт тем, что луна сделана из зеленого сыра⁹⁵. Точно так же, если кто-то выдвигает теорию, согласно которой плохие показатели людей с черным цветом кожи в ряде профессий объясняются их генетической ущербностью, то отнюдь не обязательно располагать некой альтернативной теорией, чтобы заключить, что теория генетической

⁹³ См.: *Green, Shapiro*. Pathologies. P. 181–183.

⁹⁴ *Shepsle*. Statistical Political Philosophy. P. 218.

⁹⁵ За этот пример мы благодарны Брайану Барри.

ущербности несостоятельна. Нет, конечно, *что-то* знать просто необходимо, иначе отвергнуть абсурдные теории не получится, однако большого количества знаний не требуется и уж конечно не требуется иметь концепции, способные исчерпывающе объяснить рассматриваемый феномен. Бывает так, что в политической науке никто не знает правильного ответа. Сторонники той или иной гипотезы справедливо берут на себя бремя доказательства превосходства именно их версии над наиболее основательными из существующих альтернатив. Тот, кто скептически относится к предлагаемой версии, вовсе не должен нести аналогичное бремя; в конце концов, отличительная черта научного мировоззрения — это благоприятствование скептицизму. Полагать, что бремя поиска альтернативы лежит на скептике, значит, позволять теориям по умолчанию казаться более фундаментальными, чем на самом деле, а ученым — более знающими, чем в реальности. Разве существует более опасное препятствие для роста знания, чем это?

Иначе тезис Лакатоса излагают Фереджон и Сатц. Они утверждают, что успешные теории в прочих науках отнюдь не всегда способны дать уникальные предсказания. Приводимый ими пример — эволюционная теория, которая не предсказывает «уникальный эволюционный путь развития»⁹⁶. Да, действительно, это так, прежде всего потому, что львиная доля версий эволюционной теории гласит: результаты эволюции принципиально зависят от случайных событий. Однако в биологии, о чем шла речь в «Патологиях», эволюционная теория вполне может предлагать вниманию ученых эмпирически проверяемые предсказания⁹⁷. Например, в рамках одной из версий эволюционной теории вполне можно выдвинуть гипотезу, что на протяжении определенного периода времени у данного

⁹⁶ Ferejohn, Satz. Unification, Universalism. P. 75.

⁹⁷ См.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 22–23.

вида происходило постепенное увеличение объема черепа. Это суждение уже вполне можно фальсифицировать, например, обнаружить более крупные черепа этого вида, которые окажутся древнее (согласно независимым методикам определения возраста), чем черепа более мелкого размера⁹⁸. Если эволюционная теория не способна предложить ни одного фальсифицируемого суждения, значит, оснований рассматривать ее всерьез не больше, чем оснований для серьезного отношения к креационизму.

Спаситель Кун?

Дирмайер солидаризируется с Куном, тем самым он дистанцируется от того, чтобы критиковать нас с позиций Лакатоса. По его мнению, «нормальная» наука в рамках ТРВ легитимным образом подразумевает закономерный переход на стадию «решения головоломок» в контексте устоявшейся парадигмы. Дирмайер настаивает, что согласно «куновской теории парадигм» то, что мы называем патологиями, «вполне приемлемо и даже вполне сочетается с основными чертами развития большинства естественных наук». Это «стандартные» характеристики «нормального исследования, то есть исследования, заданного парадигмой»⁹⁹. Аргумент Дирмайера сводится к двум базовым утверждениям, опровергающим нашу критику: первое касается отношений между теориями и их ап-

⁹⁸ Возможно, Мерфи прав, утверждая, что эволюционная теория демонстрирует свои лучшие эмпирические результаты тогда, когда ее сторонники отделяют конкретные эволюционные гипотезы от ориентированного на метод поиска равновесия. Однако по причинам, которые будут изложены ниже, нам бы хотелось оспорить то, что выглядит как его вывод: отказ от поиска равновесия равносильен отказу от науки. См.: *Murphy. Rational Choice Theory as Social Physics*. P. 162–169.

⁹⁹ *Diermeier. Rational Choice and the Role of Theory*. P. 68, 61.

робацией, второе — подобающей интерпретации эмпирических аномалий. В рамках первого утверждения Дирмайер уделяет значительное внимание доказательству того, что мы и так никогда не отрицали. Допущения, на которых выстраиваются теории, едва ли могут быть напрямую подвергнуты эмпирической проверке¹⁰⁰. К этому он добавляет, что раз ненаблюдаемое по определению не может быть измерено, значит, и теории, включающей это ненаблюдаемое, не подвластны апробации¹⁰¹. Собственно, мы возражали против ненаблюдаемого не больше, чем против использования непротестированных допущений. Мы настаивали лишь на том, что *некая* эмпирическая проверка все же необходима, этот тезис Дирмайер принимает уже в самом первом предложении своей работы. Стандартная практика науки — это не проверка допущений или теоретических понятий, это проверка тех прогнозов, которые делаются на основе гипотез, выводимых из теории¹⁰². Естественно, это отнюдь не един-

¹⁰⁰ *Diermeier. Rational Choice and the Role of Theory. P. 61–63.*

¹⁰¹ «Позиция Грина и Шапиро в отношении ненаблюдаемого в самом общем виде звучит следующим образом: ненаблюдаемое по определению не может быть измерено. Таким образом, теории, включающие в себя ненаблюдаемое, не могут быть проверены эмпирически. В силу того, что ТРВ включает в себя ненаблюдаемое, она не может быть проверена эмпирически. Следовательно, ТРВ не научна». Однако мы никогда не утверждали ничего подобного, это подтверждается нашими текстами. Более того, данная формулировка противоречит идиосинкразической позиции Дирмайера, ратующего за то, чтобы каждая теория была окрещена либо научной, либо ненаучной. Теории являются обоснованными или необоснованными; научными или ненаучными являются методы их оценки. См.: *Diermeier. Rational Choice and the Role of Theory. P. 63.*

¹⁰² Например, если факт участия в выборах объясняется тем, что люди считают свой голос потенциально решающим, то само это допущение является ненаблюдаемым, однако оно имеет вполне наблюдаемые последствия. Интервью и опросы вполне могут показать, действительно ли люди

ственный способ оценить эмпирическую значимость теории, но если ни прогнозы, ни набор допущений, на которые теория опирается, не могут быть эмпирически проверены, в этом случае оценить эмпирическую ценность данной теории представляется невозможным. Дирмайер суммирует свои сопоставления физики Ньютона с ТРВ суждением об «абсурдности» позиции, согласно которой вторая оказалась столь же успешной, что и первая, однако он так и не поясняет, каковы критерии для сделанных им сравнительных выводов¹⁰³.

Отсюда мы можем перейти к следующему возражению Дирмайера: якобы успешные теории могут продолжать свое существование и после столкновения с аномалиями. До появления теории относительности Эйнштейна ньютоновская теория была не способна объяснить траекторию орбиты Меркурия, однако при этом «было бы в высшей степени глупо отказываться из-за одной аномалии от теории Ньютона, которая столь прекрасно работала в большинстве областей»¹⁰⁴. В «Патологиях» мы достаточно подробно разобрали данный тезис¹⁰⁵. Мы рассмотрели позицию Дирмайера, касающуюся последствий необъяснимого «поведения» планет для ньютоновской физики, указав на то, что именно масштабы успехов ньютоновской теории убедили ученых оставить ее, несмотря на некоторые

полагают, будто бы они способны внести своим голосом решающий вклад в выборы. Дирмайер утверждает, что он «озадачен» нашим тезисом о том, что проблемы, связанные с ненаблюдаемым, обостряются по мере возрастания соотношения между ненаблюдаемыми понятиями и наблюдаемыми индикаторами. Однако это базовый принцип для стандартной проблемы идентификации в рамках статистического анализа латентных переменных. См.: *Pathologies*. P. 40–41.

¹⁰³ *Diermeier*. Rational Choice and the Role of Theory. P. 60.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 66.

¹⁰⁵ См.: *Green, Shapiro*. *Pathologies*. P. 180–181.

аномалии. Дирмайер считает чем-то само собой разумеющимся то, что кажется нам спорным: представление о ТРВ как об успешной теории¹⁰⁶.

Как было отмечено в «Патологиях», подобную позицию неминуемо ждет столкновение с серьезной трудностью¹⁰⁷. Прежде всего ее сторонникам придется как-то реагировать на критику Куна Лакатосом: последний отмечал, что если лучшее эмпирическое соответствие не может считаться достаточным критерием для научной оценки альтернативных теорий, то оказывается просто невозможным отделить развивающуюся научно-исследовательскую программу, когда решение головоломок способствует лучшему пониманию реальности, от программы стагнирующей, состоящей из бесконечных модификаций *post hoc*, единственная цель которых — спасение утратившей всякую ценность парадигмы¹⁰⁸. Дирмайер никак не комментирует данное замечание, что особенно удивительно, если учесть тот факт, что ему так и не удалось привести ни одного проверенного, основанного на эмпирическом материале суждения о политике, которое можно было бы считать заслугой ТРВ. Едва ли стоит дискутировать о том, должна ли некая аномалия вести к отказу от успешной теории, если данная теория не может привести ни одного доказательства своей успешно-

¹⁰⁶ Дирмайер уделяет уж слишком много внимания тому факту, что наш пример с красными яблоками (*Pathologies*. P. 44) является единственным примером аномалии. Помимо того, что было написано нами в самом тексте, добавим также, что эта аномалия отличалась от аномалии «необъяснимого поведения» Меркурия тем, что последняя мало что значила для людей того времени. Однако запланируй люди полет на Меркурий, им бы пришлось выяснить причины, по которым они не могут объяснить поведение орбиты данной планеты. См.: *Diermeier*. *Rational Choice and the role of Theory*. P. 66.

¹⁰⁷ См.: *Green, Shapiro*. *Pathologies*. P. 182–183.

¹⁰⁸ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

сти. Вопрос заключается не в том, что делать с той или иной «единичной» аномалией, но скорее в том, есть ли в данной теории хоть что-то кроме аномалий, что было бы способно пройти «тест на бабушку».

Возможно, Дирмайеру стоило бы чуть глубже проследовать за своим философским наставником. В отличие от Дирмайера Кун понимает, что не существует никакого устоявшегося свода теоретического знания, из которого могут быть выведены гипотезы социальных наук, хотя последние и могут «порождать вполне проверяемые выводы»¹⁰⁹. Отсюда вытекает его описание социальных наук как «протонаук», в которых «постоянная критика и перманентное стремление к обновлению являются — и должны являться — основополагающими механизмами развития»¹¹⁰. На данный момент единственное свидетельство того, что ТРВ является устоявшейся парадигмой (и может претендовать на все привилегии устоявшейся парадигмы), — это утверждения ее сторонников. Более того, если принимать разброс мнений наших критиков всерьез, окажется, что описаний ТРВ столько же, сколько существует ее представителей. Если Ломанн дистанцируется от универсалистских притязаний, рассматривая ТРВ лишь как метод или подход, то Шофилд, наоборот, пишет: «ТРВ придает согласованность именно то, что она является попыткой создания общей теории поведения человека»¹¹¹. Чонг провозглашает существенным преимуществом ТРВ перед другими теориями тот факт, что она снабжает нас каузальными механизмами, тогда как Сатц и Фереджон утверждают: объяснения ТРВ носят «внешний»

¹⁰⁹ *Kuhn T.S. Reflections on My Critics // I. Lakatos, A. Musgrave (eds). Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 244–245.*

¹¹⁰ *Ibid. P. 244–245.*

¹¹¹ *Lohmann. The Poverty. P. 128, 130; Schofield. Rational Choice and Political Economy. P. 190. Курсив Скофилда.*

характер¹¹². Шепсле полагает, что ТРВ — лучшая из доступных на сегодняшний день теорий и что она будет отвергнута, как только появится что-то лучшее¹¹³. Фьерина, напротив, утверждает, что ТРВ у него «в ДНК», а значит, для него преданность данной теории носит куда более серьезный характер¹¹⁴. На это Дирмайер мог бы возразить, что подобные разногласия не являются отличительной чертой ТРВ; данными противоречиями наполнена любая из социальных наук. Мы охотно согласимся с данным возражением, однако подчеркнем, что из него как раз следует правота Куна, считавшего данные науки допарадигмальными¹¹⁵.

ИССЛЕДОВАНИЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЕ НА МЕТОД, vs. ИССЛЕДОВАНИЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЕ НА ПРОБЛЕМУ

В силу того, что наши критики используют весь спектр возможностей философии науки, у нас есть основания предположить, что их всех роднит нечто иное. В «Па-

¹¹² Chong. *Rational Choice Theory's Mysterious Rivals*. P. 41–43; Satz, Ferejohn. *Rational Choice and Social Theory*.

¹¹³ Shepsle. *Statistical Political Philosophy*. P. 216–218.

¹¹⁴ Fiorina. *Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 85.

¹¹⁵ Подчеркнем слова Куна: «Я не предлагаю никакой терапии, призванной помочь трансформировать протонауку в науку, я вообще не считаю нечто подобное необходимым». Явно имея в виду кого-то типа Дирмайера, он пишет следующее: «Если... некоторые обществоведы хотят использовать мои идеи для усовершенствования статуса собственной науки — сначала надо прийти к согласию относительно фундаментальных положений, а затем перейти к решению головоломок, — то тем самым они грубо искажают мою позицию. Здесь как никогда уместен тезис, который был мной сформулирован при анализе особой эффективности математических теорий: „Как в случае развития личности, так и в случае научных групп зрелость приходит прежде всего к тем, кто умеет ждать“» (Kuhn. *Reflections on My Critics*. P. 244–245).

тологиях» мы утверждали: их всех роднит ориентация на метод, что в высшей степени типично для сторонников универсализма. Конечно, приверженность идее универсализма вполне может вытекать из определенной философии науки, в частности, из убежденности в том, что пока гипотезы не выведены из подтвержденного теоремами равновесия, никакая наука невозможна¹¹⁶. Но эта идея может иметь и иные источники. Некоторые теоретики ТРВ универсалисты в силу своей веры в то, что максимизация пользы — это источник всех проявлений человеческого поведения¹¹⁷. Других универсалистами делает отсутствие

¹¹⁶ Мы указали на любопытный факт: модель науки, основанная на всеобъемлющем законе, требует, чтобы допущения, на которых эта модель строится, были реалистичными. Однако ТРВ, на что уже почти двадцать лет назад указал Мо, данному требованию не соответствует. Нереалистические модели, напротив, должны обосновываться прогнозными успехами, что в случае ТРВ также отсутствует, по крайней мере в сфере политической науки. В любом случае подобные инструменталистские взгляды никак не способствуют развитию всеобъемлющих законов. См.: *Moe T. On the Scientific Status of Rational Choice Theory // American Journal of Political Science. 1979. Vol. 23. No. 1. February. P. 215–243. Также см.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 30–32.*

¹¹⁷ См.: *Elster. Introduction.* Как было отмечено нами в «Патологиях», основания для данного суждения отнюдь не очевидны. Фереджон и Сатц, критикуя нас, похоже, уверены, что в социальных науках достоинства объяснений ТРВ никем не оспариваются (как минимум в качестве отправных точек). Причина этого в том, что объяснения в общественных науках должны носить интенциональный характер. Согласившись с этим, все же отметим, что данный ход не имеет никакого отношения к нашей проблеме, так как в отличие от Райкера (взгляды которого по данному вопросу были рассмотрены нами в «Патологиях») Фереджон и Сатц признают: объяснения ТРВ представляют собой всего лишь один из нескольких типов интенциональных объяснений. См.: *Ferejohn, Satz. Unification, Universalism. P. 81–83; Riker. Liberalism Against Populism; Green, Shapiro. Pathologies. P. 185–186.*

интереса или даже осведомленности о существовании альтернативных объяснений. Кроме того, универсализм может быть результатом чрезмерных интеллектуальных амбиций или — обратная сторона амбиций — недовольством приземленными выводами конвенциональной политической науки. Достаточно лишь посетить конференцию по ТРВ, чтобы понять иерархию их приоритетов (амбиции по достижению общих теоретических результатов стоят для них выше эмпирических исследований), которую мы в «Патологиях» называем пагубной, ведь она еще сильнее углубляет раскол между тем, кто занят построением теорий, и тем, кто эти теории проверяет на практике.

Таким образом, тяга к универсализму вполне может отражать неудовлетворенность как журналистским качеством львиной доли исследований, выполненных в рамках дескриптивной политической науки, так и невпечатляющими результатами бихевиоральной политической науки, способными выдержать эмпирическую проверку. Как давным-давно заметил Чарльз Тейлор, знание о том, что католики в Детройте склонны голосовать за демократов (по крайней мере, они делали это, когда Тейлор писал свой текст), едва ли прибавляет особой глубины нашим познаниям в области политики¹¹⁸. Оставляя в стороне факт того, что эмпирически обоснованные «прозрения» ТРВ не сильно лучше описанных Тейлором, о чем свидетельствуют блеклые заявления о способности ТРВ прогнозировать «позитивный» процент избирателей на выборах, подчеркнем: мы не имеем ничего против подобных теоретических амбиций. Однако мы полагаем, что все же имеет смысл строить теории так, чтобы они могли быть проверены на свою эмпирическую состоятельность. Иначе ученый рискует оказать-

¹¹⁸ Taylor C. Neutrality in Political Science // P. Laslett, W. G. Runciman (eds). *Philosophy, Politics and Society*. Third Series. Oxford: Blackwell, 1967. P. 57.

ся персонажем из цирка Монти Пайтона¹¹⁹, который до одури пытается всем доказать, что «это моя теория и только моя», даже не задумываясь о том, почему кому-то должно быть до этого хоть какое-то дело. В конце концов, цель науки — не умножение теорий, но накопление знаний. И теории ценны в той степени, в какой они способствуют этому накоплению.

Нет, можно ориентироваться на метод, не имея также никаких универсалистских замашек. Один склоняется к этому на дорефлекторном уровне, другой движим желанием использовать свои виртуозные навыки в формальном моделировании, третий просто эстетически предан излюбленным методам¹²⁰. И тем не менее, на наш взгляд, стремление к универсализму способствует ориентации на метод, так как оно с легкостью превращает социально-научное исследование из беспристрастного поиска объяснений политических событий в написание аннотаций к излюбленной теории. Если ученый благоволит некоторой теории еще до всякого эмпирического исследования, тогда даже самые очевидные эмпирические аномалии будут казаться ему угрозой, против которой он будет бороться как только может. Для адвоката допустимо стараться всеми силами доказать правоту своих клиентов. Ученым же, наоборот, по роду своей деятельности по-

¹¹⁹ «Монти Пайтон» (англ. Monty Python) — комик-группа Великобритании из шести человек. Благодаря своему абсурдистскому и вместе с тем интеллектуальному юмору участники «Монти Пайтон» стали очень влиятельными комиками всех времен. Группа известна во многом благодаря юмористическому телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона», выходявшему на BBC в 1969–1974 гг., о чем и упоминает Иэн Шапиро; также она выпустила четыре полнометражных фильма. — *Примеч. ред.*

¹²⁰ В связи с этим хочется поинтересоваться, как именно следует интерпретировать эпитеты, например, «красивый», которые порой можно услышать на конференциях по ТРВ, когда какой-то ученый предлагает свои доказательства или дедуктивные аргументы.

добает стремиться к истине вне зависимости от ее последствий для теории.

Таким образом, Стэнли Келлей не прав, полагая, будто бы отмеченные нами патологии — уникальная особенность ТРВ¹²¹. Они характерны для любых универсалистских амбиций, по этой причине их должны иметь в виду все любители схожих теоретических конструкций¹²². Фьерина прав, указывая, что теории схожего масштаба, скорее всего, столкнутся с теми же трудностями; мы утверждали нечто подобное в отношении марксизма, теории элит, теории систем и структурного функционализма¹²³. Фьерина не считает повторение их пути обязательным¹²⁴. Мы нигде не утверждали, что хоть какой-то аспект постулата о максимизации сам по себе ведет к описанным нами патологиям. Эти патологии вытекают из убеждения, что некий вид максимизации пользы должен охватывать собой все виды политической активности и что в противном случае политическую науку можно считать несостоявшейся.

Возможным возражением тут может служить тезис о том, что объяснения ТРВ не более и не менее универсалистские, чем любые другие объяснения в со-

¹²¹ Kelley S., Jr. The Promise and Limitation of Rational Choice Theory // *Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society*. 1995. Vol. 9. No. 1–2. Winter / Spring. P. 102–103.

¹²² Это было очевидно как минимум для некоторых читателей работы «Патологии». Ферджон и Сатц аккуратны в изложении нашей позиции по данному вопросу. См.: *Unification, Universalism*. P. 71.

¹²³ См.: *Green, Shapiro. Pathologies*. P. 189–190.

¹²⁴ Указывая, что Парсон, Труман и Истон «не были особенно скромными» в том, что касается теоретических амбиций, Фьерина утверждает: «Не каждый исследователь, считающий структурно-функционалистский, групповой или системный подходы полезными, разделяет универсалистские амбиции данных теоретиков». *Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions*. P. 87.

циальных науках. Среди наших критиков данная позиция наиболее последовательно проводится Фьери-на. Имплицитно или эксплицитно он утверждает, что применимость любых объяснений ограничена *ceteris paribus*¹²⁵ особыми оговорками. Критики ТРВ «нередко полагают, что их вниманию предлагается монокаузальное объяснение», что является следствием их неспособности понять следующее: суждения ТРВ «обычно делаются с условием *ceteris paribus*. Подобная оговорка делается *всякий раз*, как предлагается эмпирическое применение модели»¹²⁶. Подобно всем прочим объяснениям, объяснения ТРВ ухватывают лишь одну какую-то часть пространства каузальности. Однако едва ли сторонники ТРВ будут отрицать — по крайней мере, пока они этого не делали, — что оговорка *ceteris paribus* подразумевает существование и иных каузальных факторов.

Мы не имеем ничего против подобной позиции; по сути, именно ее мы и описывали в «Патологиях» под рубрикой «Частичный универсализм». Мы лишь высказываем робкое опасение, что если к объяснению подходить с позиций ориентированного на метод подхода, призванного оправдать *некое конкретное* созданное в рамках ТРВ объяснение, тогда есть риск охватить всего лишь один процент проблемы. Наш анализ шуток о том, что высокие мужчины имеют больше шансов столкнуться с луной, чем мужчины низкие, был призван подчеркнуть, что объяснения с позиции ТРВ, даже будучи верными, вполне могут оказаться совершенно тривиальными в силу тех переменных, которые подразумеваются в соответствующей оговорке *ceteris paribus*¹²⁷. Данная трудность усугубляется еще и тем фактом, что неспособность учесть прочие независимые переменные может дискредитировать те заклю-

¹²⁵ При прочих равных условиях (лат.). — Примеч. перев.

¹²⁶ Ibid. P. 88. — Курсив автора.

¹²⁷ См.: Green, Shapiro. Pathologies. P. 61, 193.

чения, которые делаются на основе полученной информации. Если мы отвергаем монокаузальные объяснения, то в этом случае практика концентрирования на одной переменной и выстраивания на ее основе модели без попыток осмысления того, насколько она важна в сравнении с другими переменными и как она с ними взаимодействует, теряет смысл. Именно поэтому мы должны считать вопрос «Какое объяснение лучше всего соответствует X?» более уместным, чем вопрос «Какой ракурс ТРВ использовать, чтобы объяснить X?»¹²⁸.

Нет ничего удивительного в том, что те представители ТРВ, которые всерьез занялись изучением эмпирических проблем, стремятся дистанцироваться от агрессивных универсалистских формулировок. Например, Фьерица утверждает: сторонников ТРВ роднит лишь представление о том, что человеческое действие является осмысленным. По его мнению, различные модели должны использоваться для решения различных типов проблем (хотя он так нигде и не проясняет критерии данного использования); он солидаризируется с различными версиями того, что в работе «Патологии» называется нами частичным или сегментарным универсализмом. В отличие от Юна Эльстера и Гэри Беккера он не считает, что объяснения ТРВ

¹²⁸ Вуд и Маклин показывают, что даже в рамках одного набора *ceteris paribus* условий практически любой исход может быть задним числом описан как результат равновесия. Подобно Фереджону и Сатцу они уверены, что наша увлеченность эмпирической проверяемостью гипотез не позволяет нам обратить внимание на наиболее серьезные проблемы ТРВ. При этом они упускают из виду следующее: даже если эти теоретические трудности будут разрешены, патологии, вытекающие из ориентированной на метод науки, все равно останутся. См.: Wood, McClean. Recent Work in Game Theory; Ferejohn J. Rationality and Interpretation: Parliamentary Elections in Early Stuart England // K. Monroe (ed.). Economic Approach to Politics. New York: HarperCollins, 1991; Schofield. Rational Choice and Political Economy.

по умолчанию должны предпочитаться всем остальным объяснениям¹²⁹. Хотя порой Фьерина все же выдает достаточно экстравагантные утверждения: например, «с точки зрения эмпирического прогресса» ТРВ «представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с господствовавшими в прошлом теориями». При этом он никак не поясняет, что же именно было достигнуто с помощью ТРВ¹³⁰. Впрочем, по большей части его работа достаточно выдержана¹³¹.

Орदेशук еще даже более недвусмысленно, чем Фьерина, дистанцируется как от универсализма, так и от дедуктивного метода вывода гипотез. «Наука развивается не столь гладко», как то предполагает дедуктивная модель. По его словам, она развивается

через индукцию и умозаключения, движимые стремлением стать более практичными и научиться манипулировать реальными вещами так, чтобы эти манипуляции опирались не только на опыт, интуицию и творческое озарение, но также и на теорию. Отсюда приходит понимание того, что доступно обобщению, что лучше всего может быть осмыслено благодаря существующим теориям, а что является аномалией, требующей дальнейшего исследования¹³².

Хотя мы и отрицаем по причинам, излагаемым чуть ниже, инженерную модель политической науки, пред-

¹²⁹ См.: *Elster*. Introduction; *Becker G. S.* The Economic Approach to Human Behavior // *J. Elster* (ed.). Rational Choice. New York: New York University Press, 1986; *Fiorina*. Rational Choice, Empirical Contributions. P. 87–89.

¹³⁰ *Fiorina*. Rational Choice, Empirical Contributions. P. 91.

¹³¹ Солидаризируясь с концепцией семейства теорий, Фьерина отходит от универсализма еще дальше, чем мы. В пятой главе «Патологий» мы, в противовес подобной позиции, предлагали придерживаться одного конкретного определения рациональности, чтобы иметь возможность сохранять аналитическую дистанцию между ТРВ и иными подходами. См.: *Green, Shapiro*. Pathologies. P. 97.

¹³² *Ordeshook*. Engineering or Science. P. 180.

лагаемую Ордешуком, ни одна из перечисленных выше идей не может считаться несовместимой с отстаиваемой нами позицией.

Фереджон и Сатц в своем дистанцировании от универсализма не готовы идти столь же далеко, как и Ордешук. Но все же в некоторых случаях Фереджон встает на позиции как частичного универсализма, когда при объяснении некоего исхода рациональность рассматривается им вкупе с целым рядом других независимых переменных, так и универсализма сегментарного, когда он пишет о том, что модели ТРВ применимы в одних обстоятельствах и неприменимы в других¹³³. Фереджон и Сатц готовы признать и то и другое под видом двух разновидностей частичного универсализма¹³⁴. Кроме того, они выражают свое одобрение того, что в «Патологиях» было обозначено нами как концепция семейства теорий¹³⁵. По сути, это равносильно тезису о том, что некая конкретная рациональность способна объяснить некоторые из явлений, происходящих в политике. Разве будет кто-то возражать против такого подхода? Только не мы. Однако принятие подобной позиции будет иметь три следствия. Во-первых, если сторонники ТРВ отказываются от универсализма, как это делают Фереджон, Сатц, Ордешук и Фьерина, тогда они лишаются возможности перекидывать на критиков бремя поиска альтернативной универсальной теории. Во-вторых, если отвергнуть универсализм, то тезис о том, что представители ТРВ заняты работой, качественно отличной (и уж тем бо-

¹³³ Частичный универсализм обосновывается им в следующей работе: *Ferejohn. Rationality and Interpretation*; сегментированный универсализм: *Satz, Ferejohn. Rational Choice and Social Theory*.

¹³⁴ См.: *Ferejohn, Satz. Unification, Universalism*. P. 77–78. Во избежание путаницы в дальнейшем мы будем придерживаться наших изначальных понятий — частичный и сегментированный.

¹³⁵ *Ibid.* P. 81–83; *Green, Shapiro. Pathologies*. P. 28–30, 193–194.

лее лучшей) от той, которой занята конвенциональная эмпирическая политическая наука, лишается всякого основания. В-третьих, с позиций подобных оголенных универсализмов достоинства дедуктивного выведения гипотез уже не кажутся настолько очевидными. Раз уж мы де факто признали, что нет никакой исковой нами универсальной теории, тогда зачем продолжать плодить гипотезы, как если бы это было не так?

Фереджон и Сатц несколько сгущают краски, заявляя, что как частичный, так и сегментарный универсализм все же являются формами универсализма и что предлагаемое объяснение не заслуживает называться объяснением, пока оно не включит в себя тезис о том, что оно применимо и к целому ряду схожих феноменов¹³⁶. Мы согласны. Наши расхождения касаются того, как именно определяется диапазон применимости конкретного объяснения, а также как определяется взаимодействие независимых переменных в рамках мультикаузального объяснения. Фереджон и Сатц, подобно Шепсле, полагают, что к данному вопросу следует подойти дедуктивно¹³⁷. Мы относимся к данному предложению скептически. Решения, которые необходимо принять, вычленив масштабы применимости конкретной теории, определяя соотношение независимых переменных и решая, какие типы рациональности могут считаться подходящими для каких обстоятельств, по крайней мере отчасти зависят от эмпирических данных. До тех пор пока решение проблем не начинается с ориентации на эту проблему, очень трудно понять, как именно подобает мыслить соотношение различных объясняющих переменных и почему рассматриваемая сфера должна быть ограничена одним классом феноменов, а не другим. Именно это наблюдение легло в основу нашего анализа проблемы произвольного очерчивания сфер в «Патологи-

¹³⁶ *Ferejohn, Satz*. Unification, Universalism. P. 76–78.

¹³⁷ *Shepsle*. Statistical Political Philosophy. P. 218–219.

ях»¹³⁸. Ни один из наших критиков не оспаривает его, а некоторые, например, Фьерина, даже солидаризируются с ним¹³⁹.

Можно возразить, что наше различие между исследованием, ориентированным на проблему, и исследованием, ориентированным на метод, обманчиво просто. Например, Фереджон и Сатц полагают, что «само понятие успешности объяснения зависит от предшествующих (теоретических) пояснений относительно того, что именно нуждается в объяснении»¹⁴⁰. Так, они утверждают, что до возникновения литературы, посвященной коллективным действиям, считалось, что именно отказ от участия в голосовании нуждался в объяснении; в свою очередь Олсон и Даунс перевернули проблему: именно факт голосования теперь нуждается в объяснении. Никто не будет спорить с Фереджоном и Сатцем о том, что Олсон вместе с Даунсом оказали огромное влияние на изучение феномена электоральной явки, однако сразу же возникает вопрос: а было ли это влияние плодотворным? В «Патологиях» мы показываем, что до появления TRV исследования в данной области были посвящены тому, какие именно факторы делают участие людей в выборах более или менее вероятными, после переосмысления проблемы, осуществленной TRV, этот сравнительно-статистический подход отошел на второй план¹⁴¹. Например, фактор влияния личной заинтересованности на явку был проанализирован Госнеллом и Кемпбел-

¹³⁸ См.: *Green, Shapiro. Pathologies.* P. 44–46.

¹³⁹ *Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions.* P. 87. Тут следует вопреки Чонгу отметить, что вопрос о том, можно ли объединить различные частичные или сегментированные универсалистские подходы, находящие свое применение в различных сферах, в единый теоретический подход, остается в лучшем случае открытым. *Chong. Rational Choice Theory's Mysterious Rivals.* P. 47–48.

¹⁴⁰ *Ferejohn, Satz. Unification, Universalism.* P. 72.

¹⁴¹ См.: *Green, Shapiro. Pathologies.* P. 67–68.

лом, исследовался и такой фактор, как гражданский долг¹⁴². Учитывая тот факт, что как Фереджон и Сатц, так и Фьерина в своей критике нашей работы признают невозможность для ТРВ исследовать эту проблему без переосмысления полученных остальными учеными выводов, возникает вопрос: Олсон и Даунс занимались проблемой или псевдопроблемой?¹⁴³ Фереджон и Сатц правы: разные теоретические рамки задают разное видение проблем, но именно по этой причине приверженность одной единственной теоретической перспективе представляется в высшей степени недальновидным решением. Учитывая невозможность предугадать, какая именно перспектива в будущем покажет наилучший результат, диверсификация своего теоретического портфолио представляется наиболее предусмотрительной стратегией.

Мы не отрицаем: ТРВ полезна в плане постановки исследовательских вопросов и гипотез. Работа с моделью рационального актора вполне может оказаться результативной, но она же может обречь ученого на тщетные усилия, к которым свелась многочислен-

¹⁴² *Gosnell H.F. Getting Out the Vote: An Experiment in the Simulation of Voting. Chicago: University of Chicago Press, 1927. P. 3; Campbell et al. American Voter. P. 99–100; Campbell A., Gurin G., Miller W.E. The Voter Decides. Evanston, IL: Row, Peterson, 1954. P. 199.*

¹⁴³ *Ferejohn J., Satz D. Rational Choice Theory and Folk Psychology. Stanford University: Unpublished working paper, 1994.* Тем не менее Фьерина настаивает: «Каждая эмпирически подкрепленная реакция на Олсона, будь то модификация, обобщение или даже отвержение, представляет собой прогресс, стимулированный его работой. Даже явные проколы, заставляющие людей увидеть проблему в новом свете, оказываются важным эмпирическим вкладом». Данная фраза аналогична суждению о том, что работа Роберта Даля «Кто правит?» есть завершение теории элит. *Fiorina. Rational Choice, Empirical Contributions. P. 91. См.: Dahl R.A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press, 1963 [1961].*

ная литература о явке. Альтернативные подходы к постановке проблем и исследовательских вопросов вполне могут оказаться не менее результативными, поэтому изначально отнюдь не очевидно, какой именно подход будет наиболее плодотворным. Не видим мы ничего предосудительного и в тезисе о том, что проблема — это всегда функция от теоретических установок исследователя. Однако между этим тезисом и подходом, ориентированным на метод, пролегает целая пропасть. То, как исследователь приходит к проблеме, вполне отделимо от того, как он ее исследует. Вне зависимости от пути, который прошел ученый, прежде чем он вышел на интересующую его проблему, проблемно ориентированный подход начинается со следующих трех вопросов: 1) какие подходы уже имеются, в чем их недостатки, если таковые есть; 2) если существующие подходы ущербны, то какие альтернативы способны решить проблему лучше и почему; 3) учитывая, что любое объяснение может оказаться ошибочным, какие именно факты смогут убедить исследователя в том, что его подход действительно лучше. Указанные нами патологии возникают потому, что исследователи, ориентированные на метод, эти вопросы игнорируют. Им они предпочитают другой вопрос: как именно мой подход может описать тот или иной феномен?

Однако отсюда не следует, что теоретизирование по поводу условий, при которых тот или иной вид объяснения оказывается лучше всех остальных, есть пустая трата времени. Но отметим, что подобное теоретизирование само нуждается в эмпирической проверке. Так, например, Фереджон и Сатц полагают, что объяснения TRV работают лучше, если возможности для индивидуального действия строго ограничены¹⁴⁴. В экономике TRV модели описывают поведение фирм лучше, чем поведение потребителей, значит, и в поли-

¹⁴⁴ Satz, Ferejohn. Rational Choice and Social Theory.

тике деятельность партий для ТРВ будет более прозрачна, чем действия избирателей. Это разумное суждение, однако в работе «Патологии» мы указываем, что ТРВ не удалось доказать свою успешность в концептуализации поведения политических партий как таковых, отсюда следует необходимость более четкого ограничения сферы применимости данной модели¹⁴⁵.

И все же Сатц с Фереджоном на правильном пути. Если удастся излечить сегментированный универсализм от патологии произвольного отграничения сфер исследования, тогда ученые, заинтересованные в применимости ТРВ-моделей, смогут начать систематический анализ условий, при которых данные модели будут давать результаты, превышающие результаты любых альтернативных подходов. В этом контексте можно лишь приветствовать попытку Келлей уточнить условия, при которых ученому следует использовать ТРВ. На его взгляд, эти условия таковы: цели очевидны, необходимое знание общедоступно, взаимодействия цикличны, ставки высоки, а акторы получают вознаграждение именно за рациональное поведение¹⁴⁶. Три требования Тейлора — выбор должен быть ограничен, издержки и выгоды ясны, ставки высоки — также представляются нам шагом в верном направлении¹⁴⁷. Наше собственное предложение включает в себе пять условий, которые должны быть соблюдены, чтобы объяснения ТРВ хорошо работали: 1) ставки высоки, а игроки сознательно настроены на оптимизацию своего положения; 2) предпочтения хорошо упорядочены и относительно фиксированы (в свою очередь, это значит, что акторы должны быть или индивидами, или гомогенными корпоративными единицами); 3) акторы видят перед собой четкий перечень опций и крайне ограниченное пространство для стра-

¹⁴⁵ См.: *Green, Shapiro*. Pathologies. Chap. 7.

¹⁴⁶ *Kelley*. The Promise and Limitation. P. 101.

¹⁴⁷ *Taylor*. Battering RAMS. P. 225–258.

тегических инноваций; 4) стратегическая сложность ситуации не является чрезмерной, кроме того, акторы не сильно различаются в своих навыках стратегического мышления; 5) акторы способны на «обратную связь» со средой и на адаптацию своих стратегий к ней. Наше предложение, равно как и предложения Келлей и Тейлора, носит эмпирический характер, оно вытекает из наших размышлений о том, почему модели ТРВ в рассмотренной нами литературе потерпели крах. Возможно, Роберт Лейн прав, полагая, что мы ошиблись с рядом условий; что ж, это способны установить лишь эмпирические исследования¹⁴⁸.

Некоторые критики обвинили нас в том, что мы отрицаем значимость теории. Однако скептицизм в отношении ТРВ говорит об антитеоретическом настрое скептика не больше, чем скептицизм в отношении

¹⁴⁸ Lane. *What Rational Choice Explains*. P. 108. Следует добавить, что даже в тех случаях, когда политические явления отвечают нашим пяти условиям, они могут оказаться настолько сложными, что их будет невозможно понять с помощью формального моделирования. Например, исследуя влияние споров относительно значения тех или иных положений Конституции для успешного перехода от авторитаризма к демократии, Юнг и Шапиро установили, что данная проблема вполне соответствует только что названным пяти критериям. Когда же они обратились за помощью в моделировании к сторонникам теории игр, то единодушным ответом было следующее: число игроков, переменных, ограничений и взаимодействий делает проблему слишком сложной, чтобы ее можно было смоделировать. *Jung C., Shapiro I. South Africa's Negotiated Transition: Democracy, Opposition and the New Constitutional Order // Politics and Society*. 1995. Vol. 23. No. 2. September. P. 269–308. Исследования, ориентированные на проблему, часто сталкиваются с подобными трудностями. Вообще, исследователя, ориентированного на проблему, от исследователя, ориентированного на метод, отличает то, что первый пытается предлагать наиболее правдоподобную концепцию исследуемого явления, тогда как второй занимается только теми проблемами или аспектами проблем, к которым могут быть применимы его методы.

конкретной политической партии позволяет говорить об отрицании политики как таковой. Все ученые поддерживают идею создания более-менее общей теории в социальных науках, однако любое заслуживающее внимания теоретическое начинание должно быть эмпирически состоятельно. Учитывая нынешнее состояние теоретического знания в политической науке, наиболее полезным является то теоретизирование, которое сохраняет свою близость как к данным исследованиям, так и — в квазибайесовском смысле, упомянутом ранее, — к существующему знанию об изучаемом феномене. Это прагматический, а не эпистемологический момент; вопрос о существовании в политике общих обнаруживаемых законов остается здесь открытым. Наша позиция имеет то преимущество, что даже если никаких общих законов не обнаружится или если они окажутся отличными от тех, которые разрабатывают представители TRV, то все равно мы будем иметь прирост нашего эмпирического знания о политике.

Вполне возможно, что дедуктивное моделирование, несмотря на свои нынешние неудачи, все же приведет науку о политике к эмпирическому успеху. В таком случае риск вопреки всем нашим возражениям окажется ненапряженным. Однако не мешало бы заметить: если история политической науки и способна научить нас чему-нибудь, так это тому, что все амбициозные теоретические попытки вне зависимости от их истоков практически всегда оказываются обреченными. Различие же между индуктивными и дедуктивными подходами в том сухом остатке, который у нас остается после того, как гипотезы исследователя показали свою эмпирическую несостоятельность, состоит в следующем: массив информации о политике и знание множества подходов к ее пониманию против алгебраических выкладок, едва ли способных удивить любого хоть мало-мальски стоящего математика.

РУШАЩИЕСЯ МОСТЫ
И САМОИСПОЛНЯЮЩИЕСЯ ПРОРОЧЕСТВА

В «Патологиях» мы никак не комментировали нормативные споры, ведущиеся в рамках ТРВ. Предметом нашего внимания было то, насколько далеко модели ТРВ позволяют продвинуться в понимании политики, а также то, насколько они позволяют улучшить качество эмпирических исследований. В силу того, что сторонники ТРВ порой склонны использовать спорные или безосновательные эмпирические суждения в угоду предписывающим аргументам, мы утверждаем, что наш анализ не лишен нормативной значимости¹⁴⁹. Однако все же мы стараемся избегать нормативных споров, сосредотачивая свое внимание лишь на оценке так называемой позитивной программы ТРВ, причем в ее же собственных понятиях. Тем не менее в критической литературе появились два нормативных соображения, которые вполне заслуживают какого-то комментария с нашей стороны: первое — инженерная концепция социально-научных усилий Ордешука; второе — анализ исследований Роберта Абельсона, касающихся влияния вдохновленной ТРВ экспериментальной работы на исследуемые объекты.

Ордешук обращается к сторонникам ТРВ и призывает их мыслить свою работу по аналогии с работой инженеров. Инженеры, занимающиеся строительством мостов, обычно стремятся к тому, чтобы построить мосты, по качеству превышающие мосты предшественников. Попытка понять, почему данный конкретный мост рухнул в реку, стимулирует разработку методов строительства более качественных мостов, кроме того, появляются критерии для оценки приложенных усилий. Неспособность политической науки «связать практические цели с целями теоретическими и методологическими приводит к путанице в отношении, во-первых,

¹⁴⁹ *Green, Shapiro. Pathologies. P. 11–12.*

феноменов, допускающих теоретическое рассмотрение, во-вторых, различия теории и модели и, наконец, в-третьих, методов, посредством которых мы добиваемся научного прогресса»¹⁵⁰. Ордешук утверждает, что политическая наука должна стать пространством практики, в котором мы «стремимся не просто понимать политические вещи, но еще и оптимизировать политические процессы и институты»¹⁵¹. Исследователи политики пытаются понять, как именно работает демократия, чтобы «сделать ее как можно лучше или — если речь идет об авторитарном государстве — просто способствовать ее установлению. Мы изучаем международные отношения не потому, что нас вдохновляет война, но потому, что мы хотим ее предотвратить»¹⁵².

В принципе, мы разделяем обеспокоенность Ордешука относительно качества применения ТРВ, однако предложенный им ракурс предполагает согласие относительно тех инженерных целей, которые отнюдь не очевидны для того, кто изучает политику. Обычно строители разделяют цели, во имя которых проектируются мосты, пусть даже некоторые игроки на строительном рынке и имеют материальную заинтересованность в том, чтобы эти мосты периодически падали в реку. Ордешук игнорирует факт того, что мотивы исследователей политики сильно разнятся. Некоторые изучают войну не для того, чтобы ее избежать, но для того, чтобы их страна вышла из нее победителем. Кто-то действительно изучает демократию во имя ее стабильности и жизнеспособности. Однако есть и те — в том числе люди, удостоивающиеся похвалы Ордешука за вклад в понимание данного феномена, — кто руководствуется совсем иными соображениями: делегитимизировать демократию и ограничить политическое вмешательство исключительно правами

¹⁵⁰ Ordeshook. *Engineering or Science*. P. 181–182.

¹⁵¹ Ibid. P. 180.

¹⁵² Ibid. P. 180.

собственности и рыночными отношениями¹⁵³. Таким образом, хотя мы и согласны с общей установкой Орदेशука на проблему, а также с его скепсисом относительно того, что однажды в политической науке все же удастся «свести все теоретические „фрагменты“ в один общий теоретический анализ», на наш взгляд, все же сомнительно полагать, будто бы цели исследования в этой сфере столь очевидны, как то предполагает аналогия с инженерными работами¹⁵⁴.

Предложение Орदेशука, подразумевающее инженерную работу методом проб и ошибок с миллионами ничего не подозревающих людей, едва ли будет одобрено комитетами испытуемых большинства университетов. Члены этих комитетов могут проявить обеспокоенность относительно возможных социальных издержек подобных экспериментов, особенно учитывая, что количество надежного знания, полученного благодаря одному или нескольким исследованиям, едва ли будет особо внушительным. Данную обеспокоенность следует наложить на последовательность экспериментальных усилий: корректировка института в реальном мире (в отличие от изменений в лабораторных условиях) практически всегда необратима, изменение же его — и нередко сросшихся с ним элементов окружающей их среды — сохраняется навсегда. Создание эмпирически фундированных теорий среднего уровня как минимум сохраняет возможность научиться чему-либо без необходимости прибегать к методу проб и ошибок или к едва-ли-вообще-возможной универсальной дедуктивной теории.

Нежелание соглашаться с Орदेशуком не обязательно толкает нас на принятие тезиса о том, что научная

¹⁵³ См.: Shapiro. Three Fallacies Concerning Majorities, Minorities, and Democratic Politics // J. Chapman, A. Herzheimer (eds). *Nomos XXXII: Majorities and Minorities*. New York: New York University Press, 1990. P. 79–125.

¹⁵⁴ Ordeshook. *Engineering or Science*. P. 181.

деятельность не оказывает никакого нормативного воздействия. Но мы настаиваем: наука не сможет сделать нормативный выбор за нас. Это суждение особенно актуально в свете рассмотрения Абельсоном того, что может быть названо перформативным измерением ТРВ: в некоторых обстоятельствах участие в исследованиях в духе ТРВ может подтолкнуть человека на поведение, которое, как считают исследователи, было только что открыто¹⁵⁵. Исследования показывают, что склонность к стратегическому поведению возрастает по мере знакомства с основами экономики или же что внедрение избранных стимулов в детские игры может сделать эти игры зависимыми от данных стимулов, чего раньше не было. Перспективы тут достаточно тревожные. Вполне может оказаться, что проблемы начнут возникать там, где прежде их не существовало, просто людям указали на их возможность. То же самое касается манипулирования повесткой или проблемы «безбилетника»: исследователи могут сами способствовать рождению монстра, которого они якобы описывают, указывая и легитимируя в качестве «рациональных» те или иные формы стратегического поведения. Мы не пытаемся ответить на вопрос о том, является ли инструментальное поведение чем-то «плохим» по определению. Это открытый вопрос. Однако он с легкостью исчезает из поля зрения, если до всякого исследования и до всяких результатов постулируется тезис о повсеместности стратегического поведения.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сторонники ТРВ отнюдь не первые, кому в голову пришла идея о том, что лучший способ поставить изучение политики на надежные рельсы науки — это взять

¹⁵⁵ *Abelson R. P. The Secret Existence of Expressive Behavior // Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. Nos. 1–2. Winter / Spring. P. 27–31.*

на вооружение новую парадигму, взгляд, подход или общую теорию. Незадолго до них так же полагали сторонники теории систем, структурные функционалисты, а также марксисты. Вероятность того, что подобные архитектурные усилия однажды принесут свои плоды, сохраняется, однако история целого ряда неудач заставляет нас относиться к происходящему со скепсисом. На наш взгляд, прогресса в политической науке сегодня стоит ожидать от гипотез и обобщений среднего уровня, а вовсе не от больших теорий и парадигмальных нововведений. Энергия, которая сегодня тратится на разработку новых теорий и парадигм, на переложение существующего знания на новый лад, на защиту нововведений от внешних угроз, с гораздо большим успехом может быть потрачена на исследования, ориентированные на проблемы. Еще раз повторяем: наша позиция не является результатом какой-то особой враждебности по отношению к теоретическим усилиям. Скорее, она вытекает из общего прагматического соображения о том, что эмпирически надежные общие теории политики просто не могут возникать никак иначе.

Не противоречит наш настрой и тому междисциплинарному подходу, который столь часто рекламируется вместе с ТВВ. Исследование, ориентированное на проблему, не сковывает себя никакими дисциплинарными границами. Вопрос об использовании в конкретном исследовании инструментов экономики, психологии, социологии или какой-то иной дисциплины — это всегда открытый вопрос, зависящий от характера изучаемой проблемы, а также от прежних попыток ее изучения в рамках тех или иных дисциплин. В отличие от многих наших критиков мы не видим никаких оснований полагать, что экономические модели в иных неэкономических сферах окажутся более успешными, чем, например, модели психологические или социологические. Полагать иначе, значит, маскировать местечковость — если не близорукость — под междис-

циплинарность. Данный факт хотя бы отчасти объясняет причину, по которой то, что представители ТРВ считают широким и междисциплинарным подходом, окружающим представляется обычным интеллектуальным империализмом. Сторонники ТРВ столкнулись бы с меньшим противодействием, дай они удовлетворительный ответ на один простой вопрос: что именно мы узнали благодаря ТРВ? Самый популярный на сегодня ответ дан Дирмайером и его коллегами, суть его состоит в том, что достижения ТРВ будут оценены «со временем». Данный ответ хоть и правдив, но никак не достаточен¹⁵⁶.

¹⁵⁶ *Diermeier*. Rational Choice and the Role of Theory. P. 59.

III. *Праксис* *Ричарда Познера*

В данной главе я преследую четыре цели. Во-первых, я показываю, что внутренняя логика микроэкономической концепции юридической эффективности Ричарда Познера ущербна. Это связано как с самой формулировкой данной концепции, так и с причинами, по которым, как это прекрасно известно специалистам по экономической теории благосостояния и политическим ученым, с проблемами сталкиваются компенсаторные теории эффективности распределения ресурсов. Во-вторых, я доказываю, что в своих работах о федеральных судах, в своем отстаивании эффективности как основы принятия решений по делам, относящимся к сфере общего права, а также в толковании законов в ходе судебной практики Познер прибегает к концепции макроэкономической юридической эффективности, отнюдь не следующей из его микроэкономической теории и оказывающейся попросту несовместимой с ней. В-третьих, на основе анализа его решений как судьи федерального апелляционного суда седьмого округа в период между 1982 и 1987 гг. в двух областях — трудовое право и антимонопольное законодательство — я доказываю, что ему как судье не удавалось следовать ни своей микроэкономической, ни своей макроэкономической концепции эффективности. Я показываю, что при принятии своих решений он — под личиной бесспорной «научной истины» — воплощал спорные и неопределенные экономические теории. Наконец, в-четвертых, я рассматриваю некоторые распределительные и идеологические следствия его деятельности.

МАКСИМИЗАЦИЯ БОГАТСТВА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ: МИКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Прославленное и раскритикованное направление «экономический анализ права» нашло своего наиболее яркого, плодovitого и влиятельного сторонника в лице Ричарда Познера. В течение десятилетий он выступал в поддержку позиции, согласно которой общее право лучше всего толковать в логике теории экономической эффективности¹. «Основная функция права» в рамках такого подхода — это «изменение стимулов» с целью максимизации эффективности производства богатства². Что именно здесь понимается под эффективностью — вопрос, который будет мной рассмотрен в самом ближайшем будущем, начну же я с указания на то, что данную теорию он отстаивает как в ее описательном, так и в нормативном измерении. Наряду с другими интеллектуалами он утверждает, что теория экономической эффективности позволяет объяснить историческую эволюцию общего права США (в сугубо «экономических» отраслях права, например, в антитрестовом и ином регулирующем законодательстве, а также в таких отраслях, как гражданские правонарушения, договора, семейное право, ответственность за качество выпускаемой продукции и так далее), кроме того, он отстаивает и гораздо более спорный тезис о том, что данная теория способна заложить принципы принятия судебных решений по общему праву и в целом ряде отраслей, не относящихся к эконо-

¹ Познер Р. Экономический анализ права / пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004; Posner R. Some Uses and Abuses of Economics in Law // University of Chicago Law Review. 1979. Vol. 46. No. 2. Winter. P. 281.

² Posner R. Economics of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

мике³. В принципе, Познер заявлял о своем агностицизме в вопросе о том, какую часть правовой сферы должен и может регулировать экономический анализ права; по его словам, данный вопрос — сугубо эмпирическая проблема, ее нельзя решать априори, решение нужно искать в практике сторонников направления «экономический анализ права». Но это не мешало ему утверждать, что экономический анализ вполне можно использовать для принятия решений по гражданским правонарушениям, нарушениям в договорных отношениях, в коммерческом праве, в вопросах собственности, в судебных процедурах, в средствах судебной защиты, в уголовном праве, семейном праве, в сфере интеллектуальной собственности, а также нарушениям во всех иных отраслях права, содержащих компоненты общего или «квазиобщего» права, включая антитрестовое законодательство и конституционное право⁴. Кроме того, он утверждает, что экономический анализ должен быть применен и при толковании законов⁵.

³ Например, см.: *Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No. 2. March / April. P. 169; Rubin P. H. Why is the Common Law Efficient? // Journal of Legal Studies. 1977. Vol. 6. No. 1. January. P. 51–63; Priest G. L. The Common Law process and the Selection of Efficient Rules // Journal of Legal Studies. 1977. Vol. 6. No. 1. January. P. 65–82.* Также см.: *Posner. Some Uses and Abuses. P. 281–291* (краткая история движения «право и экономика» с большим количеством цитат).

⁴ «Пределы применимости экономики [в правовом анализе и судебной практике] не могут быть определены априори, для этого нужны усилия ученых, пытающихся применить экономический анализ к доселе неисследованным сферам правовой системы. Можно достичь границ некоей дисциплины, лишь активно расширяя диапазон ее приложения. Рано или поздно будет достигнут предел и экономическая теория перестанет позволять объяснить что-либо. Именно тогда мы и узнаем пределы; пока же о них ничего неизвестно» (*Posner. Some Uses and Abuses. P. 297*).

⁵ *Ibid. P. 296; Posner R. The Federal Courts: Crisis and Reform. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 261–315.*

Между описательной и нормативной концепцией существует явное противоречие: описательный подход подразумевает некий механизм «невидимой руки» — судьи общего права максимизируют эффективность без всякого на то намерения, более того, они даже не подозревают о последствиях своих действий. Максимизация эффективности происходит за счет самого факта применения таких традиционных понятий общего права, как «халатность» в гражданских правонарушениях или «ответственность» в делах о качестве выпускаемой продукции⁶. Более того, Познер даже критикует судей за попытки применить теорию эффективности «напрямую», по его мнению, они не понимают ее и, соответственно, используют не совсем верно. Например, он негативно отнесся к попытке судьи Снида применить экономический анализ в деле «*Union Oil Co. против Оппена*»⁷. Согласно Познеру, судья неправильно истолковал постулаты теории минимизации несчастных случаев и затрат в применении их к фактам предупреждения экологического ущерба⁸. При этом Познер утверждает, что Сниду

⁶ Posner R. A Theory of Negligence // Journal of Legal Studies. 1972. Vol. 1. No. 1. P. 29. Также см.: Calabresi G., Hirschoff J. T. Toward a Test for Strict Liability in Torts // Yale Law Journal. 1972. Vol. 81. No. 1. May. P. 1055–1085.

⁷ 501 F. 2d 558 (9th Cir. 1974).

⁸ Дело Оппена было иском рыбака, чье жизненное пространство, то есть прибрежные воды, были повреждены разливом нефти в 1969 г. близ Санта-Барбары. На кону стоял вопрос: может ли на нефтяные компании, то есть на ответчика, быть наложено обязательство компенсировать тот ущерб, который был нанесен потенциальному бизнесу истца (то есть не закрепленному за ним имуществу)? Судья Снид посчитал, что ответчик несет частичную ответственность, он сослался на теорию Калабреззи о строгой ответственности, согласно которой ущерб должен возмещаться той стороной, которая имела большие шансы не допустить инцидента. Calabresi G. The Costs of Accidents. New Haven: Yale University Press, 1970. P. 145–152. Возражение Позне-

все же удалось вынести «экономически рациональное» решение, пусть даже он «и не был в состоянии выразить его в должных экономических понятиях»⁹. То же самое Познер утверждает и в отношении предшественников Снида из XIX столетия: несмотря на то, что тогда вероятность их способности облечь свои решения в четкие экономические понятия (ведь в то время «существовало еще меньше понимания технических концепций экономики») была еще ничтожней, их мнения все же имели «имплицитный экономический смысл»¹⁰. Если доводить данный аргумент до логического завершения, то получается, что лучший способ обеспечить «экономически рациональный» приговор — это полное игнорирование судьями экономики (по крайней мере, пока у них нет никаких дополнительных теоретических аргументов).

Данный тезис отчасти аналогичен теории судьи Холмса, согласно которой, раз уж принципы исторической эволюции общего права были уяснены, отныне эту эволюцию можно взять в свои руки: используя выявленные нами «научные» принципы, можно продолжать двигаться в том же направлении, но на этот раз куда более эффективно, так как чаемая цель теперь реализуется напрямую¹¹. Хотя Познер нигде не проговаривает данную позицию непосредственно, в ряде мест он в открытую ратует за эффективность как нор-

Окончание сн. 8

ра касалось не результата, к которому пришел судья Снид, он поставил под сомнение тест Калабреззи, равно как и тот факт, что судья вынес свое решение путем интерпретации действий ответчика как халатности; кроме того, Познеру не понравилось то, что он посчитал не имеющим отношения к рассмотрению влияния инцидента на потребительские товары. *Posner. Some Uses and Abuses. P. 298–299.*

⁹ *Posner. Some Uses and Abuses. P. 300–301.*

¹⁰ *Ibid. P. 297–301.*

¹¹ *Holmes O. W. The Common Law. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963. P. 31–33.*

мативную основу при принятии судебных решений. Он также утверждает, что кризис перегруженности федеральных судов может быть решен, если не только судьи, но и законодатели возьмут на вооружение детально проработанную концепцию эффективности¹². Некоторые следствия противоречивости позиции Познера будут мной рассмотрены чуть ниже, сразу после того, как я проанализирую те различные смыслы эффективности, к которым Познер апеллирует в разных контекстах. Прежде всего я собираюсь рассмотреть описательные и нормативные версии микроэкономического тезиса Познера, также я попытаюсь выяснить точный смысл тезиса о том, что общее право является эффективным, кроме того, мной будет проанализировано отношение между данным тезисом и тезисом о том, что оно должно стать таковым.

Так как же правильно интерпретировать тезис о том, что общее право является эффективным? Познер утверждает, что «его гипотеза вовсе не подразумевает, что общее право дублирует функции конкурентных рынков». Скорее, ее суть в том, что «в рамках пределов административной применимости закон позволяет экономической системе приблизиться к тем результатам, которых способна достичь эффективная конкуренция, то есть свободный рынок, не обремененный проблемами внешних воздействий, монополии или недостатка информации»¹³. Общее право способствует эффективности, компенсируя всевозможные рыночные сбои. Именно по этой причине Познер нуждается в более сложной концепции эффективности, чем простой оптимум Парето, так как последний по определению наступает тогда, когда наличествует исправное функционирование нерегулируемых рынков. По сути, концепция микроэкономической эффективности Познера — это некий аналог понятия компенсации, раз-

¹² Например, см.: *Posner. The Federal Courts*. P. 294.

¹³ *Posner. Some Uses and Abuses*. P. 288–289.

работанного Калдором и Хиксом в конце 1930-х — начале 1940-х гг.¹⁴ Свою теорию Познер развивает за счет противопоставления ее классическому утилитаризму и неоклассической системе Парето¹⁵.

Классический утилитаризм, по мнению Познера, сталкивается с тремя сложностями. Во-первых, есть сугубо философские трудности с представлением о том, что единственная ценность, к которой стремятся люди, это удовольствие. Во-вторых, есть проблема «сферы» — внешнее воздействие на окружающих, оказываемое преследованием собственного счастья, а также проблема определения класса существ, полезность которых нуждается в максимизации¹⁶. В-третьих, есть хорошо известные трудности измерения и регулирования принципа полезности: должна ли — и как — польза для одних приноситься в жертву выгодам других, ведь «не существует никакой надежной техники измерения уровня удовлетворенности одного индивида относительно уровня удовлетворенности другого»¹⁷.

Во избежание данных затруднений Познер начинает свой анализ с определения эффективности в понятиях «максимизации богатства», тем самым ему удается уйти от метафизических вопросов о том, что такое счастье. Ведь еще со времен Дж. Э. Мура считается, что метафизические вопросы приводят к порочному

¹⁴ См.: *Little I. A Critique of Welfare Economics*. Oxford: Clarendon Press, 1950. P. 84–128; *Dobb M. H. Welfare Economics and the Economics of Socialism: Towards a Commonsense Critique*. London: Cambridge University Press, 1969. P. 77–118.

¹⁵ См.: *Kronman A. T. Wealth Maximization as a Normative Principle* // *Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9. No. 2. March. P. 227, 236, там излагается тезис, что максимизация богатства аналитически тождественна критерию Калдора-Хикса. Также см.: *Coleman J. L. Efficiency, Utility and Wealth Maximization*. *Hofstra Legal Review*. 1980. Vol. 8. P. 509, 532–534.

¹⁶ *Posner. Economics of Justice*. P. 52–53.

¹⁷ *Ibid.* P. 54.

кругу¹⁸. По сути, этот же ход был имплицитно сделан Иеремией Бентамом, когда он утверждал, что деньги вполне могут выступать эквивалентом полезности, а также что перераспределение богатства всегда должно ограничиваться требованиями «изобилия». Хотя принцип сокращающейся предельной полезности и требует — *ceteris paribus* — нисходящего перераспределения богатства, мы никогда не должны переходить ту черту, за которой это перераспределение начнет оказывать негативное влияние на производство изобилия, так как в долгосрочной перспективе данный процесс приведет к сокращению совокупной полезности¹⁹. Но если для Бентама сохранение изобилия было одним из необходимых условий максимизации полезности, то Познер прямо определяет эффективность как максимизацию богатства, делая тем самым любую привязку к понятию «счастья» сугубо случайной²⁰.

Два других затруднения классического утилитаризма, касающиеся сферы и измерения полезности, куда более серьезны с точки зрения теории юридической эффективности. В истории экономической теории благосостояния обе проблемы были изящно разрешены за счет отвержения шкал кардинальной межличностной полезности, с которыми работал Бентам,

¹⁸ Ibid. P. 51–52; также см.: Posner R. Utilitarianism, Economics and Legal Theory // Journal of Legal Studies. 1979. Vol. 8. No. 1. January. P. 103–140.

¹⁹ Bentham J. The Psychology of Economic Man // W. Stark (ed.). Jeremy Bentham's Economic Writings. London: Allen & Unwin, 1954. P. 439–443. Обратите внимание, что Познер ссылается на принцип совокупной пользы, тогда как принцип Бентама гласит: мы должны стремиться к максимизации большего богатства для большего числа людей. Отсюда следуют разные понимания перераспределения. Позицию Бентама можно прочитывать как максимизацию пользы для большинства или для множества, тогда как «совокупная полезность» Познера в некоторых обстоятельствах оказывается принципом максимизации пользы богатого меньшинства.

²⁰ Posner. Economics of Justice. P. 60–65.

и их замещения концепцией ординальной полезности и теорией выявленного предпочтения, закрепленной в принципе Парето. Для измерения ординальной полезности требуется куда более доступная информация, так как она по определению исключает межличностные сравнения и сосредотачивается лишь на предельных изменениях. Для предсказания поведения актора в его предельных формах вовсе не обязательно знать ни всю палитру его предпочтений, ни их интенсивность. Концепция выявленных предпочтений позволила решить проблему получения этого необходимого минимума информации: ее дает рынок. Исходя из того, что люди совершают лишь те сделки, которые идут им на пользу, все совершившиеся сделки следует, по определению Парето, считать превосходящими, иначе бы они просто не случились, а когда все добровольные сделки свершились — результат по определению должен являться оптимумом Парето. После этого уже не может быть никаких сделок, которые могли бы облагодетельствовать хотя бы одного индивида, никому при этом не навредив. Нет, конечно, вполне возможно, что если мы возьмем немного богатства Петра и передадим его Павлу, то прибавка к богатству Павла будет превышать потери Петра (а значит, общее количество полезности в обществе повысится), но при условии соблюдения принципа Парето нам никогда не узнать, так ли это, ведь функции полезности индивидов не могут быть сравнены. Неоклассические теории экономического благосостояния хранят молчание относительно этих неизмеримых в свете методологии Парето сделок.

Знаменитая теорема Рональда Коуза²¹, сделавшая для взлета направления «экономический анализ права» больше, чем любой другой теоретический акт, подвела фундамент под юридическую аналогию прин-

²¹ Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economy. 1960. Vol. 3. No. 1. P. 1.

ципа Парето. Согласно данной теореме, в отсутствии информационных издержек, эффектов богатства, внешних воздействий и иных препятствий обмену, например «проблемы безбилетника», самой эффективной системой является система, в которой отсутствуют правила ответственности, так как в любой системе люди все равно будут стремиться к сделкам, обеспечивающим в результате оптимальность по Парето.

С точки зрения теории юридической эффективности принцип Парето обладает недостатками двух видов. Во-первых, есть трудность «сферы», то есть проблема того, чью именно полезность следует принимать во внимание. Принцип Парето по умолчанию подразумевает, что мы знаем все стороны любой конкретной сделки. Однако на самом деле такое знание оказывается доступным лишь в самых редких случаях, особенно это касается права, где то, что экономисты полагают «внешними воздействиями» сделок, является как раз предметом спора. Однако Познер несколько иначе формулирует проблему границ классического утилитаризма. Для него проблема заключается в определении того, какие именно существа должны быть приняты во внимание при утилитаристских подсчетах — должны ли в эти подсчеты включаться животные, иностранцы, а может быть даже и инопланетяне —

так как логика утилитаризма ставит перед собой этическую цель максимизации общего счастья во всей вселенной. Ввиду того, что данная цель может быть достигнута лишь путем обречения множества людей на несчастье (тех, кто вынужден будет предоставить кров для всех чужаков, овец и прочих существ), утилитаристы все время выискивают способы очерчивания этой границы. Но, чтобы сделать это, им придется выйти за пределы утилитаризма²².

²² Posner. *Economics of Justice*. P. 52–54.

Познер рассматривает поворот к принципу максимизации богатства как решение данной проблемы: отныне у нас есть критерий для проведения границ. «Животные считаются, но лишь в той степени, в какой они способствуют богатству. Оптимальная популяция овец определяется не размышлениями об их способности к счастью по аналогии с людьми, но пересечением предельного продукта с предельными издержками содержания овец»²³. Что касается иностранцев, то здесь теория максимизации богатства ратует за политику «свободной миграции, не предполагающую государственной поддержки мигрантов, это гарантирует лишь ту миграцию, которая будет способствовать максимизации богатства», так как «никто не станет мигрировать, зная, что его доход будет ниже прожиточного минимума»²⁴.

Не говоря уже про то, что теория Познера игнорирует обстоятельство отъезда мигрантов, приводимые им примеры свидетельствуют, во-первых, о неспособности избежать проблемы границ, обнаруживаемой им в утилитаризме, а во-вторых, о проблематичности его подхода как такового. Его примеры не позволяют решить проблему границ, так как Познер не замечает, что эта проблема есть часть гораздо более общей проблемы человеческого действия. Проблема с животными заключается не в том, что нам больше не нужно размышлять об их счастье, но скорее в том, что у них может быть несколько иное — нам недоступное — представление о том, что такое богатство и его максимизация. Что касается иностранцев, то само определение их в качестве таковых предполагает, что Познер еще только должен установить, ведь индивид вполне может оспорить наше право называть его иностранцем. С точки зрения чистой экономической теории у нас есть не больше оснований считать его иностран-

²³ Posner. *Economics of Justice*. P. 76.

²⁴ Ibid. P. 78.

цем, чем считать таковыми людей из соседнего города; с равным успехом мы сами, с позиции коренных американцев, можем рассматриваться как иностранцы. Во многих случаях проблема границ будет маскироваться как проблема внешних воздействий, например, когда наносится вред собственности индивида или же когда рабочий теряет работу в результате перемещения завода в другое государство, а владелец при этом утверждает, что данные следствия не следует принимать во внимание при оценке его действий. Теория максимизации богатства приводит все к тем же трудностям с определением границ, что и утилитаризм, так как в конечном счете эти проблемы в философии действия являются неразрешимыми.

И все же анализ Познера очень полезен, он четко высвечивает те спорные допущения об эффективности, которые подразумеваются в рамках его концепции. Если максимизация богатства — это ключевой критерий эффективности, тогда теория подталкивает нас к тому, чтобы рассматривать вопросы распределения лишь в той степени, в какой они имеют отношение к максимизации богатства. Как указывает сам Познер, «люди, которые не могут заработать даже на минимально достойный уровень жизни, просто обязаны отказаться от участия в распределении ресурсов до тех пор, пока они не станут частью функции полезности для того, кто обладает богатством»²⁵. Познер рассматривает и отвергает критику, которой Ролз подвергает данное воззрение, Ролз утверждает, что оно отдает людям несправедливое предпочтение в силу таких случайных характеристик, как разумность и слабоумие²⁶. Вме-

²⁵ Ibid. P. 76.

²⁶ Данную позицию Познер суммирует следующим образом: «Если [человек] родится слабоумным, а его совокупный общественный продукт будет негативным, он не будет иметь никаких прав на средства поддержки, даже если не будет ничего предосудительного в его неспособности поддерживать самого себя». Ibid. P. 76.

сто этого Познер пишет следующее: «Рассматривать идиота и изобретателя на равных в том, что касается их нравственных притязаний на распоряжение ценными ресурсами, значит, не принимать всерьез различий между людьми. Любая политика перераспределения ущемляет автономность тех, чье богатство перераспределяется»²⁷. Познер обходит тот факт, что данная процедурная норма может нарушать автономию малоодаренных, с помощью следующего остроумного замечания: хотя это и может оказаться не по нраву «современной чувствительности», но «у нас нет никакой возможности избежать данной нормы, учитывая, что она вполне совместима со всеми основными этическими системами»²⁸. Конечно, это никакой не аргумент, данная ремарка предполагает наличие предпосылок о распределении, которые издавна считались спорными среди специалистов по экономической теории благосостояния.

Важно помнить, что критерий максимизации прибыли Познера, подобно критерию компенсации Калдора, Хикса и Скитовски, задействуется в ситуациях сбоев рынка, когда беспристрастная сторона, например судья (или законодатель в случае экономики благосостояния), должен перераспределить богатство так, чтобы получить в результате оптимум Парето, который по каким-то причинам не достигается в условиях нерегулируемого рынка²⁹. Именно в таких случаях задействуются различные критерии, будь то разные версии критерия компенсации или же критерий максимизации богатства Познера. В основе всего это-

²⁷ Posner. *Economics of Justice*. P. 76.

²⁸ Ibid. P. 76.

²⁹ Два толковых анализа см.: Coleman J. L. *Efficiency, Exchange and Auction: Philosophic Aspects of the Economic Approach to Law* // *California Law Review*. 1980. Vol. 68. No. 2. March. P. 221, 509; Coleman. *Efficiency, Utility and Wealth Maximization*. P. 509.

го лежит логика гипотетической компенсации. Прежние ученые пытались найти пути решения нерешаемых с точки зрения оптимума Парето проблем так, чтобы и здесь получить возможность повысить общее благосостояние. Чисто интуитивно, если между А и В может произойти передача имущества (но это не происходит), благодаря которой А получит больше, чем В потеряет, то вполне оправданно утверждать, что совокупный общественный продукт или совокупное благосостояние повысится. Однако они хотели утверждать все это, не задействуя всю бентамовскую систему основанной на безличностном сравнении кардинальной полезности и ее радикальные следствия для перераспределения. Потребность именно в этом заставила их выдвинуть тезис о том, что если А может компенсировать В его потери и при этом остаться таким же состоятельным, как и ранее, то значит, совокупный продукт увеличится, пусть даже никакой компенсации по факту и не случилось. Но как заметил среди прочих Ян Литтл³⁰, это очень странное представление о благосостоянии, согласно которому если я завладею вашими активами, при условии, что я в принципе имею возможность за них заплатить (но не делаю этого на практике) и остаться не менее состоятельным, то значит, наше общее благосостояние в результате повысится. Однако другое обстоятельство гораздо важнее этого соображения: несмотря на впечатляющую серию теоретических усилий со стороны целого ряда исследователей, начиная с Калдора и Хикса и заканчивая Самуэльсоном, вывести компенсаторную теорию из ординальных предположений, ныне среди специалистов по экономике благо-

³⁰ *Little. A Critique of Welfare Economics. P. 84–116; Fishkin J.S. Tyranny and Legitimacy: A Critique of Political Theories. London: Johns Hopkins University Press, 1979. P. 91–96; Kronman. Wealth Maximization. P. 236–239; Shapiro I. The Evolution of Rights in Liberal Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 169–178.*

состояния сложился консенсус относительно того, что это невозможно и что все гипотетические критерии компенсации имплицитно подразумевают полноценную кардинальную систему³¹.

В контексте того, как Познер применяет критерий Калдора-Хикса, это значит, что принимающая решение третья сторона должна не только сама оценивать, кто в результате ее обязательных решений по перераспределению ресурсов потерпит убыток, а кто получит прибыль, но еще и выработать теорию экономического роста, способную разъяснить, какое именно перераспределение ресурсов позволит действительно максимизировать богатство. Отсюда неминуемо следует, что судья должен перейти от сферы микроэкономической логики к эмпирической теории того, как именно функционирует экономика и как именно максимизируется богатство. Так, например, можно предположить, что судья, разделяющий неоклассические теории инвестиционных стимулов, будет делать все возможное для минимизации выплат по социальному страхованию и компенсаций по безработице в тех делах, которые он будет вести, на том основании, что рост трансфертных платежей будет увеличивать налоговое бремя и минимизировать инвестиции. Судья-кейнсианец, наоборот, будет проводить обратную политику: он будет максимально завышать выплаты, так как перетекание средств от лиц с низкой предельной склонностью к потреблению к лицам с высокой склонностью будет стимулировать спрос, а значит, и производство вместе с совокупным общественным продуктом или богатством. Или, если брать пример Познера, кейнсианская теория будет стимулировать нас на субсидирование иммиграции как средства стимулирова-

³¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1996. С. 527–567. Современное и доступное рассмотрение данных вопросов можно найти в тринадцатой главе, посвященной общему равновесию и экономике благосостояния.

ния спроса, а значит, и максимизации богатства. Другими словами, теория максимизации прибыли Познера не может применяться без использования судьей или иным лицом, принимающим решения, противоречивой и спорной эмпирической теории о том, что же именно позволяет максимизировать прибыль (с вытекающими отсюда ключевыми следствиями для перераспределения); при этом достаточно сложно понять, почему одна такая теория должна предпочитать-ся всем остальным. Я буду доказывать, что Познер популяризирует одну из спорных теорий, соответствующих той структуре перераспределения, которая ему нравится, при этом он представляет данную экономическую теорию принятия судебного решения как «единственно возможную».

Как только становится очевидным, что теория Познера нуждается в полноценной кардинальной системе, то сразу же выясняется — ей не избежать всех тех измерительных проблем, с которыми столкнулся в том числе и классический утилитаризм. Его теории необходима независимая, межличностно сравнимая основа, опираясь на которую беспристрастная третья сторона сможет определить, превышает ли выгода А ущерб, причиненный В в результате навязанной сделки, и если да, то насколько. Сторонники теории компенсации традиционно рассматривали деньги в качестве основной расчетной единицы, однако среди многих сопряженных с этим трудностей можно отметить следующее: деньги не позволяют оценивать компенсацию вне зависимости от влияния на спрос так называемых эффектов богатства и эффектов прибыли. Именно поэтому стандартная критика системы Парето всегда сводилась к тому, что она имплицитно приписывает большую респектабельность сложившемуся положению дел, тем самым снижая вероятность более выгодных и оптимальных исходов. Здесь Познер сталкивается с двойной проблемой: хотя *статус кво*, исходя из предпосылок Парето, и охраняет авто-

номию³², нет никаких оснований ценить этот *статус кво* с точки зрения максимизации богатства. В рамках такой радикально консеквенциалистской этики нет никаких причин уважать право собственности; ведь если государственная собственность на средства производства позволяет максимизировать совокупное богатство, значит, ей должно быть отдано предпочтение.

У Познера нет никакого намерения даже близко солидаризироваться с подобным выводом, он избегает его, демонстрируя свою приверженность эмпирическому тезису о том, что индивидуальные права собственности, распределяемые через рынки как побочный продукт «экономической свободы» и затем сохраняемые благодаря праву, максимизируют богатство общества. С потрясающей самоуверенностью он заявляет, что «свободные рынки при всех реверансах, которые необходимо сделать в адрес справедливости, максимизируют богатство общества» и что «таково почти единодушное мнение экономистов (в том числе и марксистского толка)»³³. Отсюда следует, что система прав частной собственности и свободный рынок, поддерживаемые и оберегаемые в судах, максимизируют богатство наилучшим образом. Как поясняет Познер, «теория прав собственности [как если бы была лишь одна такая теория] — это важная составляющая современной микроэкономической теории. Право соб-

³² На мой взгляд, данная интерпретация Парето не очень правдоподобна. См. мою работу: *Evolution of Rights*. P. 165–178. В ней я рассматриваю данные вопросы в связи с принципом справедливости передачи Нозика. Более полное рассмотрение различных проблем, связанных с трудностями измерения в самых разных вариантах утилитаристской теории, см.: *Шапиро И. Моральные основания политики* / пер. с англ. под ред. В. С. Малахова. М.: КДУ, 2009. Гл. 2–3.

³³ *Posner. Economics of Justice*. P. 67 (в поддержку данного утверждения не приводятся цитаты ни из одного экономиста, будь то Маркс или кто-либо еще).

ственности как в праве, так и в экономике — это право лишать всех прочих прав в использовании некоего дефицитного ресурса»³⁴. С точки зрения экономической теории абсолютные права собственности желательны тогда, «когда издержки добровольных сделок низки»³⁵. Как только эти издержки возрастают, государство все более считает для себя возможным с точки зрения экономики принимать участие в их распределении и перераспределении³⁶. В таких обстоятельствах права должны быть перераспределены государством в соответствии с теорией максимизации богатства, хотя здесь Познер снова не уточняет, какая именно теория должна быть использована. Он просто замечает:

Если транзакционные издержки дают позитивный результат... то тогда принцип максимизации богатства требует изначального наделения правами тех, кто способен использовать их максимальным образом, минимизировав тем самым транзакционные издержки. Именно по этой экономической причине рабочего следует наделить правом продавать свой труд, а женщину — правом определять своего сексуального партнера. Если наделять правами всех незнакомцев, то эти права так или иначе все равно перетекут к рабочим и женщинам (хотя тут нет никакой непреклонной неизбежности): издержки на корректирующие транзакции могут быть сэкономлены, если права с самого начала достанутся тем, кто способен извлечь из них максимальную пользу³⁷.

Данная цитата представляется мне спорной в двух отношениях. Во-первых, Познер никак не поясняет, как же именно определить наиболее эффективное стартовое распределение прав. Во-вторых, он не обращает никакого внимания на тот факт, что наличие

³⁴ Ibid. P. 70.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. P. 71.

ствующее на данный момент времени распределение богатства будет ограничивать способность индивида покупать те вещи, которые он ценит наибольшим образом. В условиях режима, предполагающего, что право выбора сексуального партнера для женщины принадлежит третьему лицу (например, ее отцу), кто может с уверенностью утверждать, что у нее хватит ресурсов приобрести это право? Предположить, что у нее хватит ресурсов, значит, предположить именно то, что Познер, если его теория имеет хоть какой-то смысл, пытается утверждать.

В качестве обобщенной теории истоков прав собственности данное понятие является неполным, так как до существования собственности не было бы ничего, что можно было бы обменять на права³⁸. Позиционировать данную концепцию в качестве обобщенной теории наделения правом собственности, значит, попросту дублировать и обострять то неравенство, которое и так существует в обществе. Познер пытается это отрицать, делая следующее заявление:

Распределение прав в самом начале развития общества едва ли способно предопределить распределение ресурсов много поколений спустя. Допустим, изначально один человек распоряжается всем богатством в обществе. Чтобы воспользоваться своим богатством, ему придется делиться им с другими — платить им, чтобы они на него работали. После его смерти остатки его состояния будут поделены между его детьми и другими наследниками. Так, со временем блага и услуги, производимые и потребляемые в обществе, станут определяться не его предпочтениями, а предпочтениями его работников и наследников. Не исключено, что несколько поколений спустя цены в таком обществе, как рыночные, так и теневые, приблизятся к ценам в обществах, в которых изначально распределение богатства было куда более равным. Если это так, то вскоре изначально рас-

³⁸ *Kronman. Wealth Maximization. P. 240–242.*

пределение богатства прекратит оказывать существенное влияние на совокупное богатство данного общества³⁹.

Это абсолютно надуманное и эмпирически неправдоподобное описание. В условиях рыночных систем богатство склонно скорее концентрироваться. Как бы там ни было, изначальный доминирующий паттерн распределения богатства в обществе напрямую определяет производство и распределение прибавочного богатства.

Когда критики типа Рональда Дворкина утверждают, что возможны и иные ценности помимо максимизации богатства, например соображения распределения, которые должны быть непосредственной заботой закона⁴⁰, для Познера утверждать, что все это придет «автоматически» благодаря рынку после того, как права собственности окажутся распределенными в соответствии с его критериями максимизации богатства, значит, совершать логическую ошибку, подменяя посылку желательным для себя выводом. Собственно, именно это он и делает:

Как только эти права [собственности] (на тело, труд и так далее) окажутся установленными, они будут проданы, одолжены или обменены с целью принесения прибыли своим владельцам. В целом более богатыми будут те, кто обладает наивысшим предельным продуктом, будь то по причине их большего трудолюбия, ума или по любой другой причине. В системе, цель которой — максимизация общественного богатства, распределение богатства, вытекающее из вознаграждения людей в соответствии с их вкладом в реализацию этой цели, вовсе не является произвольным. Однако главное здесь то, что особое распределение богатства есть побочный продукт распределения

³⁹ Posner. *Economics of Justice*. P. 111–112.

⁴⁰ Dworkin R. M. *Is Wealth a Value?* // *Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9. No. 2. March. P. 191, 192–194.

*прав, которое само вытекает из принципа максимизации богатства. Справедливое распределение богатства не нуждается в том, чтобы быть заявленным в качестве цели*⁴¹.

Не говоря уже о том, что Познер так никогда и не удосуживается показать, как именно данная система вознаграждает людей в соответствии с их вкладом (очевидная проблема, актуальная хотя бы в связи с тем, что Познер признает унаследованное богатство⁴²), он попросту вводит нас в заблуждение, называя то, что должно быть максимизировано, богатством «общества». На самом деле максимизируется богатство тех индивидов, которые имеют возможность максимизировать богатство без участия посторонних, помимо их сугубо инструментального использования в процессе достижения своей цели. Когда Познер говорит о максимизации прибыли как производстве избытка, «которым будет наслаждаться каждый из нас»⁴³, он фактически апеллирует к известной каузальной экономической теории, согласно которой для блага бедных деньги нужно отдавать бизнесменам, однако никаких доказательств данной теории он не приводит. Даже в терминах аналитической логики, лежащей в основе системы Парето, нет никаких необходимых причин полагать, что максимизация прибыли одним конкретным индивидом сможет оказать позитивное внешнее воздействие на других⁴⁴. Именно по этой причине — если не считать заверений Познера об обратном — максимизация прибыли никак не мо-

⁴¹ *Posner, Economics of Justice. P. 81.*

⁴² *Ibid. P. 82.*

⁴³ Там же.

⁴⁴ Строго говоря, все, что требуется, это ситуация, при которой ни одна сторона ничего не теряет в сравнении со своими изначальными позициями, то есть в абсолютных понятиях относительное неравенство в расширяющейся экономике может стабильно возрастать.

жет считаться принципом, ведущим к уважению индивидуальной автономии.

Короче говоря, Познер избегает любых вопросов о распределении либо по определению, либо путем использования логического круга в качестве доказательства. Именно поэтому критики, например, Дворкин, Энтони Кронман и Артур Лефф⁴⁵, вполне правы, указывая на то, что максимизация прибыли не может быть единственной ценностью, определяющей судебные решения. В той степени, в какой суд будет реализовывать теорию Познера, он станет реализовывать одну конкретную спорную каузальную теорию того, как именно максимизируется богатство, а значит, принимать любые вытекающие отсюда следствия. Если одним из этих следствий в системе, порождающей башни Трампа, окажется бездомная женщина, живущая в ящике на Центральном вокзале Нью-Йорка, — что ж, пусть будет так; это всего лишь «побочный продукт распределения прав, которое само вытекает из принципа максимизации богатства»⁴⁶. Защита Познером рынка как распределителя прав носит волюнтаристский характер; она никак не вытекает из его допущений, так как он признал наличие транзакционных издержек и влияние эффектов богатства, более того, она непоследовательна как теория об истоках прав собственности, так как в ней изначально постулируется их существование. Что Познер хочет от судей на самом деле, так это подражания или «поддержки» рынка либо того, что, по его мнению, получится благодаря рынку, если бы функционированию рыночных механизмов ничего не мешало. Он полагает, что распределение должно включаться тогда, когда рынок дает сбой. Это теория распределения, которую Познер ни-

⁴⁵ *Dworkin*. Is Wealth a Value? P. 191; *Kronman*. Wealth Maximization; *Leff A.* Economic Analysis of Law: Some Realism about Nominalism // *Virginia Law Review*. 1974. Vol. 60. P. 451.

⁴⁶ *Posner*. Economics of Justice. P. 81.

когда не обосновывает, больше того, он избегает самой необходимости делать это, полагая, что максимизация богатства тех, кто уже его имеет, каким-то образом улучшает «общество», — эмпирический тезис, который никак не подтверждается его теорией и который никогда не проговаривается им эксплицитно.

МАКСИМИЗАЦИЯ БОГАТСТВА КАК СУДЕБНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Какими бы ни были внутренние противоречия микроэкономической логики концепции эффективности как максимизации богатства Познера, примечательно, что как только мы переходим к Познеру как реформатору права и судье, от его микроэкономической теории не остается практически никакого следа. Нет, апелляция к «праву и экономике» не исчезает. В своей лауреатской книге, посвященной кризису перегруженности федеральных судов, Познер утверждает, что суды «могут повысить эффективность своих приговоров по делам общего права, используя простые, но очень действенные инструменты экономического анализа»⁴⁷. Экономический анализ может улучшить работу федеральных судов в двух важных отношениях: во-первых, в отношении законодательной реформы, во-вторых, в отношении расширительной интерпретации природы федеральных судов и их функций как судов общего права.

Экономический анализ и законодательная реформа федеральной судебной системы

Предложения Познера по законодательной реформе судов подаются им в логике теории спроса и предложения. Хотя он и не склонен напроочь отметить влия-

⁴⁷ Posner. The Federal Courts. P. 294.

ние таких экзогенных факторов, как демографические изменения, его основное внимание сосредоточено на изменениях, связанных с подвижками в структуре самой системы, а также на влиянии этих изменений на поведение сторон⁴⁸. Лавинный спрос на услуги федеральных судов, описываемый в таких исчерпывающих деталях⁴⁹, анализируется им с точки зрения теории спроса и предложения на юридические услуги. Рассматривая «услуги федеральной судебной системы как продукт, производство которого, как и во всех иных случаях, определяется законами спроса и предложения»⁵⁰, Познер анализирует востребованность федерального правосудия как обусловленную обоими факторами. Так, например, участвовавшие разбирательства по иску гражданина одного штата к гражданину другого штата при коллизии относящихся к нему правовых норм в этих штатах были вызваны тем, что минимальная сумма в десять тысяч долларов как необходимое требование для такого иска не менялась с 1958 г., подешевев за это время на две трети в своей реальной стоимости по причине инфляции⁵¹. Другие заметные снижения затрат, стимулировавшие спрос, — это все большее смягчение требований состоятельности, обозначенных в третьей статье, речь в ней идет о юридической обоснованности и репутации⁵². Другой важный фактор в снижении «цен на юридические услуги» — это все большая доступность юристов для неимущих истцов и ответчиков, особенно это касается подсудимых; данная ситуация стала совокупным следствием ряда факторов: решений Верховного суда, расширяющих право на консультации во время рассмотрения уголовных дел, финансирования адвока-

⁴⁸ Ibid. P. 59–60, 77.

⁴⁹ Ibid. P. 59–166.

⁵⁰ Ibid. P. 77.

⁵¹ Ibid. P. 78–79.

⁵² Ibid. P. 79.

тов для бедняков за счет средств юридической корпорации, а также для неимущих, судящихся на федеральном уровне, в соответствии с законом «Об уголовном правосудии» 1964 г. «Падение цен на подобные услуги — от чрезмерных до нулевых — для большого числа тяжущихся сторон может быть приравнено к обвалу цен на сами эти услуги»⁵³.

Другими важными факторами в «изменении кривой спроса на федеральные услуги» стало законодательное и судебное закрепление новых федеральных прав, которое шло с 1960-х гг.⁵⁴. Раздел VII Закона о гражданских правах создал много новых противоядий от дискриминации со стороны работодателя, однако куда важнее любого закона стал Верховный суд США времен Уоррена, а также чуть в меньшей степени времен Бюргера, который «посредством широкой интерпретации Билля о правах, пункта о надлежащей правовой процедуре и равной защите законом Четырнадцатой поправки, Хабеас Корпус акта 1867 г., раздела I Закона о гражданских правах 1871 г., а также посредством своего желания увеличивать права частных лиц в рамках федеральных законов и самой Конституции... значительно расширил число прав, на основании нарушения которых может быть начато судебное дело»⁵⁵. По оценкам Познера, данные факторы могут объяснить 75% из 250% роста числа заявок, поданных в федеральный окружной суд между 1960 и 1983 г.⁵⁶ Проблема увеличения случаев обращения в федеральные суды сложна и комплексна, отчасти ее появление связано с растущей неуверенностью в период решительных перемен относительно того, что же такое закон (все это не может не стимулировать количество обращений). Однако очевидно, что вычлененные Познером

⁵³ Posner. The Federal Courts. P. 79.

⁵⁴ Ibid. P. 80.

⁵⁵ Ibid. P. 80–81 (цитаты опущены).

⁵⁶ Ibid. P. 87.

переменные действительно оказали очень большое влияние — особенно это касается апелляций по уголовным делам, число которых с 25% в 1960 г. возросло до почти 95% в 1982 г.⁵⁷

Следствием подобного роста стало соответствующее сокращение качества юридических услуг, так как привычные рыночные механизмы перестали ограничивать спрос. В условиях частного рынка «в краткосрочной перспективе, если производители (по определению) не в силах увеличить свои производственные мощности, цены начинают расти, чтобы заставить спрос сравняться с существующим фиксированным предложением»; в долгосрочной перспективе предложение должно среагировать ростом. Ничего подобного относительно доступа к судам не произошло⁵⁸. Никаких усилий по сдерживанию спроса предпринято не было:

Так никогда в открытую и не проговаривая свою политику, люди, контролирующие федеральную судебную систему (конгрессмены, чиновники исполнительной ветви власти, судьи и работники судов), действовали вполне последовательно в эти годы [1960–1983], как если бы они были совершенно уверены в своей способности удовлетворить рост спроса на федеральные судебные службы без необходимости прямо или косвенно повышать цены на данные услуги в долгосрочной или краткосрочной перспективе⁵⁹.

Даже учитывая очевидную политическую привлекательность такого подхода (все издержки перекладываются с публичных групп интересов на молчаливых налогоплательщиков и будущих истцов и ответчиков), данная политика так никогда и не была последовательно реализована. Число судей федеральных окружных судов удвоилось, тогда как количество поданных ис-

⁵⁷ Ibid. P. 91.

⁵⁸ Ibid. P. 94.

⁵⁹ Ibid. P. 95.

ков утроилось, число судей федеральных апелляционных судов удвоилось, в то время как число заявлений увеличилось в восемь раз. И конечно, число судей Верховного суда осталось без изменения. Неизбежное давление на систему привело к увеличению нагрузки на вспомогательный персонал: на юрисконсультов, управляющих имуществом банкрота, новых федеральных магистратов, вынужденных действовать «наподобие младших окружных судей», «экстернов» (то есть студентов, изучающих право и проходящих обучение по курсу вне стен школ права), а также штатных адвокатов⁶⁰. Политические издержки для законодательной власти, вынужденной увеличивать траты выше определенного уровня (который уже почти достигнут), вместе с относительно фиксированной структурой высших институциональных эшелонов федеральной системы делают снижение качества практически неизбежным результатом⁶¹. Согласно Познеру, единственное верное направление реформ — это сокращение спроса на федеральные судебные услуги⁶². Данная реформа может включать в себя «повышение планки» — увеличение пошлин, увеличение минимальной суммы, достаточной для возбуждения дел по иску гражданина одного штата к гражданину другого штата, а также перенесение данного требования и на другие дела, требование к проигравшей стороне в судебном процессе по гражданскому делу выплатить победителю издержки с целью сокращения затрат налогоплательщика, «субсидирующего» подобные судебные процессы⁶³. Кроме того, Конгресс вполне может ограничить или даже отменить пресловутые дела, обусловленные коллизиями правовых норм разных штатов⁶⁴,

⁶⁰ Posner. The Federal Courts. P. 97.

⁶¹ Ibid. P. 130–131.

⁶² Ibid. P. 95–96.

⁶³ Ibid. P. 131–132.

⁶⁴ Ibid. P. 139–146.

а также создать новые ярусы административного надзора в рамках исполнительной власти⁶⁵. Данные шаги позволят сократить спрос и облегчить нагрузку судов штата, которые просто не могут никому отказать, так как Конституция обязывает их прислушиваться к требованиям, идущим с федерального уровня⁶⁶.

Допустим на мгновение, что рисуемая Познером картина перегрузки федерального правосудия в общих чертах верна. Несмотря на то, что ясное понимание издержек создания и поддержания цивилизованной федеральной правовой системы весьма полезно, имплицитная теория эффективности, лежащая в основе рекомендаций Познера, не выдерживает никакой критики. В чем суть данной теории? В чем смысл увеличения нагрузки на суды с точки зрения законодательной реформы? Данные вопросы сначала будут рассмотрены мной с позиций экономического анализа Познера, затем я собираюсь критически оценить сами понятия данного анализа.

С точки зрения модели спроса/предложения Познера нет никаких особых причин, препятствующих расширению системы в будущем. Тот факт, что спрос на предмет потребления увеличивается по причине снижения его цены, никоим образом не обособляет то, что Познер называет «федеральными судебными услугами», от всех прочих предметов потребления. Считать иначе, значит, вставать на позиции теории «естественных цен», которая была популярна у классических экономистов от Петти до Рикардо. Эту теорию представители неоклассической экономики отрицали на уровне аксиомы. Согласно классическому воззре-

⁶⁵ Ibid. P. 160–162. Познер также рассматривает перспективу создания большего числа специализированных судов (особенно в таких технических сферах, как антитрестовое законодательство и второй уровень пересмотра дел в Верховном суде), однако тут у него нет однозначной уверенности. Ibid. P. 147–160, 162–166.

⁶⁶ Ibid. P. 133.

нию, тогда как спрос и предложение вполне могут оказывать краткосрочное влияние на цены, в долгосрочной перспективе они определяют выпуск продукции; рыночные цены будут всегда колебаться вокруг «естественных» цен, которые для Петти, Смита, Рикардо и Маркса определяются трудом или издержками рабочего времени⁶⁷.

Маржиналистская концепция долговременной равновесной цены, на которой была основана неоклассическая экономика, полностью порвала с понятием естественной цены, объясняя изменения цен через единственный фактор — взаимодействие спроса и предложения. С позиций данной теории нет никакого смысла утверждать, что спрос излишне велик и что он должен быть снижен государством. Если право обращения в суд — это товар, который поставляется государством как естественной монополией, а подобное допущение просто необходимо, чтобы логика Познера имела смысл⁶⁸, тогда предложение юридических услуг должно расшириться в ответ на расширение спроса, пусть даже это расширение отчасти есть следствие предшествовавшего роста предложения. И тот факт, что политики больше не желают финансировать это расширение, вовсе не является показателем того, что были достигнуты объективные лимиты на предложение. Тезис про достигнутые лимиты не очень-то правдоподобен с эмпирической точки зрения, учитывая то обстоятельство, что в США уро-

⁶⁷ Данные мыслители сильно расходятся друг с другом в плане того, как следует вести эти расчеты. См.: *Dobb M. H. Theories of Value and Distribution Since Adam Smith*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

⁶⁸ До тех пор пока принуждение не будет рассматриваться как естественная монополия, развивающаяся из взаимных «защитных агентств», призванных защитить индивидуальные права, логика эффективности не сможет оправдать существование ни одной правовой системы. См.: *Нозик Р. Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 144–146.

вень налогообложения ниже, чем почти во всех капиталистических странах, и что федеральные траты США в пропорции от ВВП также сравнительно низки⁶⁹. Скорее, верно следующее объяснение: либо есть какой-то рыночный сбой, не позволяющий предложению адекватно среагировать на изменения спроса, либо, что более вероятно, эффективный спрос вполне удовлетворяется, по крайней мере в краткосрочной перспективе за счет большего числа услуг более низкого качества. Если рассматривать экономическую модель Познера всерьез, тогда ни о каком объективном качестве услуг и речи быть «не должно». Если спрос на услуги выше, чем желание финансировать их из своих налогов, тогда снижение качества — просто неизбежный результат. Ну и что? Пусть даже Познеру, несмотря ни на что, все же удастся обосновать тезис об объективном качестве услуги, противостояние повышению налогов, необходимому для финансирования данных услуг на новом витке роста спроса, вовсе не будет доказательством того, что были достигнуты некие объективные лимиты спроса. В равной степени это может означать существование проблемы «безбилетника», то есть людей, желающих пользоваться благами услуг более высокого качества, но не желающих оплачивать свою долю участия. В таком случае не будет никаких оснований требовать от государства либо ограничить спрос, либо направить усилия на увеличение налогообложения с целью покрыть востребованные юридические услуги. Перед лицом данного сбоя рынка именно концепция потребительской суверенности будет определять политику государства.

Очевидно, что взятая сама по себе экономическая модель Познера вполне согласуется с постоянным

⁶⁹ *Cameron D.R. Does Government Cause Inflation? Taxes, Spending and Deficits // L.N.Lindberg, C.S.Maier (eds). The Politics of Inflation and Economic Stagnation: Theoretical Approaches and International Case Studies. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1985. P. 224–279.*

возрастанием спроса и предложения. Если довести рыночную метафору до ее логического завершения, то все кончится предложением рассматривать рост «судебной производительности» как показатель «макроюридического здоровья». Это безусловный абсурд; тут вспоминается психолог, однажды заметивший, что в лучшем из всех возможных миров каждый будет находиться в процессе постоянной терапии. Однако причина абсурдности весьма поучительна: никакая экономическая теория эффективности не может заменить политические решения, касающиеся тех целей, ради которых, собственно, и существует правовая система. Как только эти политические решения приняты, экономическое мышление может оказаться полезным: оно может показать, какая именно политика является наиболее эффективной, а также уведомить нас о необходимых издержках, которые придется учитывать в процессе обеспечения узаконенных прав. Но все это второстепенно. Сама по себе экономическая теория не в силах рассказать нам о том, какое именно количество прав необходимо и какое именно качество их предоставления считать приемлемым; чтобы данная модель имела хоть какой-то смысл в своей же собственной логике, все подобные вопросы должны считаться чем-то экзогенным по отношению к ней.

Если вышеприведенные размышления верны, тогда ключевой вопрос заключается в том, как именно следует подходить к *решению* данных проблем. Традиционный ответ с позиций публичного права, суть которого в том, что решение достигается путем комбинированных действий политических ветвей власти и судебского корпуса, занятого в созидании общего права, получает компетентное одобрение со стороны Познера. Однако этот традиционный ответ оказывается проинтерпретирован им по-новому с целью сделать акцент на экономической теории. Его концепция создания общего права будет разобрана мной чуть позд-

нее; пока же я сосредоточусь на анализе его видения легитимности действий политических ветвей власти.

Ключевая проблема, касающаяся действий законодательной власти, согласно Познеру, должна заключаться в выяснении следующего: в каком именно смысле можно утверждать, что она функционирует в интересах общества? С точки зрения его экономической теории существование государства нуждается в объяснении, особенно в контексте эффекта экономии от масштаба и рыночных сбоев. В его концепции нет места тезису о том, что государственный сектор имеет какие-то свои присущие ему достоинства и ценности или же что у него есть своя собственная историческая родословная, независимая от частного сектора; логика любого права — это прежде всего логика частного права. Хотя и можно утверждать, что некоторые законы основаны на апелляции к «общественному мнению», которое «не так-то просто обосновать с привычных экономических или утилитаристских позиций»⁷⁰, Познер все же полагает, что его экономическая теория способна объяснить две основные функции законодательской деятельности, имеющие отношение к рыночным сбоям и последствиям политики групп интересов. Относительно первой он замечает, что «наиболее древним направлением» в теории законодательной деятельности является концепция «общественного интереса»:

Данная концепция, исчерпывающе представленная в сочинениях таких экономистов, как Бомол и Пижу, а также в традиционной позиции юристов, согласно которой законодательная деятельность призвана защищать «общественный интерес», имплицитно понимаемый в утилитаристских понятиях, гласит, что как идеальное, так и по большей части реальное функционирование законодательной власти связано с увеличением экономического благосостояния пу-

⁷⁰ *Posner. The Federal Courts. P. 266.*

тем корректирования «рыночных сбоев», например, преступлений или загрязнения окружающей среды⁷¹.

Если забыть на время, что идея закона, действующего в интересах общества, в англо-американской правовой теории и практике на целые столетия древнее не только утилитаризма, но и экономики благосостояния и что на протяжении большей части своей истории законодательная деятельность имела лишь самое косвенное отношение к утилитаристским целям, совершенно очевидно, что компонент «общественного интереса» в концепции законодательной деятельности Познера связан по большей части — если не исключительно — с проблемами рыночных сбоев: «эффект безбилетника» и экономия от масштаба — вот настоящее обоснование. Кроме того, Познер находится под явным впечатлением от теории групп интересов в законодательной деятельности, а также от более недавних теорий взаимных услуг и торжества в законодательных спорах небольших могущественных групп, нацеленных на какое-то одно-единственное требование. В таких условиях законодательная деятельность оказывается «подвержена систематическим искажениям в ущерб общественным интересам, она облегчает перераспределение богатства от больших групп к малым»⁷². Подобно Холмсу, Познер не считает перераспределение богатства от больших групп к малым недостатком законодательной деятельности⁷³. Хо-

⁷¹ Posner. The Federal Courts. P. 262 (цитаты опущены).

⁷² Ibid. P. 264.

⁷³ Холмс полагал, что «более могущественные интересы должны получить более или менее полное отражение в законодательстве, которое, подобно любому другому атрибуту человека или зверя, в конечном счете способствует выживанию наиболее пригодного... Мало говорить о том, что законодательство потворствует одному классу в ущерб другому; большая часть законодательных актов делает это... Дело в том, что законодательство... создано как средство, посредством которого тело, обладающее властью, перекла-

тя полноценная теория законодательной деятельности и должна включать в себя концепцию как «общественного интереса» (в том смысле, как его понимает Познер), так и групп интересов, с точки зрения Познера анализ последней свидетельствует, что конвенциональная теория толкования законов, оперирующая понятиями законодательного намерения, нередко оказывается в высшей степени обманчивой. «У судов нет достаточных механизмов, чтобы выявлять мотивы, лежащие в основе законодательных решений. Не могут они допускать и наличие групп интересов, притаившихся где-то за сценой»⁷⁴. В одних случаях деятельность групп интересов действительно значима, и суды оказываются перед необходимостью иметь дело с законом, который несет на себе отпечаток их влияния; в других — никаких групп интересов нет. Лишь в последнем случае «реальные и заявленные цели» законодательной деятельности совпадают⁷⁵. Однако это достаточно редкая ситуация, здесь законодательная власть действительно выправляет тот или иной рыночный сбой; Познер не признает никакой концепции общественного интереса помимо этой.

Переплетение в законодательной деятельности общественного интереса с волей небольших групп интересов в результате дает законодательные акты, крайне проблематичные с точки зрения теории юридических услуг Познера, основанной на теории спроса и предложения. В той степени, в какой законодательные акты являются следствием столкновения групп интересов, стремящихся к достижению своих целей, а также учитывая, что

дывает бремя, с которым оно не согласно, на плечи некоего другого тела». *Holmes O. W. Herbert Spencer: Legislation and Empiricism* // H. C. Shriver (ed.). *Justice Oliver Wendell Holmes: His Book Notices and Uncollected Letters and Papers*. New York: Central Book Co., 1936. P. 104, 107–109; цит. по: *Ibid.* P. 264.

⁷⁴ *Ibid.* P. 267.

⁷⁵ *Ibid.* P. 267–268.

Познер вполне серьезно относится к своим неохолмсовским утверждениям, согласно которым в подобных столкновениях нет ничего предосудительного, у него нет никаких оснований полагать, что права, возникающие в результате подобной законодательной деятельности, например, седьмой раздел Закона о гражданских правах, порождают «чрезмерный спрос» на юридические услуги. В этой войне всех против всех подобающий уровень спроса — это то, что получается в качестве побочного продукта функционирования политического процесса. Напротив, в той степени, в какой закон действует во имя общественного интереса, который, в свою очередь, понимается как исправление рыночных сбоев и их судебных аналогов, очень трудно понять, как модель спроса и предложения может иметь хоть какую-то значимость, ведь мы по определению имеем дело с обстоятельствами, в которых рыночные механизмы дали сбой. Как было мной указано выше, в подобных обстоятельствах нет никакой особой причины полагать, будто бы ограничение спроса представляет собой подходящий политический ответ со стороны законодательных институтов или судов; более того, есть вполне серьезные основания утверждать, что это не так.

Толкование закона и эффективные судебные решения

Концепция толкования закона Познера есть часть его более общей теории развития общего права. В своих «макросудебных» проявлениях данная теория опирается на две предпосылки: федеральное общее право гораздо более обширно, чем принято считать; структура и эволюция общего права прекрасно иллюстрируют его микроэкономическую теорию максимизации богатства, о которой речь шла выше. Сквозь призму данных двух предпосылок Познер осмысляет процесс формирования общего права и толкование законов.

По крайней мере часть первой предпосылки не кажется противоречивой по меркам сегодняшнего дня.

Со времен конструктивной критики правового позитивизма, осуществленной Рональдом Дворкиным⁷⁶, теоретикам права приходится мириться с тем фактом, что как законы, так и прецеденты нередко оказываются неясными, требующими для обретения четкого значимого смысла того или иного альтернативного юридического толкования. Существуют разные мнения относительно диапазона интерпретативных возможностей допустимых расхождений между разными интерпретациями и их согласования друг с другом, но никто не может всерьез отрицать сам факт наличия этих расхождений. По мнению Познера, эти расхождения должны скрепляться общим правом, если же речь идет о федеральной системе, то федеральным общим правом. Последнее понимается достаточно широко:

[Не как] отрасль, ограниченная компетенцией королевских судов Вестминстера в XVIII веке (примерный смысл, который понятие «общее право» имеет в Седьмой поправке, а также в Законе о судостроительстве 1789 г.), но как отрасль, охватывающая все пространство, которое формируется судьями, а не законодателями. Таким образом, общее право среди прочего включает в себя морское законодательство, право справедливости, современное федеральное гражданско-процессуальное право (правила которого были сформулированы под непосредственным контролем судей Верховного суда), а также гражданские правонарушения, договора, право собственности, антитрестовое законодательство, будущее право, посредничество, средства судебной защиты, а также львиную долю уголовного права и связанных с ним процедур... Многие на первый взгляд статутарные и конституционные отрасли на самом деле относятся именно к общему праву⁷⁷.

⁷⁶ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004.

⁷⁷ Posner. The Federal Courts. P. 294.

Познер не желает расширять полномочия судебных решений по общему праву. Он критически относится к предложению Калабреззи, который хочет предоставить судам общей юрисдикции право объявлять законодательные акты устаревшими. На взгляд Познера, это будет судебской узурпацией власти законодателей⁷⁸. Однако Познер полон решимости сохранить за общим правом его сферу влияния, он желает защитить его от замещения растущим статутным правом, а также сделать его более сильным и эффективным.

По мнению Познера, как только суды оглашают свои мнения, они неминуемо начинают творить закон. Происходит это по трем причинам. Во-первых, общее право возникает в силу обусловленного историческими обстоятельствами умолчания. Вплоть до середины XIX века английские и американские законодатели занимались прежде всего мерами, направленными на извлечение доходов от налогов, а также на осуществление местного управления, поэтому формулирование общих правил поведения, регулирование вопросов безопасности и здравоохранения, торговли и коммерции, занятости, наследования и внутреннего правопорядка возлагались на плечи творимого судьейми закона, то есть «общего права» в познеровском нетехническом понимании данного понятия. Весь массив прецедентов общего права после Американской революции не претерпел практически никаких изменений, само его существование означает, что нет практически ни одного действия, которое может совершить суд без того, чтобы не вспомнить, переутвердить или развить тот или иной его аспект⁷⁹.

Вторая причина неизбежного сохранения общего права «в нынешний век статутов» обусловлена необ-

⁷⁸ Calabresi G. A Common Law for the Age of Statutes. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. P. 34, 38; цит. по: Posner. The Federal Courts. P. 290–292.

⁷⁹ Posner. The Federal Courts. P. 4–5, 298–314.

ходимостью учета особых обстоятельств при принятии юридических решений. Законодатели обычно рассуждают в общих понятиях, не имея никакого представления о тех конкретных фактах, сквозь которые будут преломлены их правила. «У судьи есть преимущество — он видит правило в действии, соответственно, он может иметь дело с проблемами, применения которых законодатель просто не мог предвидеть»⁸⁰. Это значит, что там, где наблюдается «пересечение» законов, судья может и должен «прояснить правило, чтобы сделать его более соответствующим целям законодателя»⁸¹. Процесс прояснения непосредственно связан с общим правом.

Третья причина устойчивости общего права носит структурный характер, вполне в духе предложения Калабреззи она касается различий в устройстве судов и законодательных институтов. Законодательные институты — это «крупные, представительные органы, избираемые через определенные промежутки времени на альтернативной основе»⁸². Как таковые они нередко «неполноценны для эффективного рассмотрения технических вопросов, не говоря уже о врожденной им ограниченности предвидения»⁸³. Сам «процесс поиска компромисса в условиях разнородных, расколотых фракций приводит к неясным и нередко несогласованным решениям»⁸⁴. Познер следующим образом описывает различия законодательного и судебного законотворчества:

Встроенные недостатки законодательной деятельности — недостатки, призванные урезать власть законодателей, снизить вероятность принятия зако-

⁸⁰ Ibid. P. 5.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid.

нов, не имеющих реальной поддержки в обществе, повысить стабильность уже принятого законодательства, — делают для законодателя затруднительным процесс отмены или пересмотра неправильно понятого или плохо продуманного закона. Напротив, судьи действуют в менее политизированной и (до недавних пор) менее лихорадочной атмосфере, позволяющей им осуществлять беспристрастную доработку неполноценных плодов законодательных процедур⁸⁵.

Помимо подобного общего права в его широком понимании есть еще и обширные отрасли права, которые Познер обозначает как «квазиобщее право», так как они «требуют того типа баланса утилитаристских ценностей, доходов и издержек, который помещает экономику в самый центр сферы действия права». Таким образом, Познер связывает понятие «общее право» не только с «правом, творимым судьями, но также с правом, в котором доминируют утилитаристские или экономические понятия ценностей максимизации эффективности»⁸⁶. Сюда входят как минимум элементы антитрестового законодательства, интеллектуальная собственность, выбор правовой нормы, процедуры, средства судебной защиты, юрисдикция, конституционное право, а также закон об адвокатских гонорарах⁸⁷.

Учитывая столь широкое понимание общего права и его применения, Познер пытается сделать федеральные суды более эффективными посредством использования «некоторых простых, но очень мощных инструментов экономического анализа»⁸⁸. Однако уловить последовательную экономическую логику в основе рекомендаций Познера достаточно трудно. С одной стороны, в самом начале рассмотрения

⁸⁵ *Posner. The Federal Courts.* P. 290–292.

⁸⁶ *Ibid.* P. 301.

⁸⁷ *Ibid.* P. 296; также см.: *Ibid.* P. 300–314.

⁸⁸ *Ibid.* P. 294.

судебных решений, относящихся к практике общего права в федеральных апелляционных судах, Познер вновь акцентирует внимание на своей описательной теории микроюридической эффективности, основанной на принципе невидимой руки, то есть «теории эффективности» общего права или идее о том, что его эволюция «вытекает из озабоченности, чаще интуитивной, чем эксплицитной, императивом по развитию экономической эффективности»⁸⁹. С другой стороны, в целом ряде отраслей Познер вовсе не выступает в поддержку консервативного традиционалистского подхода к общему праву, чего можно было ожидать исходя из его размышлений. Наиболее очевидный пример этого — его анализ правил толкования законов и законотворчества.

Познер отнюдь не относит себя к безоговорочным сторонникам ограничения судебной власти; он разделяет данное положение лишь в той степени, в какой оно обозначает уважение принципа разделения властей⁹⁰. Но при этом Познер уверен, что эти ограничения иногда должны уступать некоторым правилам принятия судебных решений⁹¹. Подобные ограничения не могут «определять хорошее судейство»⁹². Значим целый ряд иных факторов: хорошее правовое исследование и логический анализ, «чувство справедливости, знание мира, ясный стиль изложения, здравый смысл, открытость ко взглядам коллег, интеллект, беспристрастность, реализм, трудолюбие, предвидение, скромность, искусство компромисса, преданность разуму и стремление избегать решений, „ориентированных на результат“»⁹³. Под «ориентированными на результат» решениями Познер имеет в виду, в частности,

⁸⁹ Ibid. (цитаты опущены).

⁹⁰ Ibid. P. 207–220.

⁹¹ Ibid. P. 220–222.

⁹² Ibid. P. 220.

⁹³ Ibid.

подход Тушнета, утверждавшего, что судья в своих решениях должен работать на определенную политическую или идеологическую повестку⁹⁴.

Хотя Познер и считает, «что индивидуальные политические предпочтения или ценности судьи будут [всегда] влиять на судебный процесс»⁹⁵, он все же уверен — принципиальные решения невозможно спутать с решениями, ориентированными на результат: «Решение является принципиальным тогда и только тогда, когда обоснование данного решения может быть исчерпывающе изложено судьей так, чтобы за этим не последовало его практически единодушное осуждение профессиональным сообществом»⁹⁶. Например, хотя дело «*Браун против Комитета по вопросам образования*»⁹⁷ и закончилось «активистским» решением, данное решение в дихотомии Познера следует отнести скорее к принципиальным, чем к ориентированным на результат⁹⁸. Таким образом, в позиции Познера есть глубоко сидящий консерватизм: он ограничивает ценности, которым позволено влиять на толкование закона, до тех, которые не сильно разнятся с теми, что господствуют в существующем юридическом сообществе. Так, например, хотя на решения Холмса и влияли его социал-дарвинистские убеждения, наша оценка его как судьи не должна зависеть от нашего отношения к социал-дарвинизму. Мы можем упрекнуть его, лишь если мы считаем его взгляды «ребячески-ми, порочными, идиосинкразическими или фанатичными в том смысле, в каком, например, таковым было его принятие демократической или республиканской

⁹⁴ Tushnet M. The Dilemmas of Liberal Constitutionalism // Ohio State Law Journal. 1981. Vol. 42. P. 411, 424; Posner. The Federal Courts. P. 218–219.

⁹⁵ Posner. The Federal Courts. P. 218.

⁹⁶ Ibid. P. 205.

⁹⁷ 347 U.S. 483 (1954).

⁹⁸ Posner. The Federal Courts. P. 220.

политической платформы 1900 г. в качестве собственного юридического путеводителя. В этом случае мы можем сказать, что его решения утратили принципиальность»⁹⁹, они превратились в ориентированные на результат. Хотя «волевой элемент, элемент политических предпочтений и неискореним в американском судебном процессе»,

судья-волютарист, судья, который делает свою волю главным элементом процесса принятия решений, является отпетым негодяем. Кроме того, некоторые предпочтения могут быть слишком личными, чтобы являться легитимной составляющей юридического процесса. Одно дело, когда судья выражает одну из великих идей своего времени, но при этом признает, что она вряд ли нуждается — а в нашем обществе такое почти невозможно — во всеобщем одобрении. Но совсем другое дело, когда это какая-то личная идея, тогда данной идее не место в судебном процессе, в противном случае закон станет излишне причудливым и непредсказуемым¹⁰⁰.

Не говоря уже о сложности определения того, существует ли вообще консенсус относительно «больших идей», о котором говорит Познер, есть еще и прочие трудности, связанные, например, с вычленением критериев данного мнимого согласия. Кроме того, возникает вопрос: кто именно уполномочен фиксировать консенсус и почему ценности большинства должны определять толкования судей, которые как раз и призваны (как минимум часть из них) охранять ценности и права меньшинства? Так что конкретная специфика интерпретации и толкования законов так и остается непроясненной. Именно в тот момент, когда Познер пытается решить данные вопросы, он и подрывает свою собственную теорию «микроюридической» эффективности.

⁹⁹ Ibid. P. 221–222.

¹⁰⁰ Ibid. P. 222.

Возьмите, например, анализ норм толкования, проведенный Познером. Под нормами толкования он имеет в виду «перечень древних максим интерпретации, собранных в таких работах, как „Нормы толкования“ Сатерленда, и часто используемых как федеральными судьями, так и судьями штатов при рассмотрении вопросов, связанных с нормами толкования»¹⁰¹. Вне зависимости от того, относятся ли эти максимы к общему праву в техническом смысле, они, безусловно, являются его частью в том широком смысле понятия «общее право», которым пользуется Познер. При этом он настаивает, что «реалистическое понимание законодательной деятельности» оказывает «разрушительное воздействие на нормы толкования»¹⁰². Познер не готов вслед за Ллевелином повторить, что каждую норму можно переформулировать так, что найдется норма прямо ей противоположная¹⁰³, однако он уверен, что «за редкими исключениями нормы не имеют никакой ценности даже как указательные столбы или опровержимые презумпции по той простой причине, что они целиком покоятся на нереалистических представлениях о процессе законодательства»¹⁰⁴. Например, правило ясного смысла, требующее, чтобы толкование начиналось со слов соответствующего закона, представляет собой неадекватное описание того, что обычно делают судьи; они начинают с «некоторой концепции сути дела», а также с прецедентного права, при этом они «могут так никогда и не вернуться к языку законодательного акта»¹⁰⁵.

Вторая норма, гласящая, что «закон, предоставляющий средство судебной защиты, следует толковать

¹⁰¹ *Posner. The Federal Courts.* P. 276 (цитаты опущены).

¹⁰² *Ibid.* P. 276.

¹⁰³ *Llewellyn K. The Common Law Tradition: Deciding Appeals.* Boston: Little, Brown, 1960. P. 521–535; *Posner. The Federal Courts.* P. 276.

¹⁰⁴ *Posner. The Federal Courts.* P. 277.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 278.

широко»¹⁰⁶, является ущербной, так как ее разумное обоснование покоится на предпосылках о законодательном процессе, которые в свете сегодняшнего дня могут быть названы ложными. Идея о том, что закон, предоставляющий средство судебной защиты, следует толковать широко, вытекает из допущения о том, что законодательные органы пытаются искоренить некоторый порок, поэтому они естественным образом желают, чтобы толкование закона делало его более, а не менее действенным. Однако, как сообщает нам Познер, научные исследования конкретной практики законодательных органов научили нас, что закон едва ли опирается на консенсус, скорее, он становится результатом компромиссов и «взаимных услуг». Если закон, предоставляющий средство судебной защиты, является результатом «компромисса одной группы законодателей, которая ставит перед собой простую цель предоставления судебной защиты, но при этом не может набрать необходимого большинства, и другой группы, которая имеет свое особое видение данной цели, то судебное толкование, направленное на самое широкое прочтение нормы, попросту нарушит тот компромисс, который должен был воплощать данный закон»¹⁰⁷. Никакие последующие разъяснения законодателей не способны решить данную проблему, так как «одобрить нынешние предпочтения законодателей, значит, поставить под угрозу дело прежних законодателей. Есть риск частично или целиком аннулировать законодательство, минуя установленный конституцией порядок аннулирования закона»¹⁰⁸.

Третья нереалистическая норма толкования гласит, что суды должны придавать особое значение толкованиям закона, предлагаемым теми административными органами, которые применяют и охраняют данный

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid. P. 278–279.

¹⁰⁸ Ibid. P. 279.

закон. Нет никаких оснований полагать, что члены данных органов, назначенные через много лет после принятия закона, будут выказывать особую преданность изначальному намерению законодателей, скорее, они будут склонны благоволить текущей политике администрации президента или Конгресса¹⁰⁹.

Другие примеры, в частности, норма о том, что ни одно слово закона не должно быть упущено и что следует избегать аннулирования закона через умозаключение, также покоятся на нереалистических предпосылках о «всезнании» Конгресса. По сути, Познер хочет сказать, что слова в законах подобраны «наугад», что в них используются двусмысленные слова с целью достижения компромиссов и что законодательные акты нередко принимаются без должного знания об их влиянии на существующее законодательство¹¹⁰. То же самое верно и в отношении нормы *expressio unius est exclusio alterius*¹¹¹, а также правила о том, что возобновление старого закона без его изменения, закона, который суды толковали определенным образом, есть свидетельство того, что Конгресс согласен с данным толкованием. Дело в том, что законодатели нередко могут просто не подумать о возможности альтернативных формулировок или же они могут не знать о тех толкованиях, которые преобладают в судах¹¹².

Лишь несколько норм оказываются способными соответствовать научным критериям Познера, они постулируются как «достойные с оговорками»¹¹³. Норма о том, что уголовные законы должны толковаться в максимально узком смысле, вполне оправданна, так как все уголовные законы до определенной степени сдержанны, поэтому «подобающий уровень бдитель-

¹⁰⁹ Posner. The Federal Courts. P. 280 (цитаты опущены).

¹¹⁰ Ibid. P. 278–280.

¹¹¹ Одно выражение исключает другое (лат.). — Примеч. перев.

¹¹² Ibid. P. 282–283.

¹¹³ Ibid. P. 283.

ности» при обращении с ними должен быть несколько выше. Если мы можем предположить, что законодательные органы поддерживают этот более высокий уровень бдительности, тогда «суды, которые толкуют уголовные законы более узко, чем законы гражданские (а именно так и происходит), избегают риска нанесения вреда воле законодателей посредством недостаточного устрашения»¹¹⁴. Норма о том, что толкование законов там, где это возможно, должно избегать появления конституционных вопросов, вполне обоснована, так как она позволяет избежать необязательных решений, касающихся Конституции, хотя процесс подобного избегания сам порождает свои собственные проблемы¹¹⁵. Короче говоря, если не брать эти редкие исключения, то данные нормы, заставляя процесс толкования законов выглядеть механическим, а не творческим, скрывают степень того, насколько судьи заняты именно творением нового закона под видом толкования имеющегося. Судья, который осознает степень своей свободы при толковании законов и который отказывается делать вид, что его мнения продиктованы некими обязательными нормами толкования, куда менее склонен к волюнтаристским решениям, чем судья, который либо путает свободу со скованностью, либо не испытывает никаких угрызений совести относительно подмены воли Конгресса своей волей¹¹⁶.

Вместо подобного псевдоформализма, который подменяет процесс толкования глянцем логической дедукции, Познер предлагает метод «воображаемого реконструирования» законов; судья перво-наперво должен «представить себя на месте постановляющего законодателя, он должен восстановить в мыслях, как именно хотел бы этот законодатель, чтобы его закон применялся в конкретных делах, с которыми сталки-

¹¹⁴ Ibid. P. 283 (цитаты опущены).

¹¹⁵ Ibid. P. 284–285.

¹¹⁶ Ibid. P. 285–286.

вается суд»¹¹⁷. Если это окажется невозможным, что «периодически» будет происходить по причине недостатка информации или по причине того, что законодателям не удалось прийти к согласию относительно «существенных предпосылок, тогда судья должен решить, какое именно толкование закона позволит достичь наиболее разумного результата в рассматриваемом деле»¹¹⁸. В подобных обстоятельствах судья должен помнить, что «кажущееся разумным ему может отличаться от того, как себе эту разумность представляли законодатели, именно второе понимание разумности и должно стать приоритетным». Даже при работе со старыми законами работа судьи — «не осовременивать закон, то есть не заставлять его отражать современные ценности, но пытаться максимально отчетливо представить, как бы законодатель, писавший данный закон, захотел, чтобы его применяли в ситуациях, которых он тогда не предвидел»¹¹⁹.

Подход Познера сталкивается с четырьмя основными трудностями, которые представляют особый интерес. Во-первых, все его оценки норм, приводящих к внутренне противоречивым результатам, носят характер *ad hoc*. Например, почему мы полагаем, что законодатели действительно относятся к уголовным законам с большим вниманием, чем ко всем остальным? Почему мы полагаем, что уголовный закон в меньшей степени является плодом компромисса и взаимных уступок, чем все остальные законы? В этом случае мы уже не можем понять, является ли закон излишне проработанным или недостаточно проработанным¹²⁰. Почему все изъятия допущений о единодушии

¹¹⁷ Posner. The Federal Courts. P. 287.

¹¹⁸ Ibid. P. 286–287.

¹¹⁹ Ibid. P. 287.

¹²⁰ В науке о политике есть исследования, утверждающие, что политические преимущества имиджа бескомпромиссного борца с преступниками нередко подталкивают законо-

законодателей и их всезнании в данном случае менее остры, чем во всех иных обстоятельствах? Если принимать все возражения Познера против норм всерьез, тогда представляется крайне маловероятной возможность существования целого класса законов, который может считаться особым и менее подверженным данным трудностям.

Во-вторых, и это уже более серьезная проблема, те изъяны, которые Познер обнаруживает в нормах толкования, относятся и к его «творческой реконструкции» намерений законодателя. Если законы, ставшие результатом компромиссов, делают невозможным четкое понимание того, что же именно намеревались сделать законодатели, то каким образом судья сможет понять, как именно искавшие компромисса законодатели хотели бы, чтобы их закон применялся к ситуации, которая не была ими изначально предполагается? В чем привилегированность положения судьи, позволяющая ему угадывать коллективное решение, которое бы приняли законодатели, столкнись они с этими непредвиденными обстоятельствами? Нормы толкования предполагают слишком большое всезнание со стороны законодателей, но проблема лишь еще больше усугубляется, когда мы добавляем сюда еще и спекулятивный элемент теории «воображаемой реконструкции» Познера. Насколько невежественными или информированными о побочных следствиях своих законодательных решений нам следует считать судей? Познер признает, что его подход «не идеален, ведь у судей порой нет достаточного образования, и их практика»¹²¹ может оказаться всего лишь вопло-

дателей к безмерному ужесточению уголовных наказаний, особенно когда они не способны оказать никакого влияния на федеральные власти. См.: *Scheingold S. A. The Politics of Law and Order: Street Crime and Public Policy*. New York: Longman, 1984.

¹²¹ *Posner. The Federal Courts*. P. 287.

щением их же собственных предпочтений, которые они будут приписывать законодателям. Однако его ответ на критику в высшей степени неудовлетворителен: «Безответственный судья использует любое основание, чтобы добиться нужного ему исхода, глупый же судья будет делать то же самое, но уже неосознанно»¹²². Если это так, тогда подход Познера не дает нам никаких оснований для его предпочтения традиционным подходам; отнюдь не факт, что «воображаемая реконструкция» способна исправить те дефекты, которые он обнаруживает в нормах толкования.

Возникает подозрение, что реальное основание теории «воображаемой реконструкции» — это стремление позволить судьям с большей легкостью применять теорию максимизации богатства к толкованию воли законодателей даже тогда, когда об этом и речи не идет в самом законе. Например, интерпретируя Акт по проблемам безопасности и здоровья шахтеров в деле *«Миллер против Федеральной комиссии по проблемам безопасности и здоровья шахтеров»*¹²³, Познер, составляя бумаги для суда, столкнулся с двусмысленной ситуацией, касающейся проблемы того, когда именно неясные положения Акта позволяют рабочему уйти с работы (а не просто подать жалобу), если он полагает, что есть реальная угроза его безопасности. Познер полагает, что жалоба рабочего никак не влияет на функционирование шахты, поэтому даже frivolous жалобы едва ли будут стоить работодателю значительных трат¹²⁴. Вместе с тем остановленная работа абсолютно точно повлечет за собой массу издержек. Познер делает ретроспективный вывод: «Если мы попытаемся представить себя на месте сенаторов и членов Палаты представителей, то, вероятно, мы будем желать, чтобы рабочие свободно жаловались

¹²² Posner. The Federal Courts. P. 287.

¹²³ 687 F. 2d 194 (7th Cir. 1982).

¹²⁴ Ibid. P. 196.

на условия безопасности и факторы, ухудшающие здоровье, не боясь никакого возмездия со стороны администрации... Мы не испытываем никакого желания толковать закон, не говорящий прямо о праве рабочих прекращать свой труд, так, чтобы это сделало невозможным поддержание дисциплины на шахтах»¹²⁵. Естественно, Познер не имеет никаких доказательств того, что поддержание «дисциплины» в шахтах хоть как-то связано с намерениями законодателей, однако если полагать у последних желание максимизировать богатство, тогда данное намерение может быть спокойно им приписано «воображаемым образом».

Третья трудность является куда более сложной: если согласиться с анализом изъятий норм толкования Познера, значит, под серьезным ударом окажется его теория «микро-юридической» эффективности и в особенности его тезис о том, что общее право (в широкой трактовке Познера) является эффективным. Если сами нормы являются частью общего права в том смысле, как его понимает Познер, тогда сам факт того, что они развивались, подразумевает, что они служат некой цели эффективности, иначе бы никакого развития не случилось. Утверждение Познера, что эти правила должны быть отвергнуты, заморожены, отложены и законсервированы в пользу нового подхода, опирающегося на принцип «воображаемой реконструкции», вступает в разительное противоречие с градуалистским идеалом развития общего права. Несмотря на заверения в обратном, основное допущение, лежащее в основе подхода Познера, напоминает старомодный правовой реализм, а вовсе не попытку возрождения традиции общего права. Как иначе интерпретировать его тезис о том, что данные правила опираются на «нереалистические» допущения о том, как именно функционирует законодательная власть? Или же его другой тезис о том, что теории законода-

¹²⁵ Ibid.

тельной деятельности в науке о политике свидетельствуют о невозможности существования однозначного законодательного намерения. Данные тезисы, равно как и предписания Познера, подразумевают, что «реалистическая» политическая наука способна доказать, что нормы толкования общего права основаны на путанице и что их можно заменить более «научными» нормами. Какими бы ни были достоинства данной позиции, она в очевидной степени несовместима с положением о том, что общее право по определению стремится к эффективности.

В ссылке, которую можно считать попыткой сгладить данную критику, Познер замечает, что его концепция «воображаемой реконструкции» не является новой, по сути она ведет свою родословную как минимум от работы «Комментарии» Блэкстоуна¹²⁶. Однако если данный ход превратить в тезис о том, что концепция «воображаемой реконструкции» издавна являлась частью общего права, то это сразу же приведет к дальнейшим трудностям: два конфликтующих способа толкования законов окажутся частью общего права, что в свою очередь еще сильнее подорвет тезис о том, что отстаиваемая им теория порождает конкретные «эффективные» результаты.

Все это ставит нас перед еще одной более серьезной трудностью: если общее право понимается столь широко, как это делает Познер, тогда трудно увидеть, как экономическая эффективность может быть связана с предлагаемой им реформой. Помимо аналитического замечания о том, что если данный тезис был бы истинным, тогда общее право не нуждалось бы ни в какой реформе, познеровский анализ достоинств экономической аргументации в значимых отраслях федерального общего права не имеет никакой очевидной связи с «микроэкономической» теорией, он не дает никаких значимых результатов. Познер натурализирует

¹²⁶ Posner. The Federal Courts. P. 287.

одну конкретную экономическую теорию, говоря всегда в универсалистских понятиях и обращаясь к *одной единственной* теории эффективности, хотя существует множество конфликтующих теорий, к «экономическому анализу», хотя существует огромное множество подходов к экономическому анализу. Он сравнивает «право и экономику» с астрономией, но добавляет, что у него «нет никакого желания прикрываться престижем физической науки»¹²⁷, придавая тем самым псевдонаучный вид тому, что на самом деле является эмпирически спорными и уж точно неоднозначными утверждениями.

Ранее я утверждал, что данная оценка истинна и в отношении его микроюридической теории; ее истинность лишь увеличивается, как только экономические теории начинают применяться к правовым процессам макроуровня. Например, когда Познер утверждает, что отрасли «квазиобщего права» нуждаются в «сбалансировании утилитаристскими ценностями»¹²⁸, он не замечает, что само по себе это ничего не говорит о конкретных пропорциях. Давайте рассмотрим некоторые из его примеров. В качестве одного из примеров «откровенно экономического теста» в сфере надлежащей правовой процедуры, относящейся к квази-общему праву, он (без каких-либо пояснений) отсылает к «балансировочному тесту», который был использован Верховным судом в деле *«Мэтьюз против Элдриджа»*¹²⁹ с целью выяснения того, как много процессуальных гарантий должно быть учтено перед тем, как гражданин по закону будет лишен государством права собственности. Но что такое этот тест из дела *«Мэтьюз против Элдриджа»*? Он гласит, что для определения правильности процедуры в данных обстоятельствах необходимо учесть следующие факторы:

¹²⁷ Posner. Some Uses and Abuses. P. 294.

¹²⁸ Posner. The Federal Courts. P. 300.

¹²⁹ 424 U.S. 319 (1976), cited in: Posner. The Federal Courts. P. 311.

во-первых, частные интересы, которые будут затронуты в результате действий официальных лиц; во-вторых, риск ошибочного попраия данных интересов посредством используемой процедуры; кроме того, необходимо учесть возможную ценность дополнительных или заместительных процессуальных гарантий; наконец, интерес государства, включая сюда и затраченные ресурсы, а также фискальное и административное бремя, с которым могут оказаться связаны дополнительные или заместительные процедурные требования¹³⁰.

В деле Мэтьюза Верховный суд прибег к тесту и пришел к выводу, что выплата пособий может быть прекращена государственным органом без специального доказательного слушания. В своем последующем решении суд через этот тест пришел к выводу, что материнские права нуждающейся матери могут быть ограничены и без участия назначенного судом адвоката, призванного помочь ей на специальных слушаниях¹³¹. Однако в высшей степени трудно понять, какое отношение «экономическая» составляющая данного теста имеет к результату как в одном, так и в другом случае. Первостепенное значение имеет та ценность, которая приписывается изначальному праву, а также тот вес, который придается государственному интересу, — является ли тот «первостепенным» или попросту «легитимным». Это конституционные, а не экономические вопросы, несогласие судьи Блэкмана в деле *«Лэсси-тер против Отделения социальных услуг»*¹³² свидетельствует о том, что если исходные параметры оцениваются иначе, то и тест на выходе даст разные результаты¹³³. Сам по себе тест не способен разрешить трудный конституционный вопрос, касающийся этой

¹³⁰ 424 U.S. 319, 335 (1976).

¹³¹ *Lassiter v. Department of Social Servs.* 452 U.S. 18 (1981).

¹³² 452 U.S. 18 (1981).

¹³³ *Ibid.* P. 35–59.

оценки; по сути, тест всего лишь выявляет, что некая оценка издержек и выгод правоприменения, следующего за конституционным судебным решением, просто неизбежна. Данный тест не способен сказать судье ни то, какие права являются фундаментальными, ни то, какие из них должны быть таковыми. Утверждать, что перед нами пример надлежащей правовой процедуры, относящейся к «квазиобщему праву», в котором «экономические вопросы играют первостепенную роль»¹³⁴, значит, делать ошибочную ставку на теоретическое недоразумение. Более того, такая стратегия, если она сопровождается заверениями в том, что несколько «простых, но мощных инструментов экономического анализа»¹³⁵ могут улучшить функционирование федеральных судов, просто заведет нас в тупик, так как в результате создается впечатление, будто бы экономический анализ способен разрешить вопросы, которые ему не по зубам.

То же самое может быть сказано и в отношении рассмотрения Познером «рынка идей», метафоры, в понятиях которой Верховный суд разбирает вопросы, относящиеся к Первой поправке. Данная отрасль «может анализироваться теми же инструментами, которые экономисты используют для анализа обычных рынков»¹³⁶. «Экономический характер» Первой поправки может быть выявлен, как только мы переформулируем ее, превратив в требование «абсолютного запрещения государственного регулирования публичных высказываний»¹³⁷. Вне зависимости от того, является ли данный тезис истинным, как то утверждает Холмс в деле «Абрамс против Соединенных Штатов»¹³⁸ («теория нашей Конституции заключается в том, что лучшая

¹³⁴ Posner. The Federal Courts. P. 310.

¹³⁵ Ibid. P. 294.

¹³⁶ Ibid. P. 311.

¹³⁷ Познер Р. Экономический анализ права... Т. 2. С. 895.

¹³⁸ 250 U.S. 616 (1919).

проверка на истинность — это власть, которую идея может себе завоевать в условиях конкурентного рынка»¹³⁹), Познер прав: начиная с этого дела, данное толкование Первой поправки доминировало в Верховном суде при его работе с целым рядом дел, начиная с подстрекательства, клеветы, непристойности и заканчивая регулированием средств массовой информации, рекламы, политических выступлений, а также отношений между деньгами и распространением идей. Однако в высшей степени ошибочно полагать, будто бы «экономический анализ» способен разрешить основные трудности, которые встречаются в данных отраслях. Это можно увидеть, если чуть подробнее рассмотреть недавнюю историю взглядов Суда на денежные отношения и распространения идей.

В Верховном суде нет единодушия по вопросу способности государства легитимно регулировать трату денежных средств, направленных на популяризацию неких идей. Но при этом согласно решению Суда по делу 1976 г. *«Бакли против Валео»* полагается, что единственный признаваемый государственный интерес в регулировании денежных средств, тратящихся на распространение политических идей, заключается в предотвращении коррупции или ее видимости. Коррупцию же суд определил очень узко — как взяточничество¹⁴⁰. Данная логика подтолкнула Суд к тому, чтобы отделить финансирование политических кампаний от трат отдельных граждан, корпораций и политических комитетов, Суд постановил, что лишь первое может стать объектом легитимного регулирования со стороны Конгресса. Суд и несколько мнений судей, совпадающих с позицией большинства состава Суда, однозначно отвергли как «полностью чуждый Первой поправке» аргумент о том, что у государства есть интерес или на нем лежит ответственность за то, чтобы

¹³⁹ 250 U.S. 616 (1919).

¹⁴⁰ 424 U.S.1 (1976).

обеспечивать всем равный доступ к общественным дискуссиям или уравнивать силу звучания политических речей. Вместо этого Суд настоял, что Первая поправка предполагает именно принципиальную регулируемость со стороны государства количественного и качественного присутствия политических речей:

Наложение ограничений на размер суммы, которую группа или индивид могут потратить на политическую коммуникацию во время кампании, с неизбежностью приводит к ухудшению качества информации, происходит ограничение числа обсуждаемых вопросов, а также глубины их рассмотрения, кроме того, сужается размер охватываемой аудитории. Подобные следствия вызваны тем, что практически любое средство трансляции идей в современном массовом обществе требует обязательных материальных затрат¹⁴¹.

Хотя некоторые судьи и отвергли разделение, проведенное большинством, между взносами и тратами как не имеющее конституционной значимости¹⁴², все согласились с тем, что анализ нужно проводить в духе метафоры рынка идей. А когда Суд включил в свой анализ еще и корпоративные траты во время референдума три года спустя в деле *«Первый национальный банк Бостона против Белотти»*¹⁴³, утверждая, что статус корпорации для Первой поправки идентичен статусу гражданина, то эта же метафора стала общей платформой как для сторонников мнения Суда, так и для судей, заявивших по делу особое мнение.

¹⁴¹ Posner. The Federal Courts. P. 19 (цитаты опущены).

¹⁴² Бюргер и Блэкман посчитали, что ни то ни другое не могут регулироваться, а Уайт, к которому позднее присоединился Маршалл со своим особым мнением по делу *«Федеральная избирательная комиссия против Национального комитета политического действия консерваторов»* (470 U.S. 480 (1985)), полагал, что регулировать можно и первое, и второе.

¹⁴³ 435 U.S. 765 (1978).

Разногласия касались не правильности использования метафоры рынка, но скорее конкурирующих каузальных теорий, касающихся того, как именно функционирует рынок. Так, судья Пауэлл, проголозовавший, как и большинство, отверг аргумент, согласно которому массачусетский закон, ограничивающий траты, должен быть поддержан на том основании, что «корпорации являются богатыми и властными, а их взгляды могут вытеснить все остальные точки зрения», так как ни один суд низшей инстанции ни разу не вынес подобный вердикт¹⁴⁴. Таким образом, Суд имплицитно поддержал позицию *laissez-faire*, которую он занял в деле Бакли: если нет свидетельств обратного, значит, следует считать, что рынок по самой своей природе — совершенный механизм, он работает на благо всех. По крайней мере, рынок не приносит никому вреда, он способствует «более полной информированности» об общественных проблемах, а также «глубине их исследования»¹⁴⁵. Конечно, это лишь одна из теорий того, как именно функционируют рынки; на основе британского опыта можно утверждать, что хорошо отрегулированные формы общественных дискуссий во время избирательных кампаний приводят к более высокому качеству дискуссий, а также к «погружению» публики в проблемы на более существенную «глубину». И все же воплотив неоклассическую теорию на практике и перенося бремя доказательства на тех, кто пытается ее оспорить, Суд во имя принципа *laissez-faire* рационализировал отмену любых ограничений на корпоративные траты, направленные на победу на референдуме. В силу того, что коррумпированность политического процесса понималась в деле Бакли узко — либо как взятки официальным лицам, либо как видимость этих взяток, — то суду в деле Белотти вообще не пришлось поднимать во-

¹⁴⁴ Posner. The Federal Courts. P. 789.

¹⁴⁵ 424 U. S. 1, 19 (1976).

прос коррупции, так как референдум напрямую никак не касается официальных лиц. Таким образом, вопрос о том, могут ли крупные финансовые вложения коррумпировать демократический процесс, в данном контексте даже не поднимался.

Судьи, заявившие в деле Белотти особое мнение, разделяли иную теорию рынка. Судья Уайт, которого поддерживали также судьи Бренан и Маршалл, признал, что дело Бакли замолчало аргумент о том, что у государства есть свой интерес в уравнивании доступа к политической трибуне, однако в результате он выступил в поддержку иной, более минималистской, антимонопольной теории. Уайт пишет: «Уже давно признано, что особый статус корпораций позволил им занять привилегированное положение — они имеют огромную экономическую власть, которая, если этому не препятствовать, может позволить им доминировать не только в экономике, но также и в самом сердце нашей демократии, то есть в электоральном процессе»¹⁴⁶. По этой причине штат Массачусетс имел вполне достаточно оснований, чтобы «не позволить институтам, которым государство во имя определенных экономических целей позволило накопить значительные богатства, использовать это богатство с целью получения несправедливого преимущества в политическом процессе»¹⁴⁷.

Разногласия в Суде, касающиеся регулирования взносов и трат во время выборов, со времен Белотти вращались вокруг этих конкурирующих теорий того, как работает рынок в сфере политических идей. Большинство судей продолжает поддерживать теорию *laissez-faire*, которая была вновь подтверждена в 1985 г. в деле «Федеральная избирательная комиссия против Национального комитета политического действия

¹⁴⁶ 435 U. S. 765, 809 (1978).

¹⁴⁷ Ibid.

консерваторов»¹⁴⁸. В этом деле Суд постановил, что ограничения, наложенные Конгрессом на траты Комитета в пользу кандидатов, как условия получения этими кандидатами государственного финансирования во время избирательных кампаний есть неконституционное сдерживание распространения политических идей¹⁴⁹. Суд со всей очевидностью повторил неоклассическую логику дела Бакли и вновь провозгласил узкое понимание коррупции¹⁵⁰. Судьи с особым мнением продолжили утверждать, что деньги сами по себе не тождественны распространению идей, кроме того, они и дальше придерживались определенной разновидности антимонопольной теории, при этом у них могли быть разные (более или менее эгалитарные) взгляды на то, какими именно должны быть имплицитные «распределительные» стандарты. При рассмотрении Судом вопросов, касающихся проблемы денег и распространения политических идей, в основном использовались модели равенства доступа, а также неоклассические и различные антимонопольные модели, впрочем, иногда судьи имплицитно прибегали и к иным теориям. Например, право исключения из требования раскрытия источников финансирования, которое в деле Бакли было предоставлено небольшим и непопулярным партиям (затем оно было подтверждено в деле *«Браун против Комитета кампании рабочих-социалистов»* 1974 г.¹⁵¹), подразумевает своего рода теорию «новой отрасли» на рынке политических выступлений¹⁵².

¹⁴⁸ 470 U. S. 480 (1985).

¹⁴⁹ Ibid. P. 493–494.

¹⁵⁰ Ibid. P. 496–497.

¹⁵¹ 459 U. S. 87 (1982).

¹⁵² 424 U. S. 1, 58–74 (1976). Также см. Ренквиста, который выразил частичное несогласие (424 U. S., 290–94), отвергнув данную позицию.

Короче говоря, даже в тех отраслях права, где суды открыто прибегают к экономической терминологии и экономическим способам анализа, ошибочно вместе с Познером полагать, будто бы эта терминология сама по себе позволяет разрешать конституционные и прочие нормативные разногласия. Тем самым просто задается особый терминологический язык, на котором выражается спор и с помощью которого задаются границы дискуссий. У каждой экономической теории есть свой конкурент, воплощающий иные нормативные допущения и цели. Как правило, конкурируют именно допущения и цели. Нельзя позволить какому-либо «экономическому анализу» скрыть этот факт.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ ПОЗНЕРА

Теперь я перейду к анализу поведения Познера как профессионала, мне хочется рассмотреть то, как он использует экономические идеи в своей деятельности на посту федерального судьи. Что же это за принципы эффективного судейства, которые, как стоит ожидать, использует Познер в своей практике судьи апелляционного суда? По крайней мере, некоторые из них эксплицитно проговариваются им в процессе анализа кризиса федеральной судебной системы. Он утверждает, что в ходе реформы судьи должны «учиться следовать принципам судебного самоограничения и институциональной ответственности, последняя подразумевает среди прочего большую краткость мнений, привычку налагать большие санкции на стороны (а также на их юристов), которые злоупотребляют федеральными судебными процессами, отказ от размытых, многофакторных стандартов в пользу точных правил, сокращение числа конкурирующих мнений, а также уважение к решениям судов иных инстанций»¹⁵³.

¹⁵³ Posner. The Federal Courts. P. 319.

Кроме того, реформа должна привести к «расширению апелляционных возможностей в рамках таких федеральных административных органов, как Национальное управление по трудовым отношениям (NLRB), а также Управление социального страхования»¹⁵⁴. Отложим на некоторое время вопрос о том, как эти предложения связаны с «экономическим анализом», и посмотрим, насколько сам Познер как судья последователен в исполнении этих предписаний.

Я собираюсь рассмотреть решения, которые Познер выносил в двух отраслях права — трудовом и антitrustовом законодательстве. Обе отрасли содержат в себе существенные элементы общего права (в том смысле, как его понимает Познер), кроме того, обе отрасли, как считает Познер, традиционно связаны с экономикой. Следовательно, именно здесь экономический анализ должен проявить себя с максимальной эффективностью. Если его анализ окажется дискредитирован там, где он должен занимать самые сильные позиции, то есть в своем собственном замке, тогда, если продолжить метафору с замком, можно будет забыть о хозяйственных постройках, не говоря уже о том, что находится по ту сторону рва с водой. Теория эффективности как основа судебного решения может быть со спокойной совестью отложена в сторону.

Решения по трудовому праву

Трудовое право в интерпретации Познера относится к одной из отраслей общего права. Оно представляет для нас интерес по процедурным и субстанциональным причинам. Процедурно существование федерального законодательства и административных органов, ответственных как минимум за часть сферы его применения, позволяет проверить тезисы Познера о судебском уважении, а также увидеть, насколько он

¹⁵⁴ Posner. The Federal Courts. P. 319.

серьезен в своем призыве к экономии юридических ресурсов, юридическому самоограничению и предпочтению менее затратных, неюридических форм разрешения споров, например, тех, что практикуются Национальным советом по трудовым отношениям (НСТО). Как указывает Познер, даже в условиях существующего законодательства решения судей по административным правонарушениям в трудовых спорах, курирующихся НСТО, пользуются «таким же или даже большим уважением», чем решения окружных судов. Он утверждает, что эта менее затратная форма разрешения споров должна получить максимально большее распространение¹⁵⁵. Субстанциально трудовое право очень показательно, так как это отрасль, где псевдонаучные якобы принципы экономического анализа могут стать объектом откровенного манипулирования в пользу конкретных интересов. Таким образом, мы сможем со всей очевидностью увидеть, к чему на практике приводит использование судьями субстанциальных экономических теорий при разрешении трудовых споров.

Вопреки заявлениям об успехах третейского суда, об уважении к административным органам и об избегании расточительных апелляций Познер отнюдь не последователен в своей позиции «невмешательства». Когда ему выгодно, он готов идти на апостериорную переоценку протоколов суда, третейского суда или нижестоящего административного органа, что нарушает как традиционные принципы уважения решения суда, так и познеровскую концепцию «макросудебной» эффективности.

Вот несколько примеров. В деле «*Continental Web Press, Inc. против НСТО*»¹⁵⁶ Познер отверг сертификат Совета, удостоверяющий, что газетчики в компании составляли именно отдельный профсоюз, а не часть

¹⁵⁵ Ibid. P. 161.

¹⁵⁶ 742 F. 2d 1087 (7th Cir. 1984).

большого профсоюза, несмотря на его признание того, что НСТО вправе выбирать подходящую договаривающуюся сторону (но не обязательно наиболее подходящую), что профсоюз хотел подобного наименования и что надзорная власть суда ограничена лишь контролем за тем, чтобы Совет следовал своим же собственным правилам с должной последовательностью. Он пишет: «Наибольший конфликт интересов среди рабочих касается вопросов зарплат, дополнительных внезарплатных льгот и условий работы. Однако по этим вопросам в *Continental Web* между техническим персоналом [составлявшим существующий профсоюз] и газетчиками не было никаких значительных расхождений»¹⁵⁷. НСТО имеет куда больше возможностей разобраться в деталях этого дела, чем контролирующий суд, имеющий перед собой лишь письменные стенограммы.

В деле «*НСТО против Acme Die Casting Corp.*»¹⁵⁸ Познер, хотя и подтвердил решение Совета (правда, с другим обоснованием), все же установил, что судья по административным правонарушениям был не прав, посчитав, что вопрос о профсоюзе, заданный надзирателем работнику, в понятиях Национального закона о трудовых отношениях может быть приравнен к принудительному допросу. Познер отметил, что

Суды... определили факторы, влияющие на решение о том, является ли тот или иной допрос принудительным. (Хотя мы уже достаточно дали понять, что эти факторы задают лишь общий алгоритм действия, это никак не точная формула для принятия решений.) Таковыми факторами являются: тон, длительность, цель допроса, не повторяется ли он, число участвующих рабочих, атмосфера, полномочия дознавателя, фон допроса (создала ли компания атмосферу враждебности по отношению к профсоюзу),

¹⁵⁷ 742 F. 2d 1091 (7th Cir. 1984).

¹⁵⁸ 728 F. 2d 959 (7th Cir. 1984).

а также — но это уже более спорно — отвечает ли рабочий на вопросы честно¹⁵⁹.

Однако в силу того, что данные факторы задают фактический фон ситуации, ответственный чиновник или суд, выслушивающий свидетелей, должен пользоваться большим уважением, чем апостериорные спекуляции надзирающего судьи, пытающегося определить, понял ли рабочий те вопросы, которые ему были заданы работодателем¹⁶⁰.

В деле «НСТО против Village IX, Inc.»¹⁶¹ подобная апостериорная переоценка фактов выглядит особенно вопиюще. В данном случае компания попросила оценить решения НСТО, призванные исправить якобы несправедливые действия руководства, предпринятые во время кампании по организации профсоюза. Хотя некоторые выводы Совета и были подтверждены, все же общее решение Совета было признано чрезмерным на том основании, что допрос опоздавшего работника о профсоюзе не может считаться несправедливой трудовой практикой и что обращение работодателя к работникам, касающееся профсоюза, не может быть в понятиях Акта названо принудительным. Среди прочего данное обращение включало в себя следующие строки:

В ресторанах не бывает профсоюзов... Это нарушение баланса... Если в ресторане «Шениганс» появится профсоюз, то «Шениганс» обанкротится. Вот в чем дело... Если в нашем ресторане появится профсоюз, то меня здесь больше не будет. Я не угрожаю. Я констатирую... Я уважаю каждого, кто хочет вступить в профсоюз, если это подходящая компания, способная платить зарплаты, требуемые профсоюзом. Мы в ресторанном бизнесе этого не можем... «Шениганс», наверное, сможет некоторое время существовать, испытывая проблемы, но не долго. Рак со-

¹⁵⁹ Ibid. P. 962 (цитаты опущены).

¹⁶⁰ Ibid. P. 962.

¹⁶¹ 723 F. 2d 1360 (7th Cir. 1983).

жрет нас, и мы сойдем с дистанции. Если здесь будет профсоюз, и если мы через пять лет вновь придем на это место, то я просто гарантирую вам: здесь уже не будет никакого ресторана... Я не угрожаю. Я констатирую. Когда имеешь дело с профсоюзом, следует осмыслить все за и против. Я не особо углублялся в эти вопросы, так как это мое первое столкновение с данной проблемой. Мой разум, мои чувства и моя записная книжка прямо говорят мне о моем отношении. Когда дело касается профсоюза моих работников, то эта идея мне не нравится, я даже не хочу об этом думать¹⁶².

НСТО увидело в данной речи угрозы, однако Познер не согласился с данным выводом, на его взгляд, работодатель предложил «компетентный, пусть и крайне неформальный, анализ вероятных экономических следствий появления профсоюзного движения на в высшей степени конкурентном рынке»¹⁶³. При этом он признал: «В силу того, что единственный эффективный способ противостояния профсоюзам — это указание работникам на негативные последствия их организации, способной привести к закрытию компании, крайне трудно на практике понять, где законное отстаивание взглядов, а где — открытые угрозы»¹⁶⁴. Однако Познер никак не пояснил, почему в данном конкретном случае апелляционный суд может разобраться лучше Совета, он лишь отметил, что Совет никак не исследовал фактическую точность обращения работодателя¹⁶⁵. Если характеристики «рак», данной работодателем профсоюзу, недостаточно для обоснования вывода Совета о том, что перед нами откровенная угроза рабочим, тогда вообще непонятно, что именно способно стать этим обоснованием.

¹⁶² 723 F. 2d 1364 (7th Cir. 1983).

¹⁶³ Ibid. 1367.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid.

Что касается угроз, то материалы изобиловали свидетельствами того, что обращение было подкреплено конкретными действиями. В частности, были поддержаны следующие выводы Совета: увольнение одного организатора профсоюза и покушение на другого — это несправедливые практики трудовых отношений, противоречащие положениям Акта; правило «не давать работы», введенное на следующий день после восстановления на работе организатора профсоюза, — это несправедливая практика трудовых отношений; запрет для организатора профсоюза распространять листовки на паркинге возле ресторана — это несправедливая практика трудовых отношений; задержка отправки организатору профсоюза приглашения на ежегодную вечеринку компании — это несправедливая практика трудовых отношений¹⁶⁶. Тезис Познера о том, что «в данных обстоятельствах... ничто не говорит о том, будто бы вопрос [опоздавшему работнику, приходили ли к нему представители профсоюза] был призван отвести его от поддержки профсоюза»¹⁶⁷, едва ли заслуживает хоть какого-то доверия. В принципе, наверное, можно себе представить ситуацию, что суд, анализирувавший обстоятельства дела, пришел к результату, который бы устроил Познера (хотя это достаточно трудно себе представить), однако едва ли подобное воображение есть эталон того, как должен проходить пересмотр дела в апелляционном порядке.

Данных примеров вполне достаточно, чтобы доказать: как минимум в случае трудового права Познер как судья вовсе не последователен в своей приверженности традиционным принципам уважения к соответствующим нижестоящим инстанциям по вопросам фактов. Тем самым он нарушает как минимум один из компонентов своей теории «макроюридиче-

¹⁶⁶ Ibid. 1360.

¹⁶⁷ Ibid. 1369 (цитаты опущены).

ской» эффективности: «приверженность федеральных судей принципу самоограничения судебной власти»¹⁶⁸.

Решения по антитрестовому законодательству

Антитрестовое законодательство относится, согласно Познеру, к отрасли «квазиобщего права». Оно регулируется законодательными актами, но в своем практическом измерении включает в себя, в том числе, и утилитаристский поиск баланса. Так как антитрестовые тяжбы подразумевают сложные содержательные споры и экономический анализ, блестящим специалистом по которому является Познер¹⁶⁹, то в результате мы получаем великолепную возможность проверить его собственную практику утилитаристского поиска баланса на верность как традиционным понятиям уважения к нижестоящим судам по фактическим вопросам, так и экономической логике.

Сначала вопросы процедуры: тут Познер действует настолько вопреки традиционным взглядам, верность которым он провозглашал, что это становится причиной несогласия со стороны множества его коллег. Последние указывают Познеру, что апелляционный суд не имеет полномочий участвовать в повторном рассмотрении вопросов, разрешенных в нижестоящей судебной инстанции. В деле «*Roland Machinery Co. против Dresser Industries*»¹⁷⁰ Познер отменил решение окружного суда, постановившего наложить предварительный судебный запрет. Суть дела состояла в иске против отечественного производителя оборудования, который расторг договор об эксклюзивном представительстве с дилером, когда тот подписал схожее

¹⁶⁸ Posner R. The Federal Courts. P. 319.

¹⁶⁹ Posner R. Antitrust Law: An Economic Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 1976.

¹⁷⁰ 749 F. 2d 380 (7th Cir. 1984).

соглашение с иностранным производителем. Познер посчитал доказательства, подтверждающие урон иностранного производителя от эксклюзивного представительства, недостаточными. Судья Свигерт возразил Познеру на том основании, что полномочия по принятию решений о предварительном судебном запрете не могут быть у апелляционного суда, они должны быть у окружного судьи; их можно передать вышестоящей инстанции, лишь если было зафиксировано прямое злоупотребление этими полномочиями¹⁷¹.

В деле «*Иллинойс против F. E. Moran, Inc*»¹⁷². Познер, который вел дело в Седьмом округе, отменил решение окружного суда, постановившего раскрыть свидетельские показания перед большим жури со стороны ответчика в антитрестовой тяжбе на том основании, что истец не смог доказать конкретный нанесенный ему ущерб¹⁷³. Судья Кудахи не согласился с ним, указав на беспрецедентность ситуации, когда детально зафиксированный ущерб признается в правовом порядке несуществующим, а дело возвращается в первоначальную инстанцию с целью более точной детализации ущерба истца¹⁷⁴. Верховный суд предписал проанализировать баланс интересов с целью определения, превышает ли интерес в утаивании свидетельских показаний перед большим жури интерес тех, кто добивается публичности показаний; он подчеркнул, что судья окружного суда имеет все полномочия, чтобы принять компетентное решение по данному вопросу. Согласно судье Кудахи, «не следует узурпировать полномочия, которыми обладает судья окружного суда, также нам не следует подменять собственными взглядами решения окружного судьи, который при условии применения корректных правовых стандартов нахо-

¹⁷¹ Ibid. 398–399.

¹⁷² 740 F. 2d 533 (7th Cir. 1984).

¹⁷³ Ibid. 539.

¹⁷⁴ Ibid. 541.

дится в куда лучшей позиции, чтобы выносить суждения, касающиеся установления фактов»¹⁷⁵.

В деле «*Марресе против Американской академии хирургов-ортопедов*»¹⁷⁶ Познер стал автором мнения, отменяющего постановление о неуважении к суду, которое было вынесено окружным судьей после того, как ответчик по судебному делу о нарушении антитрестового законодательства отказался представить свое дело в соответствии с приказом о представлении документов¹⁷⁷. Спор заключался в том, были ли у ответчика (Американской академии хирургов-ортопедов) достаточные основания для сокрытия своих архивов, которые содержали данные, необходимые для разбирательства. Ответчик мотивировал свои действия желанием сохранить конфиденциальную информацию своих клиентов. Судья окружного суда разрешил проблему, постановив раскрыть информацию в режиме защиты от огласки. В последующем пересмотре дела судья Стюарт не согласился с мнением Познера на том основании, что у окружного судьи были все полномочия для постановления раскрыть информацию в деле о нарушении антитрестового законодательства и что его решение может быть аннулировано, лишь если была зафиксирована «очевидная ошибка» или если окружной судья, очевидно, злоупотребил своими полномочиями¹⁷⁸. Судья Стюарт отметил, что никаких доказательств подобного злоупотребления представлено не было¹⁷⁹. После

¹⁷⁵ 740 F. 2d 541 (7th Cir. 1984).

¹⁷⁶ 726 F. 2d 1150 (7th Cir. 1984).

¹⁷⁷ Это было мнение по петиции, касающейся повторного расследования по делу «*Марресе против Американской академии хирургов-ортопедов*» после того, как данное дело закончилось отменой приказа окружного судьи о представлении документов (данная отмена была также санкционирована Познером). 706 F. 2d 1488 (7th Cir. 1982).

¹⁷⁸ Ibid. 1493–1494.

¹⁷⁹ Ibid. 1498.

того, как изначальное судебное решение было отменено, Познер вынес второе решение, гласящее, что дело прекращается в соответствии с принципом недопустимости повторного рассмотрения, так как истец до этого в производстве по делу в суде штата проиграл ответчику¹⁸⁰. Судья Харлингтон Вуд-младший, в поддержку которого выступили также судьи Камингс и Кудахи, не согласился с этим решением на том основании, что прежнее решение «создало впечатление, будто бы данный суд проверял конкретные обстоятельства по делу, связанные с антитрастовым законодательством, еще до того, как оно было начато в суде первой инстанции», и что это «предварительное суждение нависало над позднейшим решением судьи Познера»¹⁸¹. Среди прочего не согласившиеся с Познером судьи утверждали, что для отмены решения по делу не было никаких оснований, так как мнение большинства, представленное Познером, не содержало в себе никаких указаний на злоупотребление полномочиями со стороны окружного судьи¹⁸², таким образом, суд незаконно узурпировал полномочия судьи первой инстанции. Познер, вне всякого сомнения, оспорил бы данные утверждения, однако примечательно, что четыре разных судьи пришли к выводу о том, что Познер осуществил незаконное вмешательство в полномочия судьи окружного суда¹⁸³.

¹⁸⁰ 726 F. 2d 1150, 1152–1156 (7th Cir. 1983).

¹⁸¹ Ibid. 1167.

¹⁸² Ibid. 1171–1172.

¹⁸³ Я не утверждаю, что Познер при рассмотрении дел по антитрастовому законодательству никогда не признает решений суда низшей инстанции или выводов административных органов, когда это идет на пользу истцу, я лишь утверждаю, что чаще всего он поступает именно так. Исключение из этого правила, которое вполне может быть названо исключением, подтверждающим правило, см.: *Hospital Corp. of Am. v. FTC*, 807 F. 2d 1381 (7th Cir. 1986).

Даже в тех случаях, когда Познер подтверждает решение суда низшей инстанции, он провоцирует коллег на выражение особого мнения, дистанцирующего от его ненужных теоретизирований, касающихся правовых и экономических максим. Например, в деле «*Brunswick Corp. против Riegel Textile*»¹⁸⁴ судья Харлингтон Вуд дистанцировался от долгого и излишнего рассмотрения отношений между антитрестовым законодательством и патентным правом, которое Познер представил по ходу подтверждения решения окружного судьи, который дал ход иску, остановленному законом об исковой давности¹⁸⁵. В деле «*Джек Уолтерс и сыновья против Morion Building*»¹⁸⁶ судья Свигерт представил свое особое мнение, в котором поддерживался вердикт, то есть одобрение решения судьи окружного суда в пользу ответчика, но при этом Свигерт дистанцировался от длинного мнения большинства, выразителем которого выступил Познер и в котором рассматривались природа и ограничения антитрестового законодательства, а также значимость репутации компании. «Я не могу солидаризироваться с теми размышлениями, которые представлены в мнении большинства, но не потому, что тамошний анализ противоречит корректным правовым принципам, просто я считаю, что это формулировки, которые будут влиять на решения по делам, которые еще не состоялись»¹⁸⁷. Все эти примеры согласия и несогласия дают ясно понять, что в сфере антитрестового законодательства Познер отнюдь не остается верен своим же собственным принципам макроюридической эффективности, которые подразумевают призыв к судьям писать более короткие мнения и соблюдать традиционные правила судейского уважения и самоограниче-

¹⁸⁴ 752 F. 2d 261 (7th Cir. 1984).

¹⁸⁵ Ibid. 272.

¹⁸⁶ 737 F. 2d 698 (7th Cir. 1984).

¹⁸⁷ Ibid. 713.

ния¹⁸⁸. Когда Познер считает себя правым по существу дела, он изыскивает способы отменить и пересмотреть решения окружного судьи.

Разумеется, в антитрестовом законодательстве, равно как и во всех иных отраслях права, так или иначе связанных со сферой экономики, происходит конкуренция разных теорий. Познер уже давно является сторонником минималистской версии антитрестового законодательства, направленного исключительно на предотвращение ценового сговора. На его взгляд, существование слишком «чрезмерного» антитрестового законодательства ведет к «некритическому и немудрому расширению запретительного измерения антитрестовой борьбы»¹⁸⁹. Он полагает, что весь закон Клейтона, все антитрестовые положения закона «О Федеральной торговой комиссии», а также все разделы закона Шермана кроме первого должны быть аннулированы. Нет ничего удивительного в том, что Познер заполняет дворкинские пробелы в праве своими ограничительными толкованиями антитрестового законодательства, возлагая огромное бремя на истца, а также запрещая налагать предварительные судебные запреты в обстоятельствах, когда, как он полагает, у истца нет шансов добиться успеха по существу дела.

Если бы Познер был судьей окружного суда, то его позиция не вызывала бы нареканий. От окружного судьи нередко требуется использование своих полномочий на ранних стадиях судебного процесса, связанного с антитрестовым законодательством, эти полномочия подразумевают судебные запреты, ограничения, обнародования; очень может быть, что данные решения не могут быть вынесены без помощи некоей имплицитной теории должной сферы действия антитрестового регулирования. Однако, будучи судьей апелляционного суда, задача которого — определять,

¹⁸⁸ *Posner R. The Federal Courts.* P. 319.

¹⁸⁹ *Posner R. Antitrust Law: An Economic Perspective.* P. 212–217.

злоупотребил ли окружной судья своими полномочиями, у Познера совсем иная сфера ответственности. В данном контексте его приверженность одной конкретной субстанциальной экономической теории как некой объективной истине представляется чем-то пагубным.

Возьмем, например, дело «*Roland Machinery Co. против Dresser Industries*»¹⁹⁰, в котором Познер, представляя мнение большинства, отменил решение окружного судьи, налагавшего на дилера строительного оборудования судебный запрет в его тяжбе против отечественного производителя оборудования. Производитель отменил свое соглашение об эксклюзивной розничной торговле с дилером, когда тот подписал схожее соглашение с японским производителем¹⁹¹. На кону стояли как процедурные вопросы, касающиеся стандартов пересмотра предварительного судебного запрета в апелляционном порядке, так и содержательные моменты, связанные с иском о нарушении антитрестового законодательства в соответствии с законом Клейтона. По первому вопросу Познер принял длинное рассмотрение различных стандартов, преобладающих в различных округах, и пришел к выводу, что в данной отрасли следует осуществлять не просто формальный надзор. Он мотивировал это тем, что власть налагать предварительный судебный запрет имеет долгоиграющие последствия и что Конгресс не стал бы делать исключения для требования окончательности в случае апелляционной перспективы предварительного судебного запрета, если бы конгрессмены хотели, чтобы пересмотр дела по данным вопросам представлял собой всего лишь проставление штампа на решение окружного судьи¹⁹². Значит, в случае подобных запретов понятие «злоупотребле-

¹⁹⁰ 749 F. 2d 380 (7th Cir. 1984).

¹⁹¹ Ibid. P. 381–382.

¹⁹² Ibid. P. 389.

ние полномочиями» не тождественно — как это принято во всех иных отраслях — тезису о том, что судья низшей инстанции действовал «иррационально или причудливо». Тем не менее Познер признал, что, «учитывая неочевидность процесса, подразумевающего поиск баланса интересов, а также учитывая, что судья высшей инстанции не может получить доступ ко всем тонкостям дела, так как это просто не позволяют бесстрастные расшифровки», апелляционному суду не следует подменять своими собственными суждениями суждения окружного судьи. «Вопрос для нас заключается в том, превысил ли судья границы имеющейся у него свободы выбора в данных обстоятельствах. Нас не интересует, что бы мы сделали, окажись мы на его месте»¹⁹³. Это значит, что пока судья при наложении предварительного судебного запрета не сделал явную ошибку — фактическую или юридическую, то его решение не следует пересматривать.

Однако при применении этого более строгого, чем обычно, стандарта контроля Познер в данном деле не был уполномочен отменять решение судьи окружного суда. Для наложения предварительного судебного запрета истец должен доказать, что в случае отсутствия этого запрета ему будет нанесен «непоправимый ущерб». Это значит, что он не сможет получить «адекватную компенсацию закона», способную исправить нанесенный ему ущерб, и что он имеет «некоторую вероятность одержать победу по существу дела», когда оно окажется в суде¹⁹⁴. В данном случае окружной судья установил, что истцу придется выйти из бизнеса, если предварительный запрет не будет наложен. Вне всяких сомнений, это достаточный критерий в тесте на «непоправимый ущерб». Познер оспорил данный вывод как «очевидную фактическую ошибку» на том основании, что, хотя половину доходов истец и полу-

¹⁹³ Ibid. P. 390.

¹⁹⁴ Ibid. P. 386–387.

чал в результате продажи оборудования, предоставлявшегося ему в результате соглашения, которое ответчик пытался расторгнуть, судья ошибся в своей оценке того, что продажи оборудования, получаемого от иностранного производителя, не возрастут в будущем¹⁹⁵. Как утверждает Познер, «это нереалистическая оценка. *Roland* [истец] ожидает, что дела пойдут куда лучше на второй и последующие годы [соглашения с иностранным производителем]. В целом утрата статуса дилера будет болезненной, но не фатальной»¹⁹⁶. Однако это пример чистой воды спекуляций со стороны судьи апелляционного суда; если в данном случае окружной судья допустил «очевидную фактическую ошибку», тогда очень трудно себе представить, какое решение не может оказаться таковым.

Познер также установил, что окружной судья ошибся в своем выборе такого средства судебной защиты, которое бы не причинило ущерба ответчику. Ответчик ожидал ущерба в случае отсутствия судебного запрета, так как истец мог бы начать выводить его оборудование из своего бизнеса, в то время как руки ответчика окажутся связанными запретом. Судья учел данную обеспокоенность, потребовав от истца, чтобы тот сохранял «в рамках нормальных экономических колебаний приблизительную долю рынка, которую он уже отвел для продукции *Dresser*»¹⁹⁷. Познер посчитал, что данное условие было ошибочным с правовой точки зрения, так как окружной судья «не удосужился рассмотреть возможное влияние на конкуренцию запрета, который заморозит долю *Dresser* вплоть до окончания судебного разбирательства»¹⁹⁸. Однако, как отметил судья Свигерт, не согласившийся с мнением Познера, последний попросту проигнорировал

¹⁹⁵ 749 F. 2d 391–392 (7th Cir. 1984).

¹⁹⁶ Ibid. P. 391.

¹⁹⁷ Ibid. P. 382.

¹⁹⁸ Ibid. P. 392.

ту часть постановления окружного судьи, в которой ответчику позволялось обратиться к иным распространителям его товара, располагавшимся на территории истца, а также прямо указанный факт того, что «нет никаких оснований соглашаться с компанией *Dresser*, которая считает, что *Roland* прекратит или уже прекратил поставлять на рынок продукцию их фирмы»¹⁹⁹. Судья Свигерт также отметил: «Мнимая правовая ошибка, касающаяся дурного влияния предварительного запрета на конкуренцию, затрагивает лишь вопрос о должной сфере действия постановления, а вовсе не о том, должно ли оно быть или нет». Короче говоря, Познер попросту подменил своим решением решение окружного судьи²⁰⁰. Даже если Познер и был прав, утверждая, что судья не учел возможные негативные конкурентные следствия своего постановления, то запрет все равно не должен был быть отменен, его следовало бы просто вернуть в первоначальную инстанцию для определения этих следствий (фактический вопрос) и, если потребуется, для модификации постановления.

Кроме того, Познер посчитал, что истец не смог доказать вероятность своего успеха по существу дела, окружной судья и судья Свигерт решили иначе. Чтобы одержать в деле успех, истцу в соответствии с третьим разделом закона Клейтона²⁰¹ необходимо доказать как факт наличия сговора (который вполне может и не быть явным), так и то, что этот сговор вполне может оказать существенное (хотя и не обязательно мгновенное) негативное влияние на конкуренцию. Несмотря на то, что закон Клейтона прямо указывает, что сговор может и не быть явным, Познер утверждает, что никакого сговора не было, так как не было «никакого консенсуса» (фикция, которая

¹⁹⁹ Ibid. P. 401–412.

²⁰⁰ Ibid. P. 402.

²⁰¹ 15 U.S.C. §14 (1914).

игнорируется во многих отраслях договорного права). Этот момент был четко оговорен Верховным судом в контексте антитрестового законодательства. В деле «*Standard Oil Co. против Соединенных Штатов*»²⁰² суд растолковал двусмысленные формулировки закона Шермана, он постановил, что они нацелены на защиту коммерции от любых ограничений «как старых, так и новых». В деле «*Copperweld Corp. против Independence Tube Corp.*» судья Стивенс, который представил особое мнение, отметил, что данное широкое толкование было связано с отказом Суда «ограничивать действие закона реальными сговорами. Даже простая уступка в антиконкурентной схеме считалась достаточной, чтобы закон вступал в силу»²⁰³. Идея «достижения консенсуса» Познера не имеет никаких законных оснований, она находится в прямом противоречии с основополагающими толкованиями, данными Верховным судом.

Более того, при рассмотрении дела «*Roland Machinery Co.*» Познер посчитал, что соглашение об эксклюзивном представительстве не обязательно окажет негативное влияние на конкурентную среду. Здесь мы видим ограничительную теорию монополии Познера в действии. Он начинает с тезиса о том, что исключение одного или нескольких конкурентов само по себе не является неразумным, при этом, хотя «благополучное» конкретное конкурента и может пострадать, данный вопрос не должен быть предметом разбирательств федерального антитрестового законодательства, призванного следить за здоровьем процесса конкуренции как такового. В данном случае Познер ссылается на мнение Верховного суда в деле «*Copperweld Corp. против Independence Tube Corp.*»²⁰⁴. В данном деле Суд

²⁰² 221 U.S. 1, 59–60 (1910).

²⁰³ 467 U.S. 752 (1984) (цитаты опущены).

²⁰⁴ *Roland Mach. Co. v. Dresser Indus.*, 749 F. 2d 380, 394. (7th Cir. 1984).

верно постановил, что «антитрестовое законодательство... призвано защищать конкуренцию, а не конкретных конкурентов²⁰⁵», однако это увеличение от вопроса как минимум в двух смыслах. Во-первых, суд нижестоящей инстанции получил доказательства возможного негативного влияния на конкуренцию, он посчитал их достаточными для наложения судебного запрета. Во-вторых, антитрестовое законодательство защищает конкуренцию именно путем защиты конкурентов; если защита процесса конкуренции является *единственной* целью суда, тогда трудно понять, почему возмещение убытков будет более подходящим средством судебной защиты в случае нарушения антитрестового законодательства, а штрафы — меньшим. Нет никакого сомнения в том, что «экономическим» обоснованием этого является то, что данное законодательство эффективнее всего применять в контексте частного права, однако если дело обстоит именно так, то Познер не может одновременно утверждать, будто бы власть на рынке, которая вредит отдельным конкурентам, не вредит также и конкуренции в целом.

Познер придает своей максиме операциональное измерение, утверждая, что истец в данном случае должен доказать как минимум две вещи: во-первых, что невмешательство выведет хотя бы одного значимого конкурента ответчика из игры на соответствующем рынке; во-вторых, что возможным следствием данного выхода из игры станет рост цен выше конкурентного уровня (а производства, соответственно, ниже конкурентного уровня), то есть что итогом будет вред для конкуренции. «Другими словами, он должен доказать, что негативные следствия для конкуренции такого рода событий (если таковые будут) перевесят следствия позитивные»²⁰⁶.

²⁰⁵ Copperweld Corp. v. Independence Tube Corp., 467 U.S. 752, 767 (1984).

²⁰⁶ 749 F. 2d at 394.

Данная позиция есть следствие неоклассической теории монополии, которую Познер считает «одной-единственной» теорией монополии²⁰⁷. В соответствии с данной теорией высокая концентрация показателей и даже монополия в некоторых сферах может вполне пойти на пользу. Но не надо забывать про существование альтернативных теорий²⁰⁸. Утверждать, как это делает Познер, что данная теория разделяется большинством в Верховном суде, не значит доказывать ее экономическую рациональность. Познер цитирует решение Верховного суда, в котором признавалась недействительность прецедента и одобрялся принцип вертикальной интеграции. Суд постановил, что головная корпорация и полностью принадлежащая ему дочерняя компания по определению не способны вступать друг с другом в сговор так, чтобы это подпадало под действие раздела один закона Шермана. Но на это решение трое судей представили свои особые мнения, обосновывающие теорию монополии, суть которой в акценте на принципе регулирования цен. В понятиях этой теории ключевой переменной является не сговор, но власть на рынке. Судья Стивенс (вместе с примкнувшими к нему судьями Бреннаном и Маршаллом) написал: «В экономическом плане [для нарушения Закона] важно наличие власти на рынке, а вовсе не мно-

²⁰⁷ Posner R. Antitrust Law: An Economic Perspective. P. 237–255.

²⁰⁸ Обзор выводов многих эмпирических исследований, касающихся влияния концентрации на конкуренцию, см.: Concentration and Competition Policy (Доклад Комитета экспертов по ограничительным деловым практикам, Организация экономического сотрудничества и развития) (1979); обзор теорий регулируемых цен, являющихся альтернативами неоклассической теории (а также некоторый анализ их доказательства), см.: Means G. Simultaneous Inflation and Unemployment: A Challenge to Theory and Policy. Challenge. 1975. September/October. P. 6–20; Carlo A. Inflation // Theory and Society. 1979. Vol. 7. No. 3. May. P. 398; Sherman H. J. Stagflation: A Radical Theory of Unemployment and Inflation. New York: Harper and Row Publishers, 1976.

жественность действующих лиц. С точки зрения конкуренции решение одной конкретной фирмы, обладающей властью, сократить производство и повысить цены выше конкурентного уровня будет иметь те же самые последствия, что и решение двух фирм, которые захватили схожую долю рынка благодаря сговору и отказу от конкуренции»²⁰⁹. Этот конфликт мнений вытекает из разных теорий функционирования рынка в условиях монополии. Неоклассическая теория может разделяться большинством членов Верховного суда, однако отсюда никак не следует, что именно она воплощает замысел закона Шермана (в это трудно поверить, учитывая многозначные формулировки этого закона) или же что именно она является самоочевидной экономической истиной.

В деле «*Roland Machinery Co.*» Познер использовал бремя, которое неоклассическая теория взваливает на истца, чтобы показать, что тому не удалось выполнить ни одно из двух условий его теста. Познер не был убежден указанием на то, что японский производитель вполне может быть вынужден уйти с рынка²¹⁰. Судья Свигерт выразил несогласие с этим решением, указав на то, что Познер полностью проигнорировал свидетельства и выводы окружного судьи по данному вопросу²¹¹. Познер даже не стал доказывать, что судьей была допущена некая ошибка. А раз, согласно самому Познеру, критерии судебной практики не допускают подмену решения окружного судьи решением судьи апелляционного суда, то действия Познера не имеют под собой никаких правовых оснований. Он именно подменил своим решением решение окружного судьи. Как иначе следует интерпретировать суждения По-

²⁰⁹ *Copperweld Corp. v. Independence Tube Corp.*, 467 U.S. 752, 789–90 (1984).

²¹⁰ *Roland Mach. v. Dresser Indus.*, 749 F. 2d 380, 394 (7th Cir. 1984).

²¹¹ *Ibid.* P. 400.

знера о том, что «наиболее вероятным следствием отмены предварительного судебного заключения станет принуждение *Komatsu*²¹² ускорить свои усилия по продвижению бренда через представительство компании *Roland*»²¹³? Даже Познер в конечном счете оказался вынужден признать, что «данный анализ может преувеличивать ту гладкость, с какой протекает процесс конкуренции»²¹⁴.

Уже достаточно было сказано в доказательство того, что Познер использует спорную и ограничительную теорию монополии с целью отмены решений окружного суда. Такое ощущение, что он не способен отличить неоклассические модели от реальности, это позволяет ему игнорировать факты или аргументы, противоречащие его убеждениям. В этой связи Лефф был прав, когда писал о том, что в позиции Познера есть неустрашимый номиналистский компонент²¹⁵. По вопросам процедуры мы также увидели, что деятельность Познера не соответствует традиционным принципам судейского уважения, которые подразумеваются его микро- и макроэкономическими теориями юридической эффективности. Как судья он слишком часто нарушал данные принципы, результаты этого нарушения слишком односторонние, в результате у нас есть все основания усомниться в том, что на практике он последовательно воплощает свою теорию или же что он как судья не «ориентирован на результат» именно в том смысле, в каком он находит и осуждает такую ориентацию в сочинениях профессора Марка Тушнета²¹⁶.

²¹² Японский производитель. — Примеч. перев.

²¹³ Ibid. P. 394.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Leff. Some Realism about Nominalism. P. 451, 456.

²¹⁶ Posner. The Federal Courts. P. 218–219.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ
ПОЗИЦИИ ПОЗНЕРА

Один из наиболее часто повторяемых афоризмов Холмса, который был им произнесен в его особом мнении по делу «*Лохнер против Нью-Йорка*»²¹⁷, гласит: «Четырнадцатая поправка не воплощает „Социальную статику“ мистера Герберта Спенсера»²¹⁸. Антипатия к надлежащему правовому процессу по существу, которая выражается в данном афоризме, выявляет то, что нередко описывается как достойная восхищения беспристрастность, особенно в экономических отраслях частного права²¹⁹. Можно доказать — и это уже было сделано, — что Холмс вовсе не был последовательным в этом отношении; что в некоторых своих решениях относительно положения о торговле он апеллировал к субстанциальным экономическим теориям²²⁰; что его отказ использовать антитрестовое законодательство против профсоюзов дался ему более легко благодаря его убеждению в том, что как формы экономической организации они просто обречены на провал²²¹; что когда Конгресс принимал законы, соответствующие его предубеждениям, он временами срывался на формулировки, исполненные очевидного риторическо-

²¹⁷ 198 U.S. 45 (1905).

²¹⁸ Ibid. 74 (1905).

²¹⁹ Примеры особых мнений Холмса по делам трудового права см.: *Vegeahn v. Guntner*, 167 Mass. 92, 104, 44 N.E. 1077, 1079–80 (1896); *Plant v. Woods*, 176 Mass. 492, 504, 57 N.E. 1011, 1015–16 (1900); *Adair v. United States*, 208 U.S. 161, 190 (1908); *Coppage v. Kansas*, 236 U.S. 1, 28 (1915).

²²⁰ Max Lerner (ed.). *The Mind and Faith of Justice Holmes: His Speeches, Essays, Letters, and Judicial Opinions*. Boston: Little Brown, 1943. P. 135, 148, 241.

²²¹ Ibid. P. 119.

го ликования²²². Доказательство того, что общее право на протяжении XIX века развивалось с целью облегчения консолидации американского капитализма, уже стало исследовательской проблемой для критической школы историков права; они пытались показать, что нейтральный язык права адаптировался и видоизменялся под меняющиеся нужды капитализма. Их критики, в свою очередь, пытались оспорить как минимум некоторые аспекты данного тезиса²²³.

В теории максимизации богатства Познера удивляет и ставит в тупик то, что он превращает этот в высшей степени противоречивый тезис в аксиому. Он принимает за нечто само собой разумеющееся то, что представители критической школы изучения права пытались доказать в течение десятилетий, а затем наивно провозглашает данную концепцию вечной «научной» истиной. Как было показано выше, это делается им по целому ряду направлений: в его работах о микроэкономике максимизации богатства, в его анализе проблемы перегрузки федеральных судов, в его теории судебного приговора, а также в его практике как судьи. Во всех этих отраслях на каждом шагу Познер преподносит противоречивые и спорные эмпирические экономические теории как часть «одной-единственной» теории максимизации богатства. В микроэкономических размышлениях он использует данную процедуру для легитимации произвольных симпатий к «затенению» рынка в распределении прав собствен-

²²² См.: *Dudziak M. Oliver Wendell Holmes as a Eugenic Reformer: Rhetoric in the Writing of Constitutional Law*// *Iowa Law Review*. Vol. 71. 1986. P. 833. В данной работе представлен анализ риторической структуры решения Холмса по делу «*Бак против Белла*» в контексте его приверженности политике движения за евгенику.

²²³ *Scheiber H. N. Law and the Imperatives of Progress: Private Rights and Public Values in American Legal History*// J. Roland Pennock, J. W. Chapman (eds). *Nomos XXIV: Ethics, Economics and the Law*. New York: New York University Press, 1982. P. 303–320.

ности, а также его внешних эффектов с целью способствования максимизации богатства. При этом он никак не упоминает про распределительные последствия данных процессов, он попросту утверждает истинность каузальной теории, согласно которой беднейшие в конечном счете выигрывают от увеличения состояния богатейших, данная теория позволяет доказать, что его судейская практика соответствует интересам «общества». В своем анализе перегрузки федеральных судов, когда ему это нужно, Познер использует модель спроса-предложения, однако он достаточно произвольно от нее отказывается (правда, не признавая этого) и утверждает без каких-либо аргументов, что уровень спроса на федеральные юридические ресурсы слишком велик, поэтому они должны стать куда более затратными для тяжущихся сторон. Изучив громогласные заявления Познера о том, что экономический анализ играет важную роль в таких сферах, как тест из дела *«Мэтьюза против Элдриджа»*, а также Первая поправка, я указал на то, что все его заявления — это много шума из ничего. Большая часть вопросов, с которыми сталкивается суд, занимающийся данными отраслями права, не может быть разрешена с помощью экономического анализа, так как существуют конкурентные решения, вытекающие из конкурентных экономических теорий. Рассмотрев рекомендации Познера для судей и законодателей, призванные сделать суды более эффективными, мы вычленили целый ряд предложений, призванных помочь бережно использовать юридические ресурсы. Эти предложения не вытекают из экономической теории Познера и оказываются несовместимыми с ней. Когда я проанализировал его судебную практику, то выяснилось, что он сам не придерживается собственных рекомендаций, например, он игнорирует всевозможные виды судебных ограничений, в том числе и те, которые, в принципе, должны вытекать из его «микротеории» юридической эффективности.

Познер использует судебные ограничения настолько, насколько это ему нужно, он с радостью нарушает вышеперечисленные принципы, пытаясь популяризовать собственные неоклассические теории экономики труда и антитрестового законодательства. Он представляет эти экономические теории лишенными противоречий, хотя на самом деле они далеки от этого. Познер скрывает их антиэгалитаристские распределительные последствия, делая вид, что это всего лишь «побочные продукты» его научной теории распределения. Но как только доказывается, что его теория распределения не менее противоречива, чем утверждение о том, что если вы возьмете мои активы и сможете мне за них заплатить, однако не станете этого делать, то наше общее благосостояние улучшится, тогда факт того, что «право и экономика» есть не более чем плохо замаскированная идеология, призванная легитимировать неравенство, вызванное рыночными отношениями, становится бесспорным. Удивляет, что данные аргументы, будучи отвергнутыми экономистами, занимающимися экономикой благосостояния, способны оказывать такое влияние на юристов. Это красноречивое свидетельство того, что интеллектуально обанкротившаяся доминирующая идеология вполне может сохранять свою власть.

IV. Совокупные концепты в политических дискуссиях

Политические теоретики нередко игнорируют тот факт, что дискуссии относительно подobaющего устройства политической жизни обычно зависят от реляционных тезисов, подразумевающих акторы, действия, легитимность и цели. Если бы они этого не делали, тогда бы к ним пришло понимание следующего: отстаивать в поглощающем массу времени споре один из альтернативных взглядов попросту глупо. Ниже я собираюсь разобрать целый ряд дискуссий о природе права, закона, автономии, пользы, свободы, добродетели и справедливости с целью доказать свой тезис. Далее я докажу, что политические теоретики нередко склонны мыслить в понятиях *совокупных концептов*. Они редуцируют то, что на самом деле является реляционным тезисом, до тезиса наличия неких отношений. Это не просто затуманивает анализируемый феномен, но также продуцирует нескончаемые споры, неразрешимые потому, что противостоящие друг другу альтернативы оказываются уязвимыми в своих же собственных понятиях. В конце я предлагаю несколько своих объяснений того, почему совокупные концепты сохраняются в политической теории, и указываю пути исправления такого положения дел.

АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ПРЕВОСХОДСТВА АВТОНОМИИ

Принцип вреда Джона Стюарта Милля, превознесение Исайей Берлиным «негативной» свободы над «позитивной», защита анархизма Робертом Полом Вольфом,

тезис Джона Ролза о «приоритете свободы», а также отрицание Робертом Нозиком «образцовых» теорий справедливости — все это примеры теорий, согласно которым индивидуальная автономия является приоритетной политической целью, а все остальные цели могут получить оправдание лишь в той степени, в какой они согласуются с ней. В силу того приоритета, которым в них пользуется принцип индивидуальной автономии, данные позиции нередко называются антителеологическими, антиконсеквенциалистскими, деонтологическими или неокантианскими. Однако автономия становится для людей ценностью в силу каких-то соображений, она не существует изначально, просто дожидаясь, пока мы не начнем ею заниматься. Не является она и чем-то напоминающим зубы, то есть тем, что есть у каждого человека и что не хотелось бы терять без всяких на то причин. Как еще давным-давно доказал Джеральд Маккалум — младший, любое утверждение о свободе или автономии лишь в самой незначительной степени подразумевает отсылку к акторам, сдерживающим (или эмансипирующим) условиям, а также действиям. Каждый раз, когда мы встречаемся с понятием «свобода», всегда имеет смысл уточнять: *кто* свободен, *от каких* ограничений и *для каких* действий (или *в силу каких* условий)? Я разделяю подход Маккалума, однако модифицирую его в двух отношениях. Во-первых, когда мы ведем речь о политической свободе, вмешивается четвертое понятие, связанное с легитимностью; его можно помыслить в категориях вопроса «*почему?*»: в силу каких оснований актер является свободным? Во-вторых, тезисы Маккалума о свободе вполне применимы и для куда более широкого класса политических понятий. По крайней мере, идеи права, справедливости и общности позволяют говорить об аналогичных реляционных структурах. Едва ли сегодня в журналах можно встретить упоминание о независимости, свободе или автономии без подобострастных отсылок к аргумен-

там Маккалума. Однако конкретное содержание его позиции так и не получило никакого широкого распространения. Например, Уильям Парент утверждает, что следование схеме Маккалума есть необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы выдвинуть тезис о свободе¹. Собственно, Маккалум никогда этого и не отрицал. Его целью была критика концептуальных споров о смысле слова «свобода», он показал, что львиная доля подобных дискуссий на самом деле ведется вокруг различных переменных выведенной им триады. Триада же сама по себе пуста. Теоретикам свободы вместо метаанализа «видов» свободы, обрекающего дискуссии на бесконечно повторяющиеся циклы, лучше бы переключиться на аргументы, касающиеся обозначенных им соотношений².

Еще одно искажение позиции Маккалума можно встретить у Квентина Скиннера, который пытается доказать, что республиканские воззрения Макиавелли на свободу стоят выше современных доктрин «негативной свободы». Скиннер утверждает, что взгляды Маккалума — всего лишь еще одна разновидность теории «негативной свободы», а «постольку, поскольку анализ Маккалума подразумевает негативное понимание свободы как отсутствия ограничений актора в выборе, значит, такое понимание [то есть понимание того, что „единственно возможная согласованная концепция свободы — это концепция негативной свободы“] лежит в основе его собственного подхода и также всех вытекающих отсюда подходов»³. Но суть те-

¹ Parent W. A. Some Recent Work on the Concept of Liberty // *American Philosophical Quarterly*. 1974. Vol. 11. No. 3. July. P. 149–167.

² MacCallum Jr. G. C. Negative and Positive Freedom // P. Laslett, W. G. Runciman, Q. Skinner (eds). *Philosophy, Politics and Society*, Fourth Series. Oxford: Blackwell, 1972. P. 174.

³ Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // *Журнал политической теории*. 2010. № 1. С. 175.

зиса Маккалума в том, что *все* подходы к осмыслению свободы содержат в себе как позитивные, так и негативные элементы; что либертарианцы, придерживающиеся концепции негативной свободы, обращают внимание прежде всего на второй компонент его триады (вопрос «от чего?»), тогда как либертарианцы, выступающие за позитивную свободу, фокусируют внимание на третьем компоненте (вопрос «для чего?»). Конечно, он признает, что любые интеллигибельные концепции независимости или свободы подразумевают то или иное представление об ограничениях или их отсутствии, но именно в силу того, что *данный* элемент не может быть приравнен к *концепции свободы* как таковой, разговор о свободе от принуждений или ограничений не делает понимание данного феномена «негативным». От оппозиции негативный/позитивный следовало бы воздерживаться, так как ограничивающие и поощряющие условия могут быть запросто переописаны как прямые противоположности. Заключенный несвободен по причине запертой двери или же отсутствия ключа? Таким образом, считать негативный или позитивный язык указанием на логическое различие попросту ошибочно⁴. Некоторые представители герменевтического подхода не согласятся с данной позицией, они будут утверждать, что понятие значит ровно то, что имеют в виду те, кто им пользуется⁵, однако я не считаю Скиннера одним из них, да и Маккалум писал отнюдь не для таких людей. Его тезис заключался в том, что как повседневные, так и академические дискуссии в данной области крайне запутанны. Этот взгляд широко распространен, чуть ниже я попытаюсь наметить более комплексный подход к пониманию отношений между структурой политиче-

⁴ MacCallum. Negative and Positive Freedom. P. 182, n. 9.

⁵ См. мою работу: Shapiro I. Realism in the Study of the History of Ideas // History of Political Thought. 1982. Vol. 3. No. 3. November. P. 568–569.

ской грамматики и представлениями людей об этой структуре.

Мой завершающий пример неудачной попытки понять Маккалума — это Ролз⁶. В работе «Теория справедливости», посвященной свободе, поднимается вопрос о подходе Маккалума. Ролз пишет: «Я просто буду предполагать, что любую свободу всегда можно объяснить с помощью указания на три вещи: свободные действующие субъекты, ограничения, от которых они свободны, и то, что они свободны делать или не делать»⁷. Однако почти все, что было сказано Ролзом о свободе, противоречит приведенной выше цитате. Например, его идея о том, что первый из выделенных им двух принципов защищает свободу, тогда как второй, касающийся социального и экономического неравенства, совершенно очевидно ей противоречит⁸. Если бы Ролз воспринял анализ Маккалума всерьез, то он бы увидел, что первый принцип нельзя мыслить в отрыве от второго. Экономическое неравенство влияет на способность людей совершать действия, что, в свою очередь, составляет львиную долю того, что, согласно данному анализу, подразумевается под свободой⁹. Трудно понять, почему перечисляемые Ролзом свободы — «политические свободы, сво-

⁶ Данный анализ Ролза опирается на более детальное рассмотрение его идей в одной из моих работ: *Shapiro I. The Evolution of Rights in Liberal Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1986. P. 218–225.

⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 182.

⁸ Там же. С. 66–67.

⁹ Правота данного положения становится еще более очевидной, учитывая предпосылку Ролза о «высоких рисках»: в условиях умеренного дефицита низшие слои общества могут ощущать себя максимально неуверенно, поэтому с точки зрения их видения общества утилитаризм должен быть отвергнут. Там же. С. 150–156.

бода совести, свобода мысли»¹⁰ — получают приоритет над всеми иными свободами; непонятно, как они могут быть гарантированы без рассмотрения вопросов экономики, о которых речь идет в его втором принципе. Попытка Ролза обойти данные трудности лишь еще больше запутывает ситуацию:

Неспособность воспользоваться своими правами и возможностями в результате бедности или невежества, а также общего недостатка средств иногда включается в число ограничений, определяющих свободу. Я, однако, утверждать этого не буду; вместо этого я буду считать, что эти вещи влияют на ценность свободы, ценность для индивида прав, определяемых первым принципом... Свобода представлена всей системой общегражданских свобод, в то время как ценность свободы для индивидов и для групп зависит от их способности преследовать свои цели в рамках, заданных системой¹¹.

Неравенства в *значимости* свободы регулируются принципом различия. Они вторичны по отношению к определению самих свобод и никогда не могут привести к их переосмыслению. Ролз определяет «свободу» вне зависимости как от способности людей ею пользоваться, так и от путей ее использования. Вся суть анализа Маккалума заключалась в демонстрации бессмысленности такого подхода. Ролз открыто солидаризируется со стандартным негативным либертарианским пониманием свободы, по сути, он поддерживает идею Нозика о праве на автономию как «сферу в нравственном пространстве», которая никогда не может быть потревожена без согласия ее «владельца»¹². Постоянные отсылки в «Теории справедливо-

¹⁰ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 66.

¹¹ Там же. С. 184.

¹² В данном пункте Ролз прямо сравнивает свою позицию с позицией Нозика, утверждая, что его «базовые свободы», защищаемые первым принципом, являются неотчу-

сти» и иных работах к «точке зрения самой свободы», «приоритету свободы» и «принципу равной свободы»¹³ показывают, что он так никогда и не осознал реляционный характер свободы.

Данная ошибка бросает тень на весь «деонтологический» проект Ролза. Он противопоставляет его таким «телеологическим» теориям, как утилитаризм. Однако данное разделение столь же проблематично, что и дихотомия негативное/позитивное. В утилитаризме Ролзу не нравится определение истинности «как того, что максимизирует благо», поскольку из данного определения следует, что «в принципе нет возражений против того, чтобы большие приобретения одних должны бы быть компенсированы меньшими потерями других»¹⁴. В противоположность этому принципы Ролза предназначены быть «процедурными выражениями категорического императива», тут он пересекается с Нозиком, притязавшим на то, что его концепция прав как «побочных ограничений» якобы способна сохранить кантианскую автономию¹⁵. Тот факт, что и Ролз, и Нозик отстаивают свои деонтологические концепции через отсылку к тому, что они называют несчастными *следствиями* утилитаризма, прояс-

ждаемыми и, «следовательно, не могут быть ни отвергнуты, ни ограничены никаким соглашением граждан, не могут они и быть аннулированными совокупными коллективными предпочтениями» (Rawls J. Social Unity and Primary Goods // A. Sen, B. Williams (eds). *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. P. 159–185). Это куда более сильная — по сравнению даже с Нозиком (он полагал, что правами можно торговать, в некоторых обстоятельствах можно даже пренебрегать ими за те или иные компенсации) — формулировка негативной либертарианской позиции. Дополнительные подтверждения данных тезисов см.: Rawls. *Social Unity and Primary Goods*. P. 171ff.

¹³ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 185, 187.

¹⁴ Там же. С. 35, 37.

¹⁵ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 51–57; Ролз Дж. Теория справедливости... С. 225.

няет следующий момент: консеквенциалистское мышление оказывается решающим в той аргументации, которую они используют для отстаивания собственных принципов. В случае Ролза оба его принципа оказываются по своей сути консеквенциалистскими. Тезис о том, что нам всем следует обладать полной системой базовых свобод, совместимой с точно такими же свободами для всех, требует, раз уж Ролз начинает перечислять особые институциональные свободы, якобы соответствующие данному критерию эмпирической (хотя и глубоко имплицитной) теории того, какая именно система на такое способна. Апелляция к принципу различия происходит именно потому, что он якобы препятствует некоторым дистрибутивным последствиям.

Нозик также основывает свой тезис о том, что права-как-побочные-ограничения могут заслужить уважение лишь в силу принципа Парето, на заводящем в тупик утверждении, согласно которому данный принцип не является телеологическим и не касается «конечного состояния». Это ложно не только потому, что раз уж он прибегает к консеквенциалистскому понятию «внешних эффектов» для оправдания принудительного вовлечения с компенсациями тех анархистов, которые отказываются присоединиться к его минимальному государству, значит, он со всей очевидностью принял межличностные сравнения полезности со всеми ее телеологическими следствиями¹⁶. Нозик также просто

¹⁶ В отсутствие предпочтений относительно «конечного состояния» минимального государства у нас нет никаких оснований полагать, что внешние эффекты отказа индипендентов присоединиться к доминирующим защитным ассоциациям Нозика — то есть боязнь членом данных ассоциаций угроз, исходящих от индипендентов, — оправдывают их насильственное вовлечение. В качестве альтернативы индипендентов можно принудить к компенсации за тот страх, который они вызывают у членов ассоциаций.

вынужден принять более общий консеквенциалистский тезис о том, что рыночное присвоение никогда не будет противоречить второму условию Локка, которое предъявляет эксклюзивному присвоению следующее требование: после него всем остальным в целом должно остаться столько же благ как по качеству, так и по количеству¹⁷. Оба используют консеквенциалистские аргументы не в силу недостатка философской проницательности, но прежде всего потому, что иначе невозможно отстаивать любые субстанциальные принципы права или справедливости, просто невозможно не использовать соображения, которые Кант называл «антропологическими». Это было очевидно для Канта¹⁸, но данный аспект ускользнул от рассматриваемых исследователей, склонных мыслить свободу в понятиях сфер, окружающих индивидов, — «гиперплоскостей» в нравственном пространстве, если воспользоваться фразой самого Нозика. Если тезис о существовании прав одновременно хотя бы отчасти является тезисом о том, *на что* это права, то не нужно удивляться тому, что теоретики права имплицитно предполагают некую эмпирическую теорию того, как именно создаются и распространяются объекты ценности, по отношению к которым у людей возникают права. Надежда Ролза на то, что политическая теория может носить «строго дедуктивный характер», напоминающий «нравственную геометрию», полностью игнорирует данный момент¹⁹.

¹⁷ Нозик Р. Анархия, государство и утопия... С. 222–232.

¹⁸ В работе «Спор факультетов» при обсуждении феномена благополучия Кант утверждает, что «благополучие беспринципно и для того, кто им пользуется, и для того, кто его доставляет (один полагает его в одном, другой — в другом), потому что главное — в материальном начале воли, которое эмпирично и не может быть подведено под общее правило» (Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. М. Левиной // И. Кант. Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 104).

¹⁹ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 119.

Все то же самое может быть сказано в адрес попыток Рональда Дворкина разделить вопросы «принципов» от вопросов «политики» на том основании, что первые — зона судебной власти — касаются прав, а вторые — зона законодательной и исполнительной власти — последствий применения этих прав. Его недавние формулировки данной идеи уже вызывали массу самой суровой критики²⁰. Дворкину должно быть очевидно: что-то не так, если ценность прав доказывается через апелляцию к неким якобы ужасным последствиям утилитаризма²¹, ведь тем самым показывается абсурдность тезиса о том, что права никак не связаны с последствиями их применения. Точно так же должно быть очевидно, что и более общее разделение скрывает куда больше, чем выявляет: все нормативные утверждения о политике подразумевают отсылку как к принципам, так и к последствиям, какими бы глубоко имплицитными они ни были. Законодатели могут игнорировать принципы не больше, чем судьи могут ими пользоваться без всякого упоминания о последствиях.

Наверное, наиболее яркую иллюстрацию той путаницы, которая порождается консеквенциалистской/антиконсеквенциалистской дихотомией, можно найти у Роберта Пола Вольфа, который утверждает, что лишь единодушная прямая демократия может быть названа системой, в принципе не нарушающей категорический императив. Вольф не анализирует данную дихотомию в открытую, однако он допускает, что правила принятия решений могут быть критически оценены и без отсылки к последствиям; данное положение является

²⁰ См., например, обзор работы Дворкина «Дело принципа», написанный Брайаном Барри и опубликованный в издании *Times Literary Supplement* (1985, October 25), также см. обзор Бернарда Уильямса в *London Review of Books* (1986, April 17. P. 7–8).

²¹ *Dworkin R. A Matter of Principle*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 81–89ff.

существенным для его аргументации. Любые разновидности правила большинства, по мнению Вольфа, оказываются спорными на том (имплицитно конвенционалистском) основании, что проблемы электрических циклов и контроля над повесткой неизбежно нарушают автономию некоторых членов общества. Единодушие не приводит к такому результату, так как ничто не может быть сделано до тех пор, пока каждый с этим не согласится. Проблемы единодушия для Вольфа — пусть даже они и неразрешимы — носят сугубо практический характер²². Однако здесь игнорируются последствия единодушия как *правила принятия решений*. Если прямая демократия, преданная идее единодушного решения, будет голосовать по любому вопросу, нарушающему *status quo*, и окажется перед фактом разногласий, тогда правило будет требовать сохранения сложившегося положения дел. Но такой поворот, в свою очередь, нарушит автономию тех, кто выступил против *status quo*. Данной трудности можно будет избежать, если предположить, что сложившееся положение дел является результатом единодушных решений (то есть мы предполагаем, что люди не меняют своих мнений, но почему мы должны это предполагать?), однако это невозможно. Сам факт рождения и смерти значит, что кто-то (а через несколько поколений все) обязательно окажется в ситуации *status quo*, которую он не выбирал.

Анализ Вольфа достаточно причудлив, но не без значительных идеологических последствий. Трудности, связанные с правилом большинства, давали многим теоретикам общественного выбора, начиная с Бьюкенена и Таллока, основания сомневаться во всех формах активности государства, покоящихся на данном правиле. Тем самым более привлекательной делалась идея государственного минимализма, так как

²² Wolff R. P. In Defense of Anarchism. New York: Harper & Row, 1970. P. 22–27.

она ближе всего приближалась к (как известно, недостижимому) идеалу единодушия²³. Отход от принципа единодушия может быть обоснован не тем, что «это приведет к „лучшим“ коллективным решениям (это не так), само количество издержек, связанных с достижением единодушного решения, просто вынуждает отойти от режима «идеального» правления»²⁴. Как только мы взглянем на единодушие как на *правило принятия решения*, его ложность тут же станет очевидной. Именно потому, что либертарианцы мыслят свободу и автономию как сферы, окружающие индивидов, игнорируя при этом их реляционный характер, они полностью упускают данный момент.

История путаницы вокруг негативного либертарианского понимания свободы может быть прослежена как минимум до теории закона природы Локка²⁵. Как утверждал Локк, закон природы «следует отличать от естественного права, ибо право состоит в том, что мы имеем возможность свободно распоряжаться какой-либо вещью, тогда как закон есть то, что повелевает или запрещает нам делать нечто»²⁶. Таким образом, право качественно отличается от закона, первое обо-

²³ Более подробное рассмотрение трудностей, связанных с единодушием как правилом принятия решений, см.: Rae D. W. Decision-rules and Individual Values in Constitutional Choice // American Political Science Review. 1969. Vol. 58. No. 1. March. P. 40–56; Rae D. W. The Limits of Consensual Decision // American Political Science Review. 1975. Vol. 69. No. 4. December. P. 1270–1294. Общий обзор см.: Barry B. Political Argument. Hertfordshire: Harvester Wheatsheaf, 1990. P. 242–285, 312–316.

²⁴ Buchanan J. M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. P. 96.

²⁵ Нижеследующее рассмотрение Локка отчасти опирается, а отчасти переосмысливает идеи о нем, изложенные мной в следующей работе: Shapiro I. Evolution of Rights. P. 100–118.

²⁶ Локк Дж. Опыты о законе природы // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 4.

значает способность к автономному действию, тогда как второе значит внешне навязываемые обязательные ограничения. Однако уже как минимум со времен Канта было известно, что мое право на X одновременно является вашей обязанностью уважать мое право, пусть даже она понимается в минималистском смысле хохфельдианской обязанности уважать мою негативно определяемую свободу²⁷. Кроме тех случаев, когда речь идет о сугубо описательном подходе к праву в духе естественных прав Гоббса, к которому Локк явно не стремился, концепция прав обязательно влечет за собой видения закона и обязательств. Хотя он и темнит местами, но все же из «Опыта о человеческом разумении», «Второго трактата о правлении» и «Разумности христианства», а также из ранних работ о законах природы следует, что Локк понимал законы природы как естественные права Бога. Таким образом, нет никакого противоречия между признанием аналитического примата права у Локка и исследованиями последних лет в духе интерпретативизма, указывающими на центральные точки его теологии в ее применении к политике²⁸.

Локка не до конца устраивал подобный взгляд²⁹. Если закон природы привязан к воле Бога, тогда он вполне может быть изменен этой волей. Но если за-

²⁷ В понятиях Хохфельда, хотя юридической «противоположностью» права и считается «не-право», его юридическим «коррелятом» является «обязанность», прилагаемая к некоему третьему лицу как обязанность уважать данное право. *Hohfeld W.N. Fundamental Legal Conceptions as Applied to Juridical Reasoning*. New Haven: Yale University Press, 1923. P. 65ff.

²⁸ См.: *Dunn J. The Political Thought of John Locke*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1969; *Tully J. A Discourse on Property: John Locke and His Adversaries*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1980. P. 35–79; *Ashcraft R. Locke's Two Treatises of Government*. London: Allen & Unwin, 1987. P. 35–80.

²⁹ Более подробно см.: *Kenny A. The God of the Philosophers*. New York: Oxford University Press, 1979. P. 16–22.

кон природы — это набор правил, соответствующий рациональной природе вещей, значит, сам Бог не в силах по своей прихоти изменить закон, значит, закон природы обязателен даже для Бога, а следовательно, он будет иметь силу, как писал Гуго Гроций, даже если бы Бога не было³⁰. Локк хотел сохранить как свой знаменитый тезис о том, что в нравственности, подобно математике, возможны исчерпывающие доказательства, так и свое учение о теологическом волюнтаризме, который делал волю Бога, а значит, и *Его* естественное право предшествующей основой законов природы. Все это привело к напряжению в его взглядах на закон природы между волюнтаристской теологией и теорией действия, с одной стороны, и его убеждением в том, что закон природы есть часть неизменного естественного порядка, с другой³¹. Его путанные и нередко противоречивые утверждения о природе, содержании и доступности естественного права продолжают оставаться предметами дискуссий³². Однако несомненно то, что естественное право, чем бы еще оно ни было, является, согласно Локку, волей Бога. Из частого использования им метафор ремесленничества и часовщика в «Двух трактатах» и иных работах³³,

³⁰ Подробнее см.: предисловие фон Лейдена к работе Локка «Опыты о законе природы» (*Leyden von W. Introduction, Locke J. Essays on the Law of Nature. Oxford University Press, 2002. P. 52ff*).

³¹ Текстуальные подтверждения см.: *Shapiro. Evolution of Rights. P. 100–112*. Более полное рассмотрение теологического волюнтаризма Локка см.: *Riley P. Will and Political Legitimacy: A Critical Exposition of Social Contract Theory in Hobbes, Locke, Rousseau, Kant and Hegel. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. P. 87ff*.

³² Очень полезный пример одной такой дискуссии см. во введении фон Лейдена к работе Локка «Опыты о законе природы»: *Leyden von W. Introduction, Locke J. Essays on the Law of Nature. Oxford University Press, 2002. P. 43–60*.

³³ *Tully. A Discourse on Property. P. 35–36ff*.

столь мастерски описанного Джеймсом Талли, следует, что Локк полагал человека обязанным Богу, ведь у последнего были свои цели при сотворении первого³⁴.

Таким образом, Локк расчищал путь для современных учений о примате права, пусть даже он и применял данный принцип безоговорочно лишь к действиям Бога, — действия человека свободны лишь в тех рамках, которые заданы законом природы или естественным правом Бога³⁵. Там, где закон природы молчит, нас уже ничто не может сдерживать. По той причине, что Бог создал человека обладающим свободной волей и способностью к автономному действию, люди могут сами для себя создавать законы и обязательства. «Поэтому каждый человек благодаря своей организации в качестве разумного существа подчинен необходимости того, чтобы его воля определялась его собственными мыслями и суждением о том, что для него всего лучше сделать, иначе мы подчинялись бы

³⁴ «Все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым творцом... они являются собственностью того, кто их сотворил, и существование их должно продолжаться до тех пор, пока ему, а не им это угодно» (*ЛоккДж. Два трактата о правлении* // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т.3. С.265). Подобно Ньютону Локк отвергал аристотелевский тезис о том, что мир не сотворен, а материя является вечной, на том основании, что данная гипотеза «отрицает первое великое дело бога — сотворение» (*ЛоккДж. Опыт о человеческом разумении* // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т.2. С.106). Более подробное обсуждение см.: Tully, A Discourse on Property. P. 37; Dunn. Political Thought of John Locke. P. 95.

³⁵ Данные рамки трактовались как достаточно широкие. Если речь не об идее о нарушении законов природы, то человек волен поступать так, как ему захочется, он волен сам накладывать на себя обязательства своими собственными автономными действиями, так как «...мы обязаны исполнять лишь то, что законодатель каким-то образом указал нам и дал понять, что он этого хочет» (*ЛоккДж. Опыт о законе природы* // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т.3. С.38).

чьему-нибудь чужому, а не своему собственному решению, что означает отсутствие свободы»³⁶. В рамках границ, заданных природой, человек, как отмечает Талли, может действовать подобно Богу: «Человек как творец... имеет соответствующее знание творца о своих намеренных действиях (и естественное право на них)»³⁷. Как только Бог исчезает из картины мира, данная асимметричная модель права и закона приводит к исчезновению всяких ограничений человека помимо его собственной воли, отсюда наследники Локка приходят к невыполнимой задаче по выведению набора определенных политических институтов только и исключительно из идеи автономной индивидуальной воли.

Сложность выполнения данной задачи была в центре внимания либералов со времен Локка. В этом суть спора Сиджвика с Кантом³⁸. Данная проблематика задает контуры дискуссии классических и неоклассических утилитаристов вокруг «ординарной» и «кардинальной» полезности³⁹, она же лежит в основе противоречия, обнаруживаемого у Милля, между его принятием утилитаризма в ранние годы и позднейшей приверженностью принципу вреда. Надежда на то, что одной автономии индивидуальных волей хватит для конструирования необходимых политических институтов, предопределила очень многое в современных дискуссиях, а тот факт, что множество специфических решений данной задачи потерпело крах, объясняется банальной невозможностью институтов, способных одновременно защищать автономию всех людей в ка-

³⁶ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. Т. I. М.: Мысль, 1985. С. 314–315.

³⁷ Tully. A Discourse on Property. P. 109–110, 121.

³⁸ Об этом подробнее см.: Ролз Дж. Теория справедливости. С. 226–229.

³⁹ Об этом см.: Shapiro. Evolution of Rights. P. 169, 214–218, 260–262, 285–287.

ком-то непонятном общем смысле этого слова. Различные институты по-разному приносят пользу разным людям. Именно поэтому различные охраняющие автономию институты в современной политической теории так легко могут быть парированы контрпримерами. Идея автономии, которая чаще всего всплывает в работах либеральных теоретиков, оказывается недостижимой; ей не хватает учета той реляционной специфики, о которой я говорил выше. Сторонники данной идеи избегают упомянутой специфики именно потому, что ее разработка подорвет тот деонтологический дух, который их вдохновляет.

Нигде это не прослеживается с такой ясностью, как в работе Милля «О свободе». В самом начале Милль делает свое знаменитое замечание: «Люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения»⁴⁰. Единственное оправдание для такого вмешательства — попытка «предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие». Строго говоря, это отнюдь не аргумент в пользу приоритета права, так как для Милля существенно, что последствия причинения вреда другим не пройдут незамеченными для государства. Однако в отношении «частных» действий, которые не подпадают под категорию «вреда другим», никакая третья сторона никогда не сможет получить привилегию вмешиваться в дела индивидов. Здесь право выше блага. В терминологии Ролза перед нами телеологически ограниченная деонтологическая система, в терминологии, более близкой теоретикам общественного выбора, перед нами кардинально ограниченная ординарная система.

⁴⁰ Милль Дж. Ст. О свободе // пер. с англ. А. Н. Неведомского. N. Y.: Chalidze publications, 1982. С. 16.

Как уже указывалось, тезис Милля предполагает некоторую концепцию того, что такое вред, где именно проходят границы «частной» сферы действий и кто уполномочен это определять. Трудности, встающие здесь перед философией, неисчислимы⁴¹. Нам остается лишь заметить, что как только Милль доходит до проблемы применения своего принципа в реальном мире, ему приходится допустить вторжение в подсчеты вреда соображений о цели, а также противоречивых суждений об общественном благе. Так, в главе «Применения» он замечает, что всякий раз, как кто-то преуспеет на переполненной конкурентами стезе или победит в конкурсе, «получается выгода от потерь, от неуспеха и вообще от неудач других». Однако волновать нас здесь должен отнюдь не вред, так как «общепризнано, что это не только не вредит, а, напротив, даже полезно для интересов человечества, чтобы люди стремились к достижению своих целей, не останавливаясь перед такого рода последствиями, т.е. не останавливаясь перед тем, что достижение ими их целей сопряжено с вредом для других». Точно таким же образом свободной торговле (пусть даже кто-то полагает себя ею обделенным) оказывается предпочтение перед различными системами регулирования ценообразования на том общепринятом основании, что «теперь, после продолжительной борьбы, пришли, наконец, к тому сознанию, что как дешевизна, так и хорошее качество товаров достигаются всего лучше при том условии, когда и производителю, и продавцу пре-

⁴¹ Наиболее серьезные из них касаются непреднамеренных последствий действия, а также бездействия. Также серьезные трудности возникают в связи с вопросом о множестве возможных описаний одного и того же действия. Данные вопросы рассмотрены в следующей работе: *Anscombe G. E. M. Modern Moral Philosophy / W. D. Hudson (ed.). The Is-Ought Question: A Collection of Papers on the Central Problems in Moral Philosophy. London: Macmillan. P. 175–195.*

доставляется полная свобода»⁴². Милль явно апеллирует к консенсусу относительно общественного блага, а также к партикуляристским и дискуссионным теориям, касающимся его эффективного обеспечения. Данный аспект как минимум дополняет, если не аннулирует, принцип вреда. В своей чистой форме принцип вреда оказывается недостижимым именно потому, что существует целый ряд сфер социальной жизни, в которых просто необходимо проводить определенную политику, неизбежно наносящую вред какой-то части населения.

Единственная серьезная попытка Милля разобраться в данном вопросе — это проводимое им различие между речью и действием: простая речь никогда не может быть проинтерпретирована как нанесение вреда, тогда как действие в некоторых (теоретически неразъясняемых) обстоятельствах вполне может. Он пишет:

Так, например, мнение, что хлебные торговцы — виновники голода, который терпят бедные, или что частная собственность есть воровство, — такое мнение, конечно, должно быть неприкосновенно, пока не выходит из литературной сферы, но оно может быть справедливо подвергнуто преследованию, если выражается перед раздраженной толпой, собравшейся перед домом хлебного торговца, или же распространяется в этой толпе в форме воззвания⁴³.

Отсюда следует то, что сам Милль признавать отказывается: требуется некий принцип, предшествующий принципу вреда, который бы сообщал нам о том, когда именно последний может быть задействован. Подобно тому, как принцип Парето утверждает распределительный *status quo*, допуская лишь добровольные транзакции, принцип вреда Милля

⁴² Милль Дж. Ст. О свободе... С.192.

⁴³ Там же. С.108.

имеет тот же структурный предрассудок⁴⁴. Попробуем развить пример Милля: если хлебные торговцы действительно являются виновниками голода, если частная собственность действительно является воровством, то было бы наивным полагать, что обнародование данной информации через прессу убедит торговцев и иных собственников отказаться от своей сомнительной прибыли. Данные факты доказывают серьезные изъяны теории политики, которой недостает четкой теории власти. В работе «О свободе» в качестве фонового убеждения, регулирующего воплощение принципа вреда, выступает вера в то, что нерегулируемые рынки способствуют утилитаристской эффективности (в другой работе он сам усомнился в данном положении). Подобно всем остальным принципам права или автономии принцип вреда не может быть оценен вне контекста своего содержания и своих целей в каждом конкретном случае, то есть вне контекста компонентов своей реляционной структуры.

Таким образом, работа «О свободе» является важным документом в истории либеральной идеологии не только потому, что она бросает вызов классической утилитаристской теории ценности (это было сделано до Милля неоднократно), но еще и потому, что Милль попытался переопределить утилитаризм с целью сделать доктрину индивидуальных прав притягательной для либерального сознания. С тех пор либералы стремились или защищать деонтологические теории индивидуальных прав, имплицитно опираясь на утилитаристскую теорию ценности и цели, или делать обратное — отстаивать версию утилитаризма, которая якобы сохраняет индивидуальную автономию как побочный продукт максимизации эффективности. Эксплицитная диалектика либеральной теоретической аргументации заключается в постоянном чередова-

⁴⁴ Указанием на эту параллель я обязан Дугласу Рэ.

нии различных разновидностей автономии и полезности; имплицитная — в смешении данных кантианских и бентамовских проблем, либо через невыраженные каузальные допущения о принципах функционирования рынков, либо через политические принципы, которые если и не повторяют тезисы о рынке, то как минимум созвучны им. Все это объясняет как подсознательную привлекательность проекта Милля для тех, кто симпатизирует рыночной системе, так и равнодушные к ней тех, кто имеет другие экономические предпочтения. Реальный спор должен вестись не по поводу «важности» «автономии». Скорее, требуется понять, зачем она нужна: какие устойчивые принципы политической и экономической организации создают и поддерживают свободы и для кого, а также с какими издержками для остальных это будет связано. Теперь нам должно стать очевидным, что простой вопрос о том, является ли свобода и автономия высшей ценностью, попросту глуп.

АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ПРЕВОСХОДСТВА ЦЕЛИ

Настало время увидеть, что львиная доля коммунистических аргументов против превосходства автономии также бьет мимо цели. Некоторые критики неокантианцев ловят их на слове, когда те заверяют, что у них или вовсе нет концепции блага, или они занимают нейтралитет среди множества конкурирующих «рациональных» концепций⁴⁵; критики возражают против *такой* позиции. Большинство же следуют за Санделом, утверждая, что «тонкие» теории в духе Ролза оказываются куда плотнее, чем то полагают их сторонники; при этом критики не испытывают ни-

⁴⁵ См. например: Bloom A. Justice: John Rawls vs. the Tradition of Political Philosophy // American Political Science Review. 1975. Vol. 69. No. 2. June. P. 648–662.

какой симпатии к той плотности, которую они высматривают. Для Сандела приверженность либерализма принципу примата справедливости, а также следующему отсюда принципу превосходства права делает сам либерализм принципиально неудовлетворительным⁴⁶. Отделяя публичное от частного, либерализм признает лишь за последним конституирующую роль культурных приложений. Деонтологический либерал полагает, что «хотя в частной сфере мы и конституированы плотно, в сфере публичного мы остаемся абсолютно свободными, именно здесь начинает преобладать принцип превосходства справедливости» и мы оказываемся «погруженными в обстоятельства, которые перестают от нас зависеть». Помещая культурное «Я» вне политики, либерализм «превращает деятельное начало человека в пункт веры, а не в объект постоянного внимания и заботы, в предпосылку политики, а не в ее хрупкое достижение»⁴⁷. Как полагает Сандел, превращение интимностей наших культурных приверженностей в эксплицитную теорию политического блага позволит нам создать более приемлемое политическое сообщество, чем то, что получается в результате ущербного деонтологического видения. Но это не освободит нас от необходимости формулировки некоей концепции права; всеобъемлющая теория политики должна охватить личности, действия, критерии легитимности, равно как и цели, но все это не может быть выведено из одних только принципов, которых придерживаются либералы. Хотя гоббсовское видение множественности людских страстей и не способно породить государство, которое было бы нейтрально по отношению к ним (вопреки ряду мнений, да и сам Гоббс так не считал, что доказывает-

⁴⁶ *Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982. P. 11–14.*

⁴⁷ *Ibid. P. 183.*

ся мной в одной из работ⁴⁸), он был абсолютно прав, утверждая, что блага должны всегда пониматься относительно с теми лицами, которые о них заявляют⁴⁹. Из тезиса о том, что любая нравственность носит телеологический характер, не следует невозможность существования различных конфликтных благ для разных лиц, живущих в одних и тех же, но при этом все же разнородных перекрывающихся сообществах.

Позиция Сандела, согласно которой справедливость относится именно к миру «незнакомцев», материализованному в деонтологическом видении, которое он отрицает, искажает те частные сообщества, в которых мы живем, а также стимулирует появление такой теории политики, которая будет не в силах вместить анализ с предлагаемой мной реляционной точки зрения. Во-первых, сама посылка о том, что справедливости нет места в нашей частной общинной жизни, попросту неверна. В семье, этом парадигмальном примере частного сообщества, скрепленного узами близости и привязанности, справедливость и чувство справедливости играют самую существенную роль. Валюта семейной жизни — не право голоса, не экономическое благосостояние, но забота и близость. Едва ли последние могут быть распределены на основе принципа достоинства, нужды, эффективности или иных принципов Ролза, они регулируются иной очень мощной системой этикета, которая, будучи нарушенной, при-

⁴⁸ *Shapiro I. Evolution of Rights.* P. 55–59, 275, 282–284.

⁴⁹ Таким образом, Аристотель был не прав, определяя «благо» как то, «чего все желают... Так как для различных людей предметами влечения и отвращения являются различные вещи, то должно существовать много вещей, которые для одних — благо, а для других — зло... нельзя говорить о благе *безотносительно к кому-либо*, ибо оно всегда есть благо для каких-нибудь людей или для какого-нибудь человека» (*Гоббс Т. Основы философии. О человеке* // Т. Гоббс. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. I. С. 239–240).

водит к остро ощущаемой несправедливости и иногда конфликту. Ребенок, видящий, что его любят или уважают меньше остальных, жена, оскорбленная мужем, будут естественным образом ощущать: была поправа некая экономия любви и чувств⁵⁰. Идея о том, что существующие частные сообщества представляют собой своего рода мерило постполитической политики, предполагает «розовый» взгляд на эти сообщества, правомерность которого сам Сандел нигде не обосновывает. Наравне со счастливыми и стабильными семьями, благословенными изобилием, здоровьем и процветанием, существуют и несчастные семьи, которых тоже немало. Язык справедливости задействуется всякий раз, как речь заходит о дефиците и конфликте вокруг благ, существенно важных для того или иного сообщества.

Куда более романтической является попытка других коммунитаристов основать постполитическое общество не на базе некоего уже существующего частного сообщества, но на базе того сообщества, которое еще только должно быть создано. При таком подходе необходимость в системе справедливости может быть устранена лишь после того, как все причины сегодняшнего конфликта и дефицита окажутся устранены. Таково было воззрение раннего Маркса, который считал, что коммунистическое общество будет отличаться от всех остальных тем, что в нем изобилие богатства избавит человека от конфликта, порождаемого

⁵⁰ Вместе с Уолцером, Макинтайром и иными мыслителями я полагаю, что общественные блага не могут быть сведены в единый список. Однако в отличие от них я уверен, что наиболее интересные в политическом плане конфликты распределения случаются не между «сферами» или «практиками», но внутри них, когда люди начинают спорить по поводу того, как именно следует определять благо в той или иной сфере. *Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, 2000; Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. New York: Basic Books, 1983.*

дефицитом. Блага будут распределяться на основе потребностей, а государство уступит место простому администрированию. Нередко считается, что подобный взгляд будет вполне убедителен, если только удастся разработать теорию потребностей, которая позволит отличать их от желаний. Желания, как указывают буржуазные экономисты, бесконечны, следовательно, бесконечен и связанный с ними дефицит, потребности же вполне конечны. Детально проработанная теория потребностей вполне способна дать ту архимедову точку, которая позволит ограничить навязываемые рынком желания, сделав тем самым экономию потребностей, не подчиняющуюся дефициту, как минимум реальной возможностью.

Данный подход предполагает статичный и нереалистичский взгляд на потребности человека⁵¹. Такие спасительные технологии, как машины для диализа или искусственные сердца, удовлетворяют потребности, а не желания, однако востребованность подобных инноваций просто не имеет границ. Как только мы берем во внимание технологические изменения, то сразу оказывается, что человеческие потребности бесконечны, дефицит и вытекающий отсюда конфликт неизбежны, равно как неизбежен язык политики и распределительной справедливости. Политический конфликт — существенная составляющая социального бытия человека. Просто абсурдно полагать, что моделирование политики на основе нынешних или прошлых частных сообществ или же на основе воображаемых сообществ из прошлого или будущего по-

⁵¹ Временами Маркс формулировал куда более динамичную концепцию потребностей, например, в «Капитале» он указывал на следующее обстоятельство: то, что мы понимаем под средствами к существованию, является социально и исторически обусловленным. Однако Маркс так и не согласовал данное понимание потребностей с пониманием коммунизма как постоянного состояния изобилия.

зволит искоренить феномен потребности в системе справедливости⁵².

Именно поэтому авторы типа Поукока затемняют проблему куда больше, чем разъясняют ее, когда противопоставляют «центрированную на законе парадигму» либерализма, в которой индивид «рассматривается как населяющий космос, регулируемый рациональными и нравственными принципами», где даже Бог «рассматривается как *lex loquens*⁵³, причем даже его бытность источником загадочной благодати никак не влияет на этот образ», «ориентированной на добродетель» альтернативе гражданско-гуманистической «разновидности» «дискурса» о политике, являющейся не «философской и правовой», но скорее облаченной в альтернативный «подчеркнуто прерывистый» набор терминов, «сталкивающийся с иными проблемами и задействующий иные стратегии речи и аргументирования»⁵⁴.

Не удивительно, что Поукок описывает данные парадигмы в терминах «негативной» и «позитивной свободы». Либеральная свобода — это свобода от политики, негативное ограничение власти других (принци-

⁵² Многие современные марксисты стараются дистанцироваться от утопических притязаний марксистской политики. См., например: *Sirianni C.* Production and Power in a Classless Society: A Critical Analysis of the Utopian Dimensions of Marxist Theory // *Socialist Review*. 1981. Vol. 59. P. 33–82; *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics. New York: Verso, 1985; *Isaac J.* Power and Marxist Theory: A Realist View. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. Chap. 6. Вопрос, волнующий данных мыслителей, заключается в следующем: есть ли в отстаиваемой ими политике хоть что-то марксистское, учитывая, что классический марксистский *те- лос* был ими отвержен?

⁵³ Говорящий закон (*лат.*). — *Примеч. перев.*

⁵⁴ *Pocock J. G. A.* Virtue, Commerce and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. P. 39.

пиально, но не исключительно, власти государства). В противоположность этому

республиканский набор терминов, используемый *dictatores*⁵⁵, риторам и гуманистами, отражает позитивную концепцию свободы: суть ее в том, что *homo*⁵⁶, воодушевленный *политик*, был так задуман, что его природа получает свое полное завершение лишь в *vita activa*⁵⁷, воплощаемой в *vivere civile*⁵⁸, и что *libertas*⁵⁹ состоит в свободе от всего того, что мешает практике подобной жизни⁶⁰.

Тогда как либеральная юриспруденция склонна «занижать уровень политического участия и отрицать тезис о том, что человек по самой своей природе является существом политическим», занятым тем, что «можно перераспределить, занятым вещами и правами», классическая республиканская позитивная свобода склонна, наоборот, превозносить участие, опираясь на аристотелевское суждение о том, что все мы являемся политическими животными.

Республика или *полития* решила проблему власти и свободы, сделав *quisque* (каждого) соучастником той власти, которая им управляет; отсюда следуют отношения равенства, которые предъявляют человеку очень суровые требования; но если учитывать, что он *κατὰ φύσιν*⁶¹ создан для подобной гражданской жизни, значит, быть таким — его «природа», «сущность» или «добродетель». Однако природа может быть развита, но не распределена; невозможно рас-

⁵⁵ Диктаторы (лат.). — Примеч. перев.

⁵⁶ Человек (лат.). — Примеч. перев.

⁵⁷ Деятельная жизнь (лат.). — Примеч. перев.

⁵⁸ Гражданская жизнь (лат.). — Примеч. перев.

⁵⁹ Свобода (лат.). — Примеч. перев.

⁶⁰ Pocock J. G. A. *Virtues, Rights and Manners: A Model for Historians of Political Thought // Political Theory*. 1981. Vol. 9. No. 3. August. P. 357.

⁶¹ Согласно природе (др.-греч.). — Примеч. перев.

пределить *телос*, можно распределить лишь средства его достижения; таким образом, добродетель не может быть сведена к вопросам права⁶².

Следовательно, законы республики, «*lois*⁶³, которым подчиняется *vertu politique*⁶⁴ Монтеские, оказываются в гораздо меньшей степени *regulae juris*⁶⁵ или средствами разрешения конфликтов, чем *ordini* или «порядками»; они являются формальной структурой, внутри которой развивается и получает свое завершение политическая природа»⁶⁶.

Поукок вынужден признать, что республиканская традиция всегда подразумевала некую концепцию распределения и легитимности: «Если граждане соучаствуют в общем благе, они должны распределить между собой его компоненты, они должны распределить даже различные формы участия в этом распределении». Аристотелевский, полибиевский и цицероновский анализ изнутри республиканской традиции показал, что «данные модели в высшей степени разнородны, они могут комбинироваться в целом множестве комплексных паттернов; политическая наука в смысле науки о *политии* выбрала данный аспект в качестве своего предмета изучения». Однако Поукок продолжает утверждать, что раз добродетель, которую должны реализовывать все эти разнородные модели распределения средств, не может быть редуцирована до этих средств, значит, «республиканская или политическая концепция добродетели выходит за пределы юриспруденции, а значит, и справедливости в том смысле, как ее понимают юристы»⁶⁷. Сама эта фраза должна нарек-

⁶² Rosock J. G. A... P. 358, 359.

⁶³ Законы (лат.). — Примеч. перев.

⁶⁴ Политические добродетели (лат.). — Примеч. перев.

⁶⁵ Правовые нормы (лат.). — Примеч. перев.

⁶⁶ Rosock J. G. A... P. 359.

⁶⁷ Ibid. P. 358.

нуть Поукоку, что его дихотомическая классификация неверна. Лишь потому, что он опирается на неправдоподобное допущение о том, что либеральная позиция редуцирует политику до концепции закона и права, он может апеллировать к альтернативному и «прерывистому» республиканскому набору терминов, редуцирующему ее до концепции социального блага.

С нашей реляционной точки зрения, отнюдь не удивительно, что весь историографический спор, начатый Поукоком, провозгласившим республиканизм альтернативной парадигмой (пусть даже он и имел в виду периоды, когда это различие в парадигмах существовало⁶⁸), нагнал больше тумана, чем пролил света. С одной стороны, многие комментаторы не преминули обратить внимание на то, что либерализм всегда покоился на той или иной концепции добродетели⁶⁹. С другой стороны, было подмечено, что такие авторы, как Харрингтон, которых Поукок называет парадигмальными республиканцами, использовали очень много понятий из либерального словаря законов и ценностей⁷⁰. Как и бывает

⁶⁸ Формулировки последних лет см.: Ibid. P. 353–368.

⁶⁹ Например, см.: *Galston W. A. Defending Liberalism // American Political Science Review. 1982. Vol. 76. No. 3. September. P. 621–629; Smith R. M. Liberalism and American Constitutional Law. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 13–59; Kloppenberg J. T. The Virtues of Liberalism: Christianity, Republicanism and Ethics in Early American Political Discourse // Journal of American History. 1987. Vol. 74. No. 1. June. P. 9–33.*

⁷⁰ О Харрингтоне см.: *Isaac J. Republicanism vs. Liberalism: A Reinterpretation. History of Political Thought. 1988. Vol. 9. No. 2. Summer. P. 349–377; Burt S. Private Interest, Public Passion and Patriot Virtue: Comments on a Classical Republican Ideal in English Political Thought; данная работа была представлена в Фолджеровском институте изучения Ренессанса и XVIII столетия (1986. October 23–24). Критический анализ республиканизма как альтернативной парадигмы для Америки см.: *Greenstone J. D. Political Culture and American Political Development: Liberty, Union and the Liberal Bipolarity // K. Orren, S. Skowronek (eds). Studies in American Political Development. Vol. 1. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 1–49.**

со всеми историографическими прихотями, бесконечные искажения, призванные спасти главный тезис, нивелируют его объяснительную мощь. Целый ряд разнородных теоретиков внезапно оказываются республиканцами: например Адам Смит, который, как известно, открыто отрицал стандартные республиканские положения⁷¹. Даже Локк оказывается на грани включения в это новое прочтение сквозь призму гражданского гуманизма раннесовременной политической мысли⁷². В свете изначальной мотивации Поукока очень иронично выглядит его разочарование от склонности как марксистов, так и штраусианцев придавать слишком большое значение либерализму Локка и обнаруживать со времен Макиавелли повсюду, куда бы они ни заглянули, либо подъем буржуазных форм мысли, либо упадок западной цивилизации⁷³. Моя позиция заключается не в том, что более скрупулезно проработанная парадигма позволит разрешить эти трудности, но что подобно тому, как либерализм всегда принимал концепции блага и добродетели за нечто само собой разумеющееся, так и представители республиканской традиции всегда озадачивались вопросами закона и легитимности (пусть и имплицитно), ведь любая правдоподобная теория политики нуждается как в пер-

⁷¹ См.: *Winch D. Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1980. Хорошую критику см.: *Harpham E. J. Liberalism, Civic Humanism and the Case of Adam Smith // American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. No. 3. September. P. 764–774.

⁷² Хотя Руфь Грант и не причисляет Локка к числу гражданских гуманистов, она все же утверждает, что его учение «абсолютно совместимо с сообществом во множестве его форм, а также с сильными общинными институтами». *Grant R. Locke's Political Anthropology and Lockean Individualism // Journal of Politics*. 1988. Vol. 50. No. 1. February. P. 42–63.

⁷³ Пример звучного разоблачения «парадигмы либерализма» Поукоком см.: *Pocock. Virtue, Commerce and History*. P. 59–62.

вом, так и во втором⁷⁴. Хотя Поукок и признал правоту данной критики, он никогда нигде не разбирал ее подробно⁷⁵.

Некоторые авторы действительно считали себя выразителями идеала гражданского гуманизма, который они противопоставили некоему иному идеалу, однако с нашей стороны было бы ошибочно верить им на слово. Следующие факты просто должны навести нас на подозрения: глашатаи гражданского гуманизма апеллируют к различным и нередко конфликтующим концепциям

⁷⁴ Ризенберг подвергает критике ранние версии «альтернативной парадигмы» гражданского гуманизма, например, в формулировке Ганса Барона (1966), указывая, что гражданство в итальянских республиках определялось по преимуществу в правовых терминах, а отнюдь не в гуманистических терминах, например, *vita active* (деятельная жизнь) или *vivere civile* (гражданская жизнь). *Baron H. The Crisis of the Early Italian Renaissance*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1966; *Riesenberg P. N. Civism and Roman Law in Fourteenth-century Italian Society // Explorations in Economic History*. 1969. Vol. 7. No. 1–2. Fall/Winter. P. 237–254.

⁷⁵ *Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 83; *Pocock. Virtues, Rights and Manners*. P. 355. Обратите также внимание на то, что такие историки, как Гордон Вуд и Бернард Бейлин, которые первыми обратили внимание на важность европейских республиканских идеалов для формирования американской революционной идеологии, никогда не утверждали, что данные идеалы представляют собой «парадигму», альтернативную либерализму. Наоборот, книги обоих ученых свидетельствуют о сосуществовании двух парадигм и даже об их поддержке позиций друг друга. См.: *Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции*. М.: Новое издательство, 2010; *Wood G. S. The Creation of the American Republic*. New York: W. W. Norton, 1969. P. 73, 91–96, 100, 137ff. Данные ученые также стремились опровергнуть прогрессивистские трактовки причин Американской революции. См.: *Wood G. S. Rhetoric & Reality in the American Revolution // William and Mary Quarterly. Third Series*. 1966. Vol. 23. No. 1. January. P. 3–32.

добродетели⁷⁶; идея свободы играет столь существенную роль в обеих «парадигмах»; наконец, американские революционеры-республиканцы были просто одержимы вопросами закона и легитимности. Нет никакого суточного политического «языка добродетели» (или «закона»). Любые воззрения на политику подразумевают концепции добродетели и легитимности, не сводясь при этом ни к одной, ни к другой. Самый интересный вопрос — вопрос о том, какие именно это концепции, однако такая постановка проблемы нередко отходит на второй план перед бездумной оппозицией двух больших концептов. Поукок и «новые историки», естественно, могут парировать, что они — в полном соответствии с герменевтическими процедурами⁷⁷ — занимаются реконструкцией понятий спора в том их виде, как они понимались самими участниками событий прошлого⁷⁸. Однако мой анализ выявляет реальные ограничения используемой ими методологии: если в основе аргументации автора лежит ряд допущений, касающихся целей или легитимности (не всегда очевидных для самого автора), то выявить их — самое интересное занятие, но чрезмерное же увлечение намерениями автора приводит к полному игнорированию такой постановки вопроса. Если политическая дискуссия следует через поверхностные противопоставления совокупных концеп-

⁷⁶ Бурт выделяет три такие концепции: *Burt. Private Interest, Public Passion.*

⁷⁷ Их анализ см. в моей работе: *Shapiro I. Realism in the Study of the History of Ideas // History of Political Thought. 1982. Vol. 3. No. 3. November. P. 535–578.*

⁷⁸ Например, Так блестяще использует деление на «активные» и «пассивные» права как инструмент экзегетики в своем анализе средневековых теорий естественных прав. Насколько же более совершенным было бы его исследование, осознай он свою дихотомию как одну из первых версий дихотомии позитивной/негативной свободы и задайся он вопросом о внутренней согласованности данных теорий. *Tuck R. Natural Rights Theories: Their Origin and Development. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1979. P. 5ff.*

тов — закон *против* добродетели, «негативная свобода» *против* «позитивной свободы», право *против* блага — и эти оппозиции оказываются систематически искаженными, то значит, перед нами проблема, требующая объяснений. Вне зависимости от того, смогут ли «новые историки» обосновать свой подход и сделать данные вопросы чем-то излишним, современные коммунитаристы, например, Макинтайр и Сандел, ратующие за возрождение интереса к республиканизму как нормативному базису якобы альтернативной теории политики, просто не могут данных вопросов избежать.

То, что Сандел трактует как границы справедливости, на самом деле есть границы политизации сообществ. Провозглашая сообщество вне политики, провозглашая его частью частной сферы, мы выводим его из-под политической критики. Так, когда Нозик утверждает, что вождельный взгляд «использует» женщину, нарушая «категорический императив», считая при этом, что данное «использование» никак не может быть названо политическим, он постулирует крайне узкий взгляд на политику⁷⁹. Однако общепризнанные границы политики все время меняются, отражая тем самым политическую борьбу. Когда закон перестает априори отрицать возможность супружеского изнасилования и прописывает его как преступление отдельной статьей, значит, случилось то самое изменение границ. Дихотомия публичное/частное в той или иной своей распространенной формулировке полностью упускает подобные сложности⁸⁰. Те, кто апелли-

⁷⁹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия... С. 54.

⁸⁰ Об изменении законов, касающихся супружеского изнасилования, см.: To Have and to Hold: The Marital Rape Exemption and the Fourteenth Amendment// Note, Harvard Law Review. 1986. Vol. 99. No. 6. April. P. 1255–1273. Проблемы, связанные с меняющимися концепциями политической реальности, очень умело разбираются Уильямом Коннолли: Connolly W. E. Appearance and Reality in Politics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. P. 63–89.

рует к идее справедливости в традиционных частных сообществах, например, в семьях, — это те, кто страдают от власти или отношений распределения внутри них. Общий закон (хотя тут возможны бесчисленные исключения) гласит, что притесняемые пытаются политизировать свое положение и сделать его нелегитимным, угнетатели, наоборот, пытаются деполитизировать свой статус, тем самым легитимизировав его. Предполагать, что отношения дефицита, власти и доминирования, делающие битвы за политизацию неизбежными, либо не существуют в частной сфере, либо исчезнут, как только произойдет возврат к некоей идиллической публичной сфере или будет создано новое пространство частного, значит, демонстрировать свой романтизм. Однако отсюда вовсе не следует вывод Фуко о том, что раз все социальные структуры — исторические, реальные и только возможные — подражают отношениям власти, доминирования и дефицита, значит, все они на одно лицо. Одни структуры могут быть гораздо предпочтительнее других; на мой взгляд, спор об этом должен быть в центре нашего внимания. Но пока дискуссия ведется в терминологии «быть сообществу или не быть», такой спор даже не может начаться, для него не будет достаточно-го лингвистического пространства. Нам требуется понять, как различные сообщества влияют на различных акторов, по-разному преследующих разные цели; приверженность «сообществу» второго порядка сможет нам помочь в этом деле не больше, чем приверженность «автономии» второго порядка.

ВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Почему политические теоретики нередко столь слепы в отношении реляционной структуры основных концептов политики, причем это касается даже тех из них, кто на словах благоговейно снимает перед этими структурами шляпу? Два составляющих элемен-

та правдоподобного — пусть и неполного — ответа на данный вопрос должны касаться, во-первых, разделения труда и структуры стимулов в академической среде; во-вторых, природы наших ожиданий от политики и политической теории.

Признание реляционного характера политики влечет за собой теоретический холизм, угрожающий нашему месту в структуре интеллектуального разделения труда, так как данный холизм подразумевает потребность в субстанциальном междисциплинарном знании. Например, если всеобъемлющая теория прав требует концепцию того, *на что* это права, то последняя, в свою очередь, требует осмысления того, как именно производятся и распределяются вещи, на которые предъявляются права, то есть требует политической экономии. Если теория свободы отчасти является теорией поощряющих и ограничивающих условий, тогда многие (если не большинство) наиболее политически важные вопросы окажутся эмпирическими вопросами о том, как именно эти условия функционируют. То же самое может быть сказано и про добродетель — если теоретики способны прийти к согласию относительно ее смысла, то затем они должны сосредоточить свое внимание на каузальных механизмах: какие институты способствуют каким добродетелям, какие у этого есть издержки и на кого они ложатся — все это требует знания динамики институтов. Наиболее очевидно вышесказанное может быть применено к идеям таких исследователей, как Макинтайр: он пользуется понятием добродетели, которая, будь она успешно воплощена в политических институтах (для меня это сомнительно), потребует институтов, столь отличных по масштабу и организации от сегодняшних, что у нас есть лишь небольшое количество причин считать их чем-то принципиально реализуемым. Коммунитарист, столкнувшись с такой критикой, вполне может найти достойный ответ, но я хочу лишь подчеркнуть, что сегодня подобные дискуссии

отсутствуют. Они отсутствуют как в стане защитников «единственно возможных» добродетелей, так и в стане поборников «единственно возможного» прочтения Конституции в свете высшего закона или закона природы. Тот факт, что оппоненты отрицают условия ведения дискуссии друг друга, апеллируя к альтернативным масштабным концептам, позволяет им уверить в том, что использование языка добродетели или закона природы позволит решить проблему. Однако это не так. Каждая состоятельная политическая позиция включает в себя ту или иную теорию закона природы и ту или иную теорию добродетели. Нам следует вести дискуссии об осуществимости и желательности той или иной позиции.

Однако я вовсе не стремлюсь повторить тезис Юма о том, что если решить все фактические вопросы, никаких нравственных вопросов не останется. Эмпирические вопросы, лежащие в основе львиной доли нормативных политических дискуссий, будь то вопрос о том, способствуют ли рыночные ассигнования общему процветанию, или же вопрос о том, увеличивается или же уменьшается рецессия в результате дефицит-спендинг, настолько идеологически нагружены, что у нас есть все основания сомневаться в возможности их окончательного разрешения⁸¹. Скорее, мне бы хотелось усомниться в том, что нравственные вопросы могут быть отделены от эмпирических. Понятия, относительно которых делаются политические суждения, — это составные части смысла этих суждений, они являются эмпирическими лишь в некоторой степени. Таким образом, мой подход несовместим с видением политической теории либо как царицы социальных дисциплин, либо как изолированной субдисципли-

⁸¹ Есть также и вполне философские причины, чтобы утверждать: однозначное разрешение вопросов, связанных с контрфактуальностью и множественностью описаний, едва ли возможно. См.: *Shapiro I. Evolution of Rights.* P. 291–295.

лины в рамках политической науки или философии. Политическую теорию лучше всего мыслить как последовательную социальную критику⁸². Последняя волей-неволей оказывается предписывающей, ведь она касается теоретических объяснений условий нашего существования, а также возможности или желательности их изменения, кроме того, она неминуемо дескриптивна, так как это критика конкретного набора переменных — изменяющихся отношений дефицита, власти и пределов, определяющих условия социальной интеракции людей. Не то чтобы сутуго концептуальные компоненты никогда не могут стать предметом аналитической дискуссии, просто сама эта дискуссия никуда не приведет, так как она будет представлять собой обсуждение частей сложных концептов, как если бы эти части представляли собой самодостаточное целое.

Когда политические теоретики апеллируют к совокупным концептам, они, по сути, совершают двойную редукцию. Во-первых, они редуцируют комплексные реляционные идеи к одному или другому термину, другие же термины концептуализируются имплицитно (при этом данная имплицитная обработка отрицается). Во-вторых, они редуцируют субстанциальные разногласия относительно того или другого понятия в реляционном споре до разногласий, которые якобы касаются смыслов самих понятий, тем самым те-

⁸² Однако данную идею не следует путать с концепцией «связанной критики», суть которой в подчеркивании эмоциональной связи критика с тем, что он критикует. Уолцер М. Алжирская война Альбера Камю // М. Уолцер. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-пресс, 1999. См. также: Walzer M. Interpretation and Social Criticism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. P. 35–66. По причинам, излагаемым мной в иной работе, взгляды Уолцера сталкиваются с серьезными трудностями. См.: Political Criticism. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990. Ch. 3.

зис о «сущностной состязательности»⁸³ превращается в самосбывающееся пророчество. Я отнюдь не отрицаю существования состязательных концептов (вне всякого сомнения, такие имеются), я лишь утверждаю следующее: нет никаких оснований полагать, что все нормативные концепты политики, если их поборники спорят, обязательно противоречат друг другу. Глашатаи тезиса о сущностной состязательности уж слишком быстро перескакивают от поверхностных разногласий к своим заключениям. В этом отношении показательным является пример спора вокруг негативной/позитивной свободы. Если спор о том, какие законы наиболее эффективно побуждают акторов к совершению тех или иных действий, представляется как разногласие относительно того, что протагонисты имеют в виду под словом «свобода», тогда вероятность прихода к какому-то общему выводу или уменьшается, или исчезает вовсе.

Бесконечное противостояние совокупных концептов едва ли было задумано как средство быстрого продвижения по академической лестнице, однако без всякого преувеличения можно сказать: мы все профессионально заинтересованы в существовании относительно автономного дискурса политической теории, который сохраняет себя именно через постоянную подпитку собственными противоречиями. Сама наша способность обеспечивать себе пропитание зависит от сохранения данного положения дел. Красота сложившейся ситуации в том, что до некоторой степени участники этих споров вполне искренни в отстаивании своих позиций. Именно потому, что политические теоретики утверждают и отстаивают совокупные концепты в качестве организующих идей политики, они с неизбежностью оказываются уязвимыми перед кри-

⁸³ Данное понятие было популяризировано Бернардом Гэлли: *Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. P. 167–198.*

тическими атаками и тонким анализом острых умов. Хуже того, данные теоретики еще и вознаграждаются. Чеканные, но слабые концепты, не способные объяснить то, что они пытаются объяснить, привлекают прилежных исследователей с меньшим воображением, которые критикуют, защищают, модифицируют, усиливают, перерабатывают, в общем, канонизируют изначальную формулировку. «Добродетель» Поукока, «побочные ограничения» Нозика, «сообщество» Сандела, «автономия» Вольфа, «принцип вреда» Милля, «полезность» Бентама (ограничимся этими примерами) — все эти концепты роднит следующее: их авторы отчеканили фразу, воплощающую совокупный концепт и тем самым притягивающую внимание, а значит, и провоцирующую на несогласие. Проблема не в том, что коммунитаристы, критикующие деонтологический либерализм, не правы или что либералы, волнующиеся по поводу тиранического влияния коммунитаристских альтернатив, заблуждаются. Как сторонники автономии, так и сторонники сообщества правы относительно дефектов друг друга. Следовательно, их спор — о законе, праве, полезности, автономии, телеологии, деонтологии, сообществе — может продолжаться до бесконечности.

Данные споры еще более усиливаются нашими ожиданиями от политической теории. У нас есть очень сильная потребность свести сложное к простому, выдвинуть элегантные обобщения, делающие жизнь понятной, осмысленной и предсказуемой. Мы хотим выводить нравственные нормы из небольшого числа бесспорных предпосылок (если уж не из одной-единственной). Именно это делает совокупные концепты столь привлекательными. С недавних пор наблюдается тенденция к уничижительному отношению данных проектов к занятиям «фундаментализмом», они все чаще рассматриваются как обреченные попытки завершить картезианский и кантианский проект помещения философии на прочный фундамент науки, смо-

делированной по лекалам евклидовой геометрии. Новые контекстуалисты хотели бы, чтобы мы навсегда забросили данные проекты ввиду их абсолютной безнадёжности. По той причине, что мой подход вполне может создать впечатление моей принадлежности к их лагерю, я бы хотел в заключение обозначить причины, по которым сам призыв покончить с «фундаментализмом» вытекает из ложной диагностики проблемы; собственно, сама оппозиция между «фундаментализмом» и «контекстуализмом» есть лишь еще одна вводящая в заблуждение дихотомия.

В ситуации, когда один из наиболее последовательных сторонников контекстуализма утверждает, что он пытается «расчистить площадку» для обоснования антифундаменталистского подхода⁸⁴, следует в высшей степени подозрительно отнестись к тезису о том, что «контекстуализм» представляет собой осмысленную альтернативу «фундаментализму». У контекстуализма есть множество слабых мест, но два интересуют нас особенно⁸⁵. Во-первых, ни один контекстуалист не предла-

⁸⁴ Herzog D. Without Foundations: Justification in Political Theory. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985. P. 27.

⁸⁵ Фундаментализм в том смысле, в каком он понимается здесь, подразумевает в том числе и неокантианских теоретиков. Но обратите внимание: некоторые исследователи, например, Тиммонс, утверждают, что аргументы Ролза носят антифундаменталистский характер, так как они представляют собой согласованное видение этического обоснования, основанное на «широком рефлексивном равновесии» (Timmons M. Foundationalism and the Structure of Ethical Justification // Ethics. 1987. Vol. 97. No. 3. April. P. 595). Схожий тезис может быть выдвинут и в связи с опорой Брюса Аккермана на диалог в его работе «Социальная справедливость в либеральном государстве»: Social Justice in the Liberal State. New Haven: Yale University Press, 1980. Данные вопросы слишком сложны, чтобы их можно было здесь рассматривать, но в другой своей работе я утверждал, что из аргументов Ролза, опирающихся на «рефлексивное равновесие», не следуют те выводы, которые он делает. Скорее, его аргументы лишь предваряют выводы. Доводы в пользу его принципов должны выстоять

гает нашему вниманию убедительного причинного анализа нашей потребности в достоверности. Рорти с Макинтайром в один голос утверждают, что это пережиток ошибок философов прошлого и что, соответственно, мы вполне можем от него избавиться, пусть для этого и потребуются переучиваться, — это и будет философским эквивалентом терапевтического освобождения⁸⁶. Помимо откровенной иронии, заключающейся в использовании крайнего волюнтаризма в качестве основы отвержения картезианского проекта, данный поворот еще и способен завести нас в тупик. Потребность в достоверности куда древнее так называемого проекта Просвещения, имплицитно она подразумевается во всех религиях мира. Как утверждал молодой Сартр, это механизм психологического отрицания. Ее корни в нашем ужасе перед мимолетностью всех вещей, в том числе и нас самих. Мы можем избавиться от этого ужаса не больше, чем мы можем перестать быть мыслящими существами. Игнорирование данного факта лишит теоретиков понимания того, почему люди продолжают конструировать фундаменталистские теории, какими бы рахитичными те ни были и какими бы серьезными ни были их провалы в попытке объяснить тот или иной феномен.

Что более важно, данные теории рискуют остаться без идеологической силы упрощающих архитектурных предпосылок, которые являются отражением

или пасть в свете так называемой «кантианской интерпретации». *Shapiro*. *Evolution of Rights*. P. 234–246. Обычно неокантианцы враждебно относятся к контекстуальным аргументам. См.: *Dworkin R. To Each His Own* // *New York Review of Books*. 1983. April 14. P. 4–6; также см.: *Spheres of Justice: An Exchange* // *New York Review of Books*. 1983. July 21. P. 43–46.

⁸⁶ Макинтайр А. После добродетели. С. 34; Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского Университета, 1997; Некоторые из этих трудностей были разобраны мной в следующей работе: *Shapiro I. Political Criticism*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990, особенно см. главы 2 и 5.

потребности в отрицании необъяснимой сложности и неопределенности. «Слишком много нот!» — именно это, что, к своему ужасу, осознал юный Моцарт в фильме «Амадеус», гарантирует пренебрежение со стороны тех, кто наделен государственной властью. Вспомните политическую выгоду, которую Рональд Рейган извлек в 1980 г. из тезиса, что демократы заблуждаются, когда говорят о сложности стоящих перед страной проблем, а также о границах легитимности; его посыл был таков: *есть* простые решения, республика *может* покоиться на прочном основании. Политический теоретик, недооценивающий социологические и психологические стремления, выражением которых служит подобная упрощающая идеология, рискует быть обойденным любым человеком с политическим чутьем. Таков Лиотар со своим необоснованным утверждением, согласно которому в культуре «постмодерна» «великий рассказ утратил свое правдоподобие вне зависимости от того способа унификации, который ему предназначался: спекулятивный рассказ или рассказ об освобождении»⁸⁷. Но что такое бравый консерватизм «новых правых», как не великий рассказ? Именно потому, что у людей есть сильная нужда в унифицирующих, упрощающих, утешающих, всеобъясняющих фундаменталистских концепциях, над которыми они могут развернуть свои знамена, люди так легко поддаются под влияние совокупных концептов, при этом реляционная структура нравственной и политической грамматики данных концептов нередко остается для них полностью непрозрачной. Великие рассказы часто представляют собой *всего лишь* совокупные концепты, превратившиеся в политические идеологии.

Из всего этого можно извлечь следующий стратегический урок: те, кто желает оказывать влияние на мир,

⁸⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н. А. Шматко. М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998. С. 92.

должны формулировать и отстаивать масштабные концепты, пусть даже понимая, что последние не лишены серьезных изъянов. Такой выбор может сделать и теоретик, однако, на мой взгляд, это подразумевает сущностные оговорки. У меня нет никаких исчерпывающих доказательств этого; однако мне бы хотелось поинтересоваться у того, кто попытается со мной спорить, не окажется ли он в результате именно Сальери, а не Моцартом. Если политическая теория хочет развиваться, ей не следует воспроизводить ходы идеологий в более утонченном и рафинированном дискурсе академии, выискивая респектабельные в интеллектуальном плане ходы говорить людям то, что они хотят услышать. Вопрос о том, *может* ли политическая теория развиваться, есть совершенно особый вопрос. Как минимум это развитие подразумевает противодействие заводящему в тупик противопоставлению альтернатив, которое тем самым само себя увековечивает, необходимо однозначно заявить о том, что субстанциальные вопросы никогда не могут быть даже до конца изложены, не говоря уже об их решении. Наверное, наивно полагать, что подобное противодействие совокупным концептам сможет оказать хоть какое-то влияние на политические дискуссии, однако у меня нет причин сходу отметить такую возможность.

По сути, подобной борьбе нет никакой альтернативы, так как последовательной научную критику делает именно базовая приверженность цели дотошности и аутентичного понимания⁸⁸. Непоследователь-

⁸⁸ Всякому, кто посчитает данный тезис слишком либеральным (в дурном смысле этого слова), следует поразмыслить над высказыванием Фуко о том, что «интеллектуал больше не должен играть роль советчика. Он не должен составлять планы для тех, кто борется и защищается, не должен придумывать для них тактику и ставить перед ними цели, интеллектуал может дать инструменты анализа...» (Фуко М. Власть и тело / пер. с франц. Б. Скуратова // М. Фуко. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. Т. 1. С. 169).

ная критика есть исключительно риторика, а если цели теоретика носят сугубо риторический характер, то они, во-первых, не будут представлять никакого интереса, а во-вторых, их едва ли удастся достичь, учитывая особенности академического языка и вообще ограничения, налагаемые академическими правилами.

Если смотреть на проблему теоретически, то ошибка контекстуалистов заключается в том, что они отождествляют один тип плохого фундаментализма со всеми попытками обеспечить наши убеждения прочным фундаментом. Как гласит их тезис, если мы не можем в дедуктивной интроспекции нащупать прочное основание для абсолютно любого знания, значит, мы должны полностью отказаться от любых усилий в данном направлении. Данный тезис идентичен тезису о том, что раз у нас нет проекта единого фундамента, на котором можно было бы выстроить — причем на века — абсолютно все здания, вне зависимости от их размера, назначения и местоположения, то нам отныне следует строить дома вообще без всякого фундамента. Если мы последуем данному совету, то построенные нами дома банально рухнут. Возможно, со временем все наши культурные артефакты и социальные структуры исчезнут, как исчезнем и мы сами, однако в данный момент это не должно нас сильно волновать. Мы должны жить в здесь-и-сейчас, выстраивая максимально прочный — вне всякого сомнения меняющийся — фундамент из имеющегося под рукой материала. Факт незавершенности и по большому счету эмпиричности любых фундаментов представляется мне очевидным; как мне кажется, такие мыслители, как Юм (которого новые контекстуалисты признали за своего), стремились нащупать случайные натуралистические основания именно в таком понимании. Однако это предмет уже следующего исследования.

V. Проблемы, методы
и теории в политической
науке, или
В чем проблема
политической науки
и что с этим делать

Мы призваны размышлять над условиями существования политической теории¹. Признаюсь, я испытываю некоторое стеснение от такой постановки вопроса, поскольку полагаю, что политические теоретики на протяжении как минимум последних пятидесяти лет отличались крайней самовлюбленностью. Все больше и больше они полагали себя занятыми особой деятельностью, отличной от иных разделов политической науки. Сфера политической теории считалась особой субдисциплиной внутри политической науки или даже альтернативой ей. Впрочем, политические теоретики не являются в данном вопросе исключением; постепенная специализация была характерна для большинства академических дисциплин последних десятилетий. Когда это обосновано, подобная специализация облегчает накопление знаний, например, в некоторых ситуациях развитие по иному пути оказывается невозможным. В физике, биомедицине и информаци-

¹ Текст первоначально написан для тридцатого юбилейного выпуска журнала *Political Theory*, в котором всем участникам задавался вопрос «Что такое политическая теория?» (2002. Vol. 30. No. 4. August. P. 596–619).

онных науках благодаря специализации произошло общее увеличение доступных знаний, о котором еще поколение назад нельзя было даже помыслить. Принцип специализации достаточно быстро был заимствован и гуманитарными науками, что проявилось в росте числа специализированных журналов, профессиональных организаций, а также доступных только посвященным дискурсов. Однако здесь зафиксировать научный прогресс гораздо труднее. В политической науке, даже когда новая подотрасль поднимает знамя междисциплинарности (как, например, в случае новой политической экономии, широко представленной в американской сравнительной политологии, поворота к социальной теории в международных отношениях или обращения к моральной философии в теоретических рассуждениях о справедливости), те, кто не «оплатил входной билет», оказываются не в состоянии понять — не то что оценить — предполагаемый вклад в развитие научного знания новых специальных отраслей.

Специализация, отделившая политическую философию от прочей политической науки, появилась и развивалась благодаря отмежеванию нормативной политической теории от эмпирической: представители политической философии, декларируя свою монополию на первую, отмежевывались от «позитивистской» политической теории. Такая ситуация представляется мне неправильной по двум причинам: во-первых, она способствовала возникновению нормативной теории, более не соотносящейся с эмпирическим знанием, хотя теоретики-классики всегда считали это недопустимым. В результате современные теоретики тратят массу времени на комментирование работ друг друга, как если бы они сами были достойным предметом изучения. Во-вторых, подобное разделение привело к тому, что эмпирическая политическая теория постепенно упрощалась, она начинала ориентироваться на метод, изолируясь от наиболее актуальных вопросов совре-

менности и концентрируясь на темах, наиболее доступных с методологической точки зрения. Оба типа теорий развивались до тех пор, пока к ним не иссяк интерес практически всех исследователей, помимо тех, кто считал себя их адептом. Подобное развитие могло сопровождаться ростом цитируемости, что вводило в заблуждение контролирующие органы, но едва ли способствовало прогрессу знаний о политике.

Недовольство данной ситуацией заставляет меня подробно комментировать сложившееся положение дел, напоминаящее беспорядок еще даже больше, чем *cogito* Декарта удостоверяло его существование. Я хочу проиллюстрировать то, что считаю одной из центральных задач политического теоретика: служить защитником истины и права, который, взирая с некоторой дистанции на практику политической науки, видит, что именно делается неправильно, и предлагает способы исправления ошибок. Подходящим девизом здесь мог бы стать призыв не давать дисциплине оторваться от реальности. Однако позвольте мне уточнить: я не считаю эту задачу единственной, я лишь хочу подчеркнуть ее важность. Если данным вопросом не будут заниматься политические теоретики, то я просто не знаю, кто еще сможет это сделать.

Некоторое время назад мы с Дональдом Грином раскритиковали современную политическую науку за ее излишнюю ориентацию на метод и недостаточную ориентацию на проблему². Наши критики обвиняли нас в том, что мы не учли проблему неизбежной теоретической нагруженности эмпирических исследований. Я согласен с сутью подобных претензий, однако готов утверждать, что они никак не влияют на наш призыв ориентироваться при проведении исследования именно на проблему. Напротив, из этой критики

² См.: Green D., Shapiro I. Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. New Haven: Yale University Press, 1994; также см. главу 2 данной работы.

следует, что главная задача политических теоретиков — вычленять, критически анализировать и предлагать убедительную альтернативу теоретическим допущениям, интерпретациям политических условий и в первую очередь описаниям проблем, лежащих в основе главных эмпирических подходов и исследовательских программ. Причем делать это нужно так, чтобы у ученых возникал интерес к новым перспективным ориентированным на проблему исследовательским подходам.

Я бы хотел здесь развить аргументы в пользу использования подходов, ориентированных на проблему, вместо подходов, ориентированных на метод. Мы с Грином обозначили эту проблему, проанализировали прежние случаи ее рассмотрения и, наконец, определили конкретные исследовательские задачи в их привязке к той прибавочной стоимости, которую может дать их решение. Мы указали на тот факт, что исследования, ориентированные на метод, приводят к эгоистической постановке проблем, неправильному использованию данных, а также ряду смежных трудностей, которые можно охарактеризовать одним старым афоризмом: если из инструментов у вас под рукой только молоток, то все вокруг начинает походить на гвоздь. Примеры включают в себя целый ряд проблем коллективных действий: проблема «безбилетника», которая каким-то таинственным образом «решается», когда едва ли кому-то вообще приходила в голову идея жить за чужой счет, или же разные ухищрения, призванные объяснить «иррациональное» голосование, когда большинство, возможно, даже не задумывалось об индивидуальных издержках и выгоде голосования. Если суммировать нашу позицию, то она звучит следующим образом: большее внимание к проблеме и меньшее к стремлению доказать полезность излюбленного подхода снижает вероятность оказаться в ситуации погони за некими эзотерическими гусями, которая едва ли способствует особому прогрессу в знаниях.

То, что мы называем ориентацией на метод, фактически представляет собой единство ориентации на теорию и ориентации на метод. В принципе, это могут быть две абсолютно разные вещи, однако в существующих исследовательских практиках они часто трансформируются друг в друга — когда, например, концепция рационального выбора называется «подходом», а не теорией. Но главное состоит в том, что ни одна, ни другая ориентация не может быть названа ориентацией на проблему; под последней понимается требование детализировать изучение проблемы так, чтобы оно не было простым следствием изначально выбранных теорий и методов. Ориентация на теорию вкупе с ориентацией на метод разрушает сами основы проблемно ориентированного знания. Конкретные пути этого разрушения будут проанализированы ниже. Однако отсюда не следует, что я знаю способ полностью избавить постановку проблем от влияния теорий и методов; я лишь настаиваю на том, что есть разные степени этого влияния.

Некоторые критики отвергли нашу позицию на том основании, что совершенствование теоретических моделей и методологических инструментов представляет собой полезное дело на благо науки в условиях разделения труда. Например, указывается, что, когда Джон Нэш выработал свою концепцию равновесия (равновесие, которое никому не приходит в голову нарушать), он и не думал о ее применении, хотя она тут же получила самое широкое распространение в политической науке³. В своей книге мы оцениваем данный подход достаточно скептически, отчасти в связи с малым процентом его успешности, а отчасти в связи с тем, что наилучшие модели все же, как правило, возника-

³ Nash Jr. J. F. The Bargaining Problem // *Econometrica*. 1950. Vol. 18. No. 2. April. P. 155–162. Для пояснений см.: *Harsanyi J. Advances in Understanding Rational Behavior* // J. Elster (ed.). *Rational Choice*. New York: New York University Press, 1986. P. 92–94.

ют именно в контексте прикладных исследований, когда налицо более тесная ориентация на эмпирические данные. Мне не хотелось бы снова воспроизводить все наши аргументы. Вместо этого я собираюсь сосредоточиться на анализе слабостей нашей с Грином дихотомии ориентация на проблему/ориентация на метод и теорию. Кроме того, я представлю результаты применения этой дихотомии в исследовании политики.

Наш исходный аргумент был встречен двумя схожими возражениями: во-первых, различие, которое мы предлагаем, на самом деле является различием без различия, во-вторых, не существует свободных от теории оценок проблем. Это серьезные тезисы, требующие более тщательного рассмотрения. Мы с Грином в своей книге не смогли рассмотреть их во всей полноте. Мой ответ выведет нас на дискуссию о существовании множества истинных описаний любого фрагмента социальной реальности. В этой дискуссии я буду ратовать за редукционистский импульс всегда выбирать лишь одно описание, наиболее подходящее к данному моменту. Отсюда мы выходим на сложную проблему выбора между конкурирующими описаниями феноменов, изучаемых политической наукой, данный вопрос рассматривается во второй части главы. Там я обосновываю позицию, согласно которой подходящий критерий для выбора из нескольких альтернатив — возможность сделать успешный прогноз. В некоторых обстоятельствах этот инструмент помогает, однако он не лишен опасности вернуть науку к ориентации на метод, когда ученые начнут тратить все свое время на безнадежные попытки усовершенствовать инструменты прогнозирования. Более того, акцент на прогнозах как критерии выбора интересующей проблемы чреват тем, что он предрасполагает исследователей политики к изучению тривиальных, податливых проблем. В поисках путей ограничить всевластие прогнозов я обращаюсь к рассмотрению иных путей оценки конкурирующих подходов. В процес-

се этого рассмотрения я утверждаю, что политические теоретики играют важную роль в тщательном изучении признанных концепций политической реальности: они выявляют их исходные эмпирические и нормативные допущения, а также указывают на альтернативные подходы. В силу того, что любое наблюдение неизбежно теоретически нагружено, изучение общепринятых подходов не должно прекращаться ни на минуту. Миссия политических теоретиков становится особенно актуальной тогда, когда общепринятые концепции политики оказываются как ложными, так и в высшей степени влиятельными, в том числе и за пределами научного сообщества.

РАЗЛИЧЕНИЕ БЕЗ РАЗЛИЧИЯ

Тезис о том, что разграничение исследований, ориентированных на проблему, и исследований, ориентированных на теорию, это различие без различия, опирается на следующее соображение: даже та деятельность, которую мы с Грином квалифицировали как ориентированную на теорию, фактически представляет собой требующую изучения проблему. Это достаточно очевидно при анализе отдельных явно ориентированных на теорию работ.

Рассмотрим, к примеру, статью, направленную мне на рецензирование журналом «*American Political Science Review*». Статья была посвящена вероятности успеха мирного перехода к демократии в Южной Африке и иных странах. В данной работе, помимо прочего, отстаивалась точка зрения, согласно которой с ростом относительного числа обездоленного большинства возможность разрешения конфликта уменьшается по следующей причине: представители обездоленного большинства, руководствуясь принципом максимизации индивидуальной полезности, оказываются перед выбором — работать или разжигать революцию. Каждый член большинства понима-

ет, что если число обездоленных будет расти, то индивидуальная выгода от революции будет уменьшаться, при условии, что экспроприированное в ходе революции будет эквивалентно распределено между экспроприаторами. Соответственно, в случае роста относительного числа обездоленного большинства последние с большей вероятностью будут направлять свою энергию на труд, а не на революционную активность, и поскольку состоятельное небольшое количество акторов понимает это, то его члены будут в самой незначительной степени расположены к переговорам, так как их число уменьшается с исчезновением революционной угрозы.

Достаточно просто описать эту модель, чтобы понять всю ее абсурдность. Даже если полагать, будто бы сокращающиеся меньшинства более склонны упорствовать в своей позиции, просто невозможно себе представить никого, кто бы всерьез рассматривал подобную логику в ее целостности. В любом случае модель представляется крайне ограниченной в вопросе о том, что именно побуждает бедняков к мятежам, она совершенно недостаточна ввиду своего невнимания к очевидно значимым факторам (например, изменение вероятности успеха революции в случае изменения числа участников). Короче говоря, модель просто непригодна. По всей вероятности, она создавалась для какой-то иной цели, а затем ее уже попытались адаптировать к изучению перехода к демократии. Я готов признать, что даже такая ориентированная на теорию работа так или иначе детализирует проблему, и одновременно я буду настаивать, что эта детализация надумана. Перед нами следствия избранной теоретической модели.

Или давайте рассмотрим неомальтузианскую теорию, выдвинутую Чарльзом Мюрреем. Согласно этой теории бедные женщины рожают детей, чтобы получать дотации федеральной Программы помощи семьям с детьми-иждивенцами (Aid to Families with Dependent

Children, AFDC) и сопутствующие привилегии⁴. Критики этой теории, например, Кац, подчеркивали, что она не может объяснить увеличение числа детей, рожденных в бедности в начале 1970-х гг., когда реальный размер подобных дотаций был незначителен и даже сокращался⁵. Ответ Мюррея (он не приводит в обоснование своей позиции ни одного доказательства) вызывает недоумение: «Возможно, социологи и знали про сокращение пособий в 1970-е гг., но вот только молодые женщины едва ли были в курсе»⁶. Это очевидный пример попытки сохранить неомальтузианский подход, пусть даже самыми причудливыми способами. Опять же здесь главное не отсутствие детализации проблемы: Мюррей пытается объяснить, почему бедные женщины склонны иметь детей. Главное в данном случае тот факт, что он, несмотря на очевидность обратного, все же пытается упорно включить в свою концепцию тезис о максимизации доходов, что позволяет утверждать, что его интересует скорее доказательство своей теории, чем понимание проблемы.

Обращаю внимание: я никоим образом не протестую против моделирования. Для того, чтобы это понять, сравним указанные выше примеры с концепцией Джона Ромера, призванной объяснить относительный дефицит политики перераспределения, реализуемый любой из политических партий в двухпартийных демократиях, в условиях ожидаемого существенного неравенства⁷. Он развивает модель, призванную по-

⁴ См.: *Murray C. Losing Ground: American Social Policy, 1950–1980.* New York: Basic Books, 1984.

⁵ *Katz M. B. The Undeserving Poor: From the War on Poverty to the War on Welfare.* New York: Pantheon, 1989. P. 151–156.

⁶ *Murray C. Does Welfare Bring More Babies? // The Public Interest.* 1994. Spring. P. 25.

⁷ *Roemer J. Does Democracy Engender Justice? // I. Shapiro, C. Hacker-Cordon (eds). Democracy's Value.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. P. 56–68.

казать, что если электоральные предпочтения оказываются выстроены по более чем одному направлению — например, «ценности» и «система распределения», — тогда медианный избиратель⁸ уже не будет склонен голосовать за нисходящее перераспределение, хотя он бы сделал это, существуя лишь одно направление этого выстраивания. Модель Ромера представляется достойной серьезного отношения (в данный момент я выношу за скобки то, насколько успешно она пройдет систематическое эмпирическое тестирование), поскольку спецификация проблемы, вызвавшая эту модель к жизни, не настолько притянута за уши, как это было в вышеописанных примерах. Совершенствование той модели, которую он предлагает для объяснения дефицита предложений по перераспределению, кажется мне достойным занятием⁹.

Данные примеры позволяют сделать следующий вывод: возражение, будто бы ориентированные на теорию исследования на самом деле детализируют проблему, неубедительно. Если постановка проблемы есть лишь следствие предварительных теоретических установок автора, то значит, эти проблемы будут казаться чем-то тенденциозным, если не ложным, всем, кроме самих сторонников этих установок. Иначе говоря, если ученый исследует некий феномен не только во имя нового знания, но еще и во имя доказательства своей теории, то надеяться на познание реальности в этом случае не приходится. Скорее всего, нам предложат натянутую и неубедительную детализацию, призванную доказать правомерность избранной некогда теории. На мой взгляд, куда разумней начать именно с проблемы: тре-

⁸ Медианный избиратель — избиратель, занимающий среднюю, центристскую позицию по какому-либо вопросу. — *Примеч. перев.*

⁹ Стоит отметить, что теория медианного избирателя достаточно спорна с эмпирической точки зрения. Ее рассмотрение см.: *Green, Shapiro. Pathologies. P. 146–178.*

буется понять условия, облегчающие или, наоборот, препятствующие демократическому транзиту; или же требуется определить, что именно влияет на коэффициент фертильности у малоимущих женщин. Затем стоит проанализировать имевшиеся попытки анализа подобных проблем, после этого уже можно переходить к поиску некоей лучшей альтернативной теории. Естественно, зачастую постановка проблем определяется господствующими на сегодняшний день теориями, как это было с теорией эволюции, подтолкнувшей ученых к изучению различных форм видообразования. Однако теория не должна закрывать от исследователя факт независимого существования исследуемого феномена. Если это происходит, то теоретическая нагруженность факта превращается в ориентацию на теорию.

ВСЯКОЕ ЛИ НАБЛЮДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИ НАГРУЖЕНО?

Мне могут возразить, что пока я просто проигнорировал факт невозможности такой постановки проблемы, которая была бы свободна от теоретической нагруженности. Данный тезис порой сопровождается высказыванием в духе того, что «всякое наблюдение теоретически нагружено». Теоретические установки присутствуют даже тогда, когда мы абсолютно уверены: обозначенная проблема полностью свободна от теорий, которые затем специально вводятся для ее осмысления. Однако это возражение требуется переформулировать: различие ориентированных на проблему и ориентированных на теорию исследований предполагает некоторую дотеоретическую демаркацию проблемы. Однако поздний Л. Витгенштейн, Дж. Л. Остин и Т. Кун убедили нас в том, что это не так. В конечном счете в только что упомянутом примере с Ромером поставленная им проблема является следствием теории медианного избирателя и совокупности допущений о предпочтениях реальных избирателей. Относительный дефицит

программ, оговаривающих политику перераспределения, находится в противоречии с подобной детализацией проблемы. Именно это противоречие и нуждается в объяснении. Подобные соображения лишь еще больше подкрепляют тезис о том, что не существует никакого дотеоретического учета фактов.

Возможной реакцией здесь могло бы стать следующее утверждение: все описания теоретически нагружены, однако некоторые из них нагружены больше остальных. Если вернуться к моим примерам, касающимся процесса перехода к демократии и матерей, живущих на пособия, то нетрудно заметить, что тенденциозные притянутые за уши теоретически нагруженные описания не выдерживают никакой критики даже в своей собственной логике: нет необходимости даже оспаривать теорию, которая порождает подобные описания. Единственный смысл отсылки к теории в данном случае заключается в том, чтобы понять, как вообще кто-то мог в нее поверить. Теория терпит неудачу потому, что она рождает абсолютно неправдоподобные картины реальности. Нет никаких причин полагать, будто бы революционеры будут снижать степень своей активности по мере увеличения их числа или же что неимущие женщины станут заводить больше детей, чтобы получать все меньшую социальную помощь. Данные примеры не имеют ничего общего с проблемой теоретической нагруженности в том ее ракурсе, который имеет смысл для исследователей социальных явлений.

Давайте рассмотрим иные спорные теоретически нагруженные описания институтов и практик, которые на этот раз уже не опровергают сами себя. Например, можно проанализировать тезис Кэтлин Баун о том, что идеология — это центр, вокруг которого группа формирует свое единство¹⁰, или же заявление Рассела Хардина,

¹⁰ Bawn K. Constructing 'Us': Ideology, Coalition Politics and False Consciousness // American Journal of Political Science. 1999. Vol. 43. No. 2. April. P. 303–334.

гласящее, что конституции существуют для решения проблем координации¹¹. Проблема в том, что как идеология, так и конституция выполняют еще множество иных функций помимо заявленных. Более того, далеко не очевидно, что серьезное изучение того, как именно создавались и поддерживались конкретные идеологии и конституции, подтвердит тезисы данных теорий. Перед нами всего лишь «приемлемые» положения, (спорно) правдоподобные гипотезы о создании и/или существовании данных феноменов политического мира¹².

¹¹ *Hardin R. Liberalism, Constitutionalism, and Democracy. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000. P. 35, 86–88, 106, 114, 144, 285.*

¹² В данный момент я оставляю в стороне убедительность данных гипотез. Вспомните те трудности, с которыми столкнулись кандидаты от Республиканской партии в процессе формирования коалиции после выборов в США: они пытались оставить в одной упряжке представителей как социального, так и либертарианского консерватизма. Если вы хотите предложить проект создания коалиции, то попытка выкристаллизовать ее из подобных конфликтов едва ли представляется особенно логичным начинанием. То же самое может быть сказано и про конституции как инструменты координации: множество способов наложения вето, существующих в американской конституционной системе, скорее может быть названо препятствием для координации. См.: *Tsebelis G. Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton: Princeton University Press, 2002.* Данная проблема может быть решена, если полагать, как то делает Хардин, что главная задача Конституции США заключается в том, чтобы облегчать ведение бизнеса. С такой точки зрения институциональный склероз — это преимущество, мешающее государству вмешиваться в экономику. Сложность подобной позиции в том, что тогда мы получаем всеядную теорию: конституция, не предусматривающая возможность наложения вето, способствует политической координации, тогда как конституция, раздающая право вето направо и налево, оказывается облегчающей координацию в тех сферах, в которые иначе начали бы вмешиваться политики. Тезисы Хардина никак не объясняют, почему одни конституции способствуют координации больше, чем другие.

Проблема не в том, что объяснения Баун и Хардина являются функционалистскими. Функционалистские объяснения достаточно трудно проверять эмпирически, однако порой они оказываются вполне достоверными. Проблема в том, что подобные объяснения нередко сводятся к фразам типа «деревья существуют для того, чтобы на них могли мочиться собаки». Даже когда полноценная теория не сильно противоречит фактам, нет причин полагать, будто бы она способна приблизить нас к пониманию реальности. Чтобы это произошло, ее необходимо сопоставить с иными правдоподобными гипотезами, так, чтобы можно было вынести решение о том, какая из них работает лучше. В противном случае мы получим следующую реакцию на вышеприведенную фразу: «Хорошо, но в таком случае зачем существуют фонарные столбы?» Идеологии вполне могут быть способом поддержания коалиций, однако помимо этого они придают человеческой жизни смысл и цель, они мобилизуют массы, сокращают информационные издержки, содействуют общественной солидарности, способствуют демонизации чуждых групп, и этот перечень далеко не полон. Конституции могут решать проблему координации, однако они также призваны защищать права меньшинств, облекать в правовую форму коллективную волю, отделять общие правила игры от насущных конфликтов, служить компромиссами для прекращения или недопущения гражданской войны и так далее. Эти функции вовсе не обязательно противоречат друг другу: идеологии и конституции вполне могут выполнять все эти функции одновременно. Акцент на какой-то одной функции предполагает некую теоретическую ангажированность. Об этом следует не забывать тем, кто утверждает, что всякое наблюдение теоретически нагружено.

Вполне можно согласиться с тезисом о теоретической нагруженности, не отказываясь от дихотомии ориентация на проблему/ориентация на теории. Исследователь, ориентированный на теорию, пре-

дан определенной концепции явления, он развивает «приемлемую» теорию, которая покажется вполне убедительной сторонникам его априорных допущений. Для других же эта теория будет казаться ничем не лучше прочих «приемлемых» концепций, которые можно вывести из иных допущений. В отличие от такого подхода исследователь, ориентированный на проблему, задается следующими вопросами: зачем принимаются конституции, почему они существуют, почему развиваются идеологии, почему люди следуют им. Затем такой исследователь обратится к прежним теориям, дававшим ответы на данные вопросы, он попытается увидеть, чего именно им не доставало и нет ли каких-то более приемлемых альтернатив. В этом случае исследователь не будет отрицать, что предпочтение некой трактовки подразумевает солидаризацию с одними теоретическими допущениями в ущерб другим, он может даже надеяться на то, что какое-то теоретическое направление покажет себя гораздо лучше других. Но при этом ориентированный на проблему исследователь будет понимать, что его цель — поиск максимально достоверного объяснения, а не доказательство истинности той или иной теоретической традиции. Как и в случае с тезисом о различии-без-различия, возражение, основанное на принципе теоретической нагруженности факта, оказалось верным в своем самом банальном смысле.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРАВДИВЫХ ОПИСАНИЙ И ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ

Наблюдение является теоретически нагруженным и в более тонком смысле, чем тот, о котором речь шла выше. Проблема теоретической нагруженности так или иначе затрагивает целый ряд более общих вопросов, связанных с феноменом множественности правдивых описаний. Женщина, которая говорит «да» во время церемонии бракосочетания, может:

- выражать искреннюю любовь;
- делать (не делать) то, что приказал ей отец;
- исполнять ожидаемый от нее социальный ритуал;
- бессознательно воспроизводить патриархальную семью;
- женить на себе самого состоятельно мужчину из тех, с которыми она смогла познакомиться;
- максимизировать свои шансы воспроизвести собственные гены.

Каждое описание является теоретически нагруженным в том смысле, что оно толкает нас на поиск различных типов объяснений. Мы увидим это, если зададимся в каждом из вариантов вопросом «Почему?» и посмотрим, какое именно объяснение потребуется для ответа на него.

- *Почему она любит его?* Предполагается обращение к ее персональной биографии.
- *Почему она подчиняется (не подчиняется) своему отцу?* Предполагается обращение к психологическому объяснению.
- *Почему она согласна играть роль в этом социальном ритуале?* Предполагается обращение к антропологическому объяснению.
- *Почему она бессознательно воспроизводит патриархальную семью?* Предполагается обращение к теории идеологий и отношений власти.
- *Почему она пытается извлечь максимум из рынка невест?* Предполагается обращение к теории рационального выбора на основе учета интереса сторон.
- *Почему она максимизирует вероятность воспроизводства своих генов?* Предполагается обращение к социобиологическому объяснению.

Проиллюстрированный здесь тезис о теоретической нагруженности любого описания — это тезис о том,

что не существует никакого «сырого» описания «фактов» или «данных». Всегда существует множество возможных правдивых описаний данного конкретного действия или явления. Задача состоит в том, чтобы решить, какое из них является самым подходящим.

В таком ракурсе ориентированный на теорию подход оказывается частью редукционистской программы. Ее императивы всегда подразумевают описания и объяснения, которые вытекают из излюбленной теоретической модели. Так, сторонник нарративной истории, верящий в уникальность каждого события, будет стремиться к изучению персональной биографии; сторонник психологического редукционизма — к изучению постулируемых им психологических детерминант; антрополог везде будет искать определяющую роль социального ритуала; феминистки увидят в любой проблеме воспроизводство патриархальной структуры; сторонник ТРВ будет стремиться к объяснениям в логике максимизации успеха на рынке невест; социобиолог разглядит в решении женщины эволюционный выбор, продиктованный императивом воспроизводства генов.

Зачем это нужно? Зачем благоволить той или иной редукционистской программе, которая неизбежно поставит один из типов описания в привилегированное положение? Я не хочу пока вводить понятие «уровня», так как это предрешило бы ответ на вопрос, который я собираюсь задать: являются ли некоторые описания всегда фундаментальней других? Возможно, это так, но признать данный факт, значит, сделать шаг в сторону ориентации на теорию. Но нужно ли это?

Стандартный ответ на данный вопрос опирается на веру в то, что это просто необходимо для развития социальных наук. Многие уверены в том, что это развитие просто требует поиска общих объяснений. Но как можно предложить общие объяснения, если мы не можем даже описать изучаемый класс явлений на языке одних и тех же понятий? Обеспокоенность

подобными вопросами свидетельствует о неправильном понимании научной работы. В связи с этим у исследователя возникают три реакции: скептическая, онтологическая и профессиональная.

Скептическая реакция. Вопрос о том, существуют ли общие объяснения групп явлений, — это вопрос для эмпирического изучения, никто заранее не способен дать на него ответ. Мы имеем здесь дело с разнообразностью спора сторонников дедукции и сторонников индукции. Сторонник дедукции начинает с теории или модели, затем он выбирает тот тип описания, который будет способен доказать общие положения модели. В свою очередь сторонник индукции начинает с попытки осмысления конкретных явлений или групп явлений, далее он определяет условия, при которых это осмысление может быть применено и в более широком контексте. Его подход хоть и будет по причинам, рассмотренным выше, теоретически нагруженным, но все же с куда меньшей вероятностью будет ориентироваться на теорию. В случае сторонника индукции скорее верно обратное. Сторонник индукции не связан никакими допущениями, он ищет общие подходы, однако вопрос об их существовании остается для него всегда открытым.

Онтологическая реакция. Хотя наука и стремится к общим положениям, все же она в первую очередь должна заботиться о достоверности своих суждений. Исследователи политики просто одержимы навязчивой верой в существование общих объяснений для всех политических явлений, более того, они хотят включить эти объяснения в единую теоретическую программу. Ориентация на теорию берет свое тогда, когда эмпирическая обоснованность приносит в жертву стремлению к обобщениям. «Позитивистские» теоретики нередко считают ситуацию, когда одни занимаются общими положениями, тогда как другие — их достоверностью, правильным разделением труда. Отсюда вытекают те патологии, которые были

достаточно подробно описаны мной и Грином. Но одну патологию, о которой здесь шла речь, мы все же не упомянули: ориентация на теорию ведет к тенденциозным описаниям исследуемого явления, так как выбор одного описания в ущерб другому движим импульсом доказывать конкретную теоретическую перспективу.

Профессиональная реакция. Представители политической науки склонны к исследованиям, ориентированным на теорию, в силу потребности как-то дистанцировать себя от других профессионалов, например, журналистов, работа которых также подразумевает необходимость писать о политике. (Правда, у журналистов нет гарантии занятости и престижа профессорского статуса.) Стремление быть лучше журналистов похвально, однако оно должно быть разъяснено в духе Лакатоса. Когда мы исследуем некую проблему, мы должны критически рассмотреть все предшествующие попытки ее изучения, будь то подходы представителей иных дисциплин или же журналистские расследования, затем нам необходимо представить свой подход, который объяснит как то, что было известно ранее, так и то, что стало известно лишь сейчас. Однако слишком часто стремление исследователей политики быть лучше журналистов приводит к разрастанию понятного лишь посвященным эзотерического дискурса с высокими входными издержками для посторонних. Уж лучше бы они предавались этим ментальным экзерсисам внутри себя, не вынося их на всеобщее обозрение.

ПРОГНОЗ КАК КРИТЕРИЙ ВЫБОРА?

Одно из возможных решений обозначенных выше проблем — это сделать прогноз основным критерием выбора. Возможно, мой скептицизм неуместен и одна из редукционистских программ себя вполне оправдывает. В этом случае она начнет давать сбывающиеся прогнозы, тогда как сторонники иных подходов бу-

дуг терпеть постоянные неудачи. Концепция, формулирующая прогноз, пусть даже она ориентируется на теорию, восторжествует, если ей удастся доказать, что максимизация выгоды, сохранение генов, притеснение женщин или же доминирование фигуры отца есть как раз то, что в «действительности происходит». В духе подобного инструменталистского подхода мы можем вместе с Фридманом сказать: развивайте любое теоретически нагруженное описание, но только делайте это точно, учитывая то, насколько качественными оказываются вытекающие из него прогнозы. Если твой подход позволяет давать правильные прогнозы, то ты победитель¹³.

Подобный инструментализм в определенном смысле адекватен. Многие из ориентированных на теорию подходов плохи тем, что их прогнозы просто не поддаются решающей фальсификации. Для Бентама, Маркса, Фрейда, функционализма, многих современных разновидностей ТРВ и прочих всеобъемлющих подходов характерны столь общие теоретические положения, что их можно согласовать с абсолютно любыми результатами. Из теории может следовать абсолютно любой вывод, так что доказать ее ошибочность становится просто невозможно. Именно поэтому считается, что теория, способная предсказать все, не способна объяснить ничего. Если теория ни при каких условиях не может быть фальсифицирована, значит, доверять ей просто невозможно.

Проверка всеобъемлющих теорий связана со следующей сложностью: прогнозирование — очень суровый тест, едва ли многое из политической науки способно его пройти. В этой связи я вспоминаю одного преподавателя, который на собеседовании сказал о своем желании начать чтение курса по сравнительному анализу политических институтов с кратко го пе-

¹³ Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

речня основных достоверных эмпирических выводов, накопленных учеными. Когда же его спросили, что он будет рассказывать в оставшиеся двенадцать недель семестра, то он не смог ничего ответить. Требование дать успешный прогноз во многих случаях есть требование невозможного: если закрепить этот стандарт в политической науке, то курсы сразу же очень резко сократятся. Следует ли из этого, что мы должны отказаться от точности прогноза как решающего критерия?

Некоторые, например Макинтайр, полагают, что прогнозирование при изучении человеческих поступков вообще невозможно, этому мешает существование свободной воли¹⁴. Однако подобная позиция неубедительна. Вопрос о свободе воли — это вопрос практический. Даже если эта свобода имеется, мы все равно можем делать пробабилистические обобщения относительно условий, при которых люди ведут себя одним, а не другим образом. Человек в одинаковых ситуациях ведет себя одинаково, этот тезис может быть как истинным, так и ложным, при этом его правота никак не зависит от признания или отрицания существования свободной воли. Сказать, что некто в условиях q , скорее всего, сделает выбор x , вовсе не значит, что выбрать не- x в этих условиях невозможно. Но даже если кто-то выберет не- x , мы все равно можем считать, что выбор x был более вероятен. Собственно, большинство успешных научных дисциплин развивается отнюдь не за счет точечных прогнозов. Они ориентируются на прогнозирование паттернов исходов. Здесь всегда возможны выбросы¹⁵ и векторы ошибок. Но наилучшая теория способна минимизировать их лучше всех прочих альтернатив.

¹⁴ Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, Деловая книга, 2000. С. 122–149.

¹⁵ Резко выделяющиеся значения экспериментальных величин. — *Примеч. перев.*

Есть и более объемная формулировка вышеуказанной сложности: возможность прогнозирования в политике маловероятна ввиду решающей роли случайных событий. Это кажется преувеличением, если только не допускать вместе со сторонниками нарративной истории, что в социальной жизни одна неприятная неожиданность следует за другой. Эпистемологически более аккуратный подход заключается в том, чтобы считать одни события случайными, тогда как другие — нет и пытаться делать прогнозирующие обобщения относительно вторых. Например, мы с Кортни Юнг установили перечень условий, повышающих вероятность мирного урегулирования гражданских войн. Тут ключевую роль играют такие факторы, как, например, способность реформаторов в правительстве и умеренных оппозиционеров общими усилиями отодвинуть воинственных радикалов на второй план. Кроме того, мы выработали систему оценки условий, которые с большей или меньшей вероятностью могут подтолкнуть реформаторов и умеренных революционеров к пониманию того, что переговоры для них — наилучший вариант¹⁶. И все же, пусть даже мы правы, успех подобных переговоров будет зависеть от случайных факторов. Представьте, как бы могло все измениться в Южной Африке и на Ближнем Востоке, если бы в 1992 г. был убит Ф. В. де Клерк, а Ицхак Рабин, наоборот, остался бы жив в 1995 г. Решающая роль случайных событий исключает возможность априорного прогнозирования благоприятного исхода, однако спрогнозировать провал вполне реально. Так, мы верно предсказали провал инициатив лидера умеренного крыла ИРА Джерри Адамса в середине 1990-х гг. или же неудачи Эхуда Барака, который попытался начать сотрудничество с Ясиром Арафатом в тот момент, когда тот был слиш-

¹⁶ См.: *Jung C., Shapiro I. South Africa's Negotiated Transition: Democracy, Opposition and the New Constitutional Order // Politics and Society. 1995. Vol. 23. No. 2. September. P. 269–308.*

ком слаб, чтобы перехитрить «ХАМАС» и «Исламский Джихад». Во всех этих случаях целый ряд важных факторов отсутствовал. Способность верно предсказать будущие неудачи свидетельствует о том, что нам верно удалось ухватить один из срезов проблемы¹⁷.

Есть и иные обстоятельства, при которых способность дать прогноз будет позволять предпочитать одно описание всем прочим. Например, Пшеворский с коллегами показал, что хотя уровень экономического развития и не позволяет напрямую прогнозировать утверждение демократии, существует прямая взаимосвязь между уровнем дохода на душу населения и устойчивостью демократических режимов. Демократии ничего не угрожает в богатых странах, тогда как в странах бедных она в высшей степени хрупка, особенно когда уровень дохода на душу населения падает ниже двух тысяч долларов (по курсу 1975 г.). Если это падение происходит, то демократия в одном случае из десяти ликвидируется в течение года. Когда доход на душу населения составляет от двух до пяти тысяч долларов, то ее ликвидации стоит ожидать в одном из шестнадцати случаев. Демократии в обществах с годовым доходом от шести тысяч долларов имеют

¹⁷ Необходимое в одном контексте может оказаться случайным в другом. Когда мы говорили о том, что Арафат, если он хочет прийти к соглашению с Бараком в 2000 г., должен быть достаточно влиятельным, чтобы суметь изолировать своих радикалов, мы не отрицали, что его относительное влияние зависит от множества случайных факторов. Дальнейшую дискуссию см.: *Jung C., Lust-Okar E., Shapiro I. Problems and Prospects for Democratic Transitions: South Africa as a Model for the Middle East and Northern Ireland? // Politics and Society. 2005. Vol. 33. No. 2. July.* В некотором смысле все, что изучается обществоведами, зависит от случайных факторов, например, от того, что жизнь на Земле однажды не исчезнет после столкновения с гигантским метеоритом. Чтобы быть ясными, законоподобные обобщения должны иметь вид утверждений «если... то», отсылающих к исследуемой проблеме.

все шансы существовать вечно. При этом бедные демократии имеют больше шансов на выживание, если их правительства успешно стимулируют промышленный рост и столь же успешно нивелируют возможность экономических кризисов¹⁸. Если Пшеворский прав — а пока его выводы, похоже, подтверждаются, — значит, меры экономического развития для стабильности демократического режима будут более важны, чем различные организационные мероприятия, культурные установки, наличие или отсутствие некоторой религии или же любые другие переменные¹⁹. В данном случае политико-экономическое измерение представляется наиболее правильным ракурсом.

Отсюда можно сделать вывод, что прогнозирование полезно, однако не стоит делать его единственным критерием для выбора проблем в политической науке. Во-первых, это может отвратить нас от изучения важных феноменов политики, когда прогресс может достигаться и без каких-либо прогнозов. Например, многие поколения ученых задумывались об условиях, способствующих становлению демократии (в отличие от условий, которые повышают шансы раз установившейся демократии выстоять, о чем речь шла в предыдущем параграфе). Алексис де Токвиль считал демократию следствием эгалитарных нравов²⁰. Для Сеймура Мартина Липсета демократия — побочный продукт модернизации²¹. Баррингтон Мур видел в буржуа-

¹⁸ Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. P. 106–117.

¹⁹ Подробнее дискуссию Пшеворского и др. о других объясняющих переменных см.: Ibid. P. 122–137.

²⁰ Токвиль А. де. *Демократия в Америке* // пер. с франц. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

²¹ Lipset S. M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy* // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. No. 1. March. P. 69–105.

зии залог демократии, тогда как Рушемайер и Стефенсы возлагали надежду на организованный рабочий класс²². Сегодня мы знаем: никакого единого пути к демократии не существует, по этой причине никакое обобщение условий, способствующих переходу к демократии, невозможно. Демократия может возникнуть в результате долгого развития (Великобритания и США), подражания (Индия), скачка (большинство стран Восточной Европы в 1989 г.), коллапса (Россия после 1991 г.), навязывания сверху (Испания и Бразилия), революции (Португалия и Аргентина), мирных соглашений после переговоров (Боливия, Никарагуа, Южная Африка) или внешнего навязывания (Япония и Западная Германия)²³.

Если окинуть ретроспективным взглядом эти процессы, то в них нет ничего удивительного. Если кто-то изобрел тостер, то зачем всем остальным проходить заново весь путь изобретения этого прибора? Допустим, кто-то все же захочет пройти весь путь целиком, однако другие или скопируют механизм, или купят его, или получают тостер в качестве подарка. Не исключено, что никакое обобщение здесь невозможно, а значит, и нет возможности дать успешный прогноз. Мы уже знаем, что исследователи политики любят общие теории всего, однако поиск подобной теории в случае демократии напоминает поиск общей теории образо-

²² Moore B. *The Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966. P. 413–432; Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. *Capitalist Development and Democracy*. Oxford, UK: Polity Press, 1992.

²³ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ. под ред. В. А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 10–15, 16–27, 91–161; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. С. 13–22; Przeworski et al. *Democracy and Development*. P. 78–106; Shapiro I. *Democracy's Place*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1996. P. 79–108.

вания дыр²⁴. Отказ изучать некий феномен по причине невозможности его прогнозирования — это стопроцентная ошибка. Например, в случае демократии отказ изучать причины ее возникновения не позволит нам узнать, в частности, то, что здесь нет и не может быть никакой общей теории. Такого рода знание будет важным аргументом против поборников авторитаризма, которые любят протестовать против демократии на том основании, что их страна, дескать, не прошла все необходимые стадии развития.

Этот пример выводит меня на следующую тему: превращение прогноза в фетиш подрывает основы исследования, ориентированного на проблему. Хвост начинает вилять собакой: мы выбираем проблему не потому, что у нас есть независимые причины сделать это, а потому, что она очень перспективна в плане возможности делать прогнозы. Собственно, это и есть ориентация на метод в отличие от ориентации на теорию. Ориентация на метод стимулируется целым рядом причин, наиболее важная из которых — дефицит бесспорных данных о целом ряде политических феноменов. Прогнозы относительно того, защищают конституционные суды гражданские права или нет, наталкиваются на следующую проблему: какие именно права имеются в виду и как измерить их защищенность. Прогнозы масштабов войны упираются в разногласия относительно того, как именно измерять и считать очаги конфликтов. В принципе, здравый смысл подсказывает нам сопоставить модель с фактами. Однако в реальности есть лишь очень небольшое количество непротиворечивых данных.

²⁴ Возможно, кто-то все же будет пытаться создать подобную теорию. Но у него в лучшем случае получится что-то типа «дыры возникают после того, как что-то вытаскивает материальное содержание из чего-то». Однако подобная теория едва ли будет особо полезна в прогнозировании или понимании феномена дыр.

Еще одна проблема заключается в невозможности распутать клубок комплексных каузальных процессов, действующих в реальном мире. Например, есть политэкономы, полагающие, что сокращение налогов ведет к росту государственных доходов, но есть и те, которые считают прямо противоположным образом, и никакие прогностические тесты их спор не разрешат. Вы просто не сможете отделить фактор сокращения налогов от всех иных факторов так, чтобы это смогло убедить скептика. Или другой пример: со времен Бентама политэкономы спорили о том, способствует ли система все большего обогащения богатых благосостоянию неимущих слоев лучше, чем прямые государственные дотации. До сих пор я не уверен, что ключевые переменные спора когда-нибудь будут определены так, чтобы поставить в нем точку.

Самая простая реакция на эту проблему — заниматься лишь теми вопросами, необходимая информация о которых легкодоступна. Однако это чревато разрушительной ориентацией на метод, так как у нас нет никаких оснований полагать, будто бы ясность явления — гарантия возможности научных обобщений. Я отнюдь не ратую за вычерчивание кривой по заранее намеченным точкам или проведение многократного регрессивного анализа с целью вычленения того самого сочетания переменных, которое и дает ответы на все вопросы. Отставляя в стороне все хорошо известные опасности такого рода анализа, я лишь хочу выразить свою обеспокоенность: стремление иметь дело лишь с непротиворечивыми данными ввиду легкости их получения может привести к бесконечным поискам Святого Грааля, который так никогда и не будет найден.

Сложность тут связана с той же самой уже не раз упоминаемой случайностью: многие явления, которые политологи пытаются обобщить, могут время от времени меняться, ломая тем самым любые объяснительные теории. Например, целое поколение ученых пыта-

лось прогнозировать результаты выборов на основе различных сочетаний макрополитических и макроэкономических переменных. Однако факторы, мотивировавшие людей голосовать в 50-е гг. XX века, заметно отличаются от тех, которые приводят их на избирательный участок сегодня. Кроме того, подобный подход не может похвастаться особыми успехами. Наиболее ярко это проявилось в ходе выборов 2000 г., когда все стандартные модели прогнозировали безоговорочную победу Гора²⁵. Несмотря на бесконечные *post hoc* модификации, последовавшие сразу после выборов, едва ли подобные провалившиеся модели способны внушить оптимизм. Если моя гипотеза о постоянных изменениях верна, то ситуация с подобными моделями никогда не улучшится.

Можно возразить, что даже если это и так, то либо мы предложим исторически более нюансированную модель, либо университеты и фонды прекратят выделять на разработку моделей деньги. Однако данное возражение игнорирует фактор «занятой ниши», который лучше всего иллюстрируется историей с фирмой Morton Thiokol. В 1986 г. произошла трагедия с «Челленджером», началась серия взаимных обвинений, однако очень скоро стало ясно: основная вина лежит на Morton Thiokol, изготовителе кольцевых уплотнителей для космических кораблей. Наивный наблюдатель поспешит сделать вывод, что на этом сотрудничество данной компании с НАСА прекратилось, однако все вышло иначе. Сочетание высокой цены на вход с прочными связями Morton Thiokol с людьми, курировавшими ресурсы, привело к тому, что компания как ни в чем не бывало продолжила свою работу. То же самое верно и в отношении тех, кто работает над общими моделями электоральных прогнозов. Авторитетные ученые имеют заметные наработки в дан-

²⁵ См. подборку материалов, опубликованных в марте 2001 г.: PS: Political Science and Politics. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 9–58.

ной области, они подкреплены их легитимным статусом и профессорским креслом, у них есть привилегированный доступ к тем, от кого зависит распределение исследовательских ресурсов. Более того, высокая методологическая цена на вхождение продолжит свой отбор именно тех ученых, которые, несмотря ни на что, все же верят в чаемый теоретический Грааль. Даже если космические корабли никогда не взлетят, все равно будут люди, которые не перестанут их строить.

Могут спросить: а разве кто-то строит космические корабли в этой области лучше критикуемых мной ученых? Справедливый вопрос, но он не ухватывает сути моей позиции. Я утверждаю, что основная побудительная сила подобных усилий — это доступность информации, толкающая целые группы ученых на бесконечные поиски общих теорий. Нельзя стать заметным игроком в игре, в которой все терпят неудачу, до тех пор, пока вы не объясните исход прошлых выборов и не предугадаете последующие. Если это в обозримом будущем так никому и не удастся, то не разумней ли сменить игру? Например, можно много узнать о причинах голосования, просто спросив людей. Если вместо этого мы продолжаем предлагать макромодели, то тем самым мы превращаем науку в бесконечное совершенствование инструментов прогноза, продолжающееся, несмотря на непрерывные неудачи и отсутствие всяких оснований надеяться на конечный успех. Определение условий, делающих обобщения возможными, — это очень сложная эмпирическая задача. Возможно, ее следует решать методом проб и ошибок, возможно, это лучше делать на базе теоретических разработок. Может быть, лучше всего сработает сочетание обоих методов. Однако проблему точно не следует решать, ориентируясь на готовность данных и техник к использованию.

Более выигрышной стратегией решения проблем неудовлетворительных данных и распутывания сложного клубка причинно-следственных связей в «откры-

тых системах» современного мира может показаться организация экспериментальной работы, когда все параметры контролируются, а ключевые переменные изолируются с гораздо большей легкостью²⁶. История политической науки и политической психологии знает прецеденты такого рода, однако главной проблемой всегда оставался вопрос внешней валидности²⁷. Даже если объекты выбираются на случайной основе, а контрольные группы включаются в эксперимент (что делается отнюдь не всегда), далеко не очевидно, что результаты, полученные в лабораторных условиях, повторятся вне стен лаборатории.

Нивелировать эти трудности Дональд Грин и Алан Гербер предлагают восстановлением практики полевых экспериментов, когда объекты могут быть рандомизированы, средства управления определены, а вопросы внешней валидности исключены в принципе²⁸. Если в таких условиях прогнозы начнут работать, то можно будет сделать вывод, что исследователю удалось ухватить правильный срез проблемы. Как следствие, у него получится дать подкрепленные ответы на вопросы о том, какие формы мобилизации избирателей наиболее эффективны в деле повышения явки, как лучше всего привести своих пассивных сторонни-

²⁶ Обсуждение трудностей прогнозирования в условиях «открытых систем» см.: Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Sussex: Harvester Wheatsheaf, 1975. P. 63–142; Bhaskar R. The Possibility of Naturalism. Sussex: Harvester Wheatsheaf, 1979. P. 158–169.

²⁷ Внешняя валидность — определение того, насколько результаты конкретного исследования можно распространить на весь класс подобных ситуаций/явлений/объектов. — *Примеч. перев.*

²⁸ Gerber A., Green D. Do Phone Calls Increase Voter Turnout? A Field Experiment // Public Opinion Quarterly. 2001. Vol. 65. No. 1. Spring; Reclaiming the Experimental Tradition in Political Science // I. Katznelson, H. Milner (eds). Political Science: The State of the Discipline. 3rd ed. Washington, DC: American Political Science Association, 2002.

ков на участки, не мобилизовав при этом своих оппонентов, и так далее.

Я вполне допускаю, что данная инициатива способна привести к росту знания, однако одновременно она чревата риском того, что можно скатиться к ориентации на метод. В свою очередь это может сузить диапазон полевого эксперимента. Потенциальная сложность тут заключается в том, что полевые эксперименты обычно ограничены анализом достаточно узконаправленных вопросов в строго определенных условиях, которые допускают вмешательство с целью контроля за протеканием эксперимента. Как правило, это подразумевает запланированные или дополнительные вмешательства в ситуацию, например, попытку стимулировать электоральную активность или мобилизовать сторонников партии. Грин и Гербер доказали, что это вполне можно делать в ходе полевых экспериментов.

При этом масштабы данной узконаправленности определяются самим наблюдателем. Но взгляните на целый ряд проблем, которые уже подвергались рассмотрению в политической науке и которые вызывали достаточно широкий эвристический интерес. Ни один из этих вопросов не может быть исследован методом полевых экспериментов:

- Влияние типа политического режима на экономику (и наоборот).
- Факторы, определяющие мир, войну и революции.
- Причины и следствия тенденции учреждать независимые центральные банки.
- Причины и следствия роста транснациональных политических и экономических институтов.
- Относительные достоинства альтернативных стратегий достижения расовой интеграции. Например, совместные автобусы, образцовые школы или программы добровольной десеграции.

- Значимость конституционного суда для защиты гражданских свобод, прав собственности и ограничения полномочий законодательных органов.
- Влияние институционального выбора — парламентская система/президентская система, однопалатная система/двухпалатная система, федерализм/централизм — на такие факторы, как распределение доходов и благосостояние, эффективность макроэкономических мер и типы проводимой социальной политики.
- Влияние динамики политических переговоров на институционализацию демократии.

Этот список может быть продолжен, но, полагаю, что ход моих мыслей уже ясен.

Я никоим образом не пытаюсь подорвать доверие к полевым экспериментам. Одна из худших черт методологических споров в политической науке — это стремление доказать достоинства одного метода, указав на недостатки другого, который в результате объявляется неполноценным²⁹. Учитывая, что все методы имеют как плюсы, так и минусы, подобное стремление ничуть не лучше мошенничества. Если данный метод оправдан для решения конкретной проблемы, то у нас есть все основания сделать на него некоторую ставку. С методами, как и с людьми, если вы обращаете внимание лишь на недостатки, то вас ждет постоянное разочарование.

Полевые эксперименты позволяют изучать поведенческие реакции в условиях, когда институциональный контекст неизменен, а ставки относительно низки, что позволяет ученому работать, не нарушая этические критерии экспериментирования над людьми. Однако изучение важных политических вопросов, ставка в которых — жизнь или смерть, изучение войн, в том числе

²⁹ Рассмотрение аналогичного феномена, также мешающего нормативным дискуссиям в политической теории, см. в четвертой главе данной работы.

гражданских, изучение институциональных различий, макрополитической экономики или факторов стабильности/изменения режимов методом полевых экспериментов уже невозможно. Естественно, помимо этих проблем есть масса вопросов, ожидающих своего часа, вполне подвластных данному методу, более того, полевые эксперименты можно усовершенствовать, сделав их применимыми для анализа еще большего количества аспектов. Однако в любом случае нельзя отрицать того, что полевое экспериментирование исключает множество вопросов, приводящих людей в политическую науку. Так что исключительная ориентация на подобное экспериментирование при выборе интересующих вас проблем — прямой путь к вырождению в ориентацию на метод.

Это важное предупреждение. Отчасти недовольство бихевиорализмом, который расцвел в политической науке в 60-е гг. XX века, было обусловлено тем, что в 1990-е гг. тяга к моделированию выродилась в достаточно бессмысленные практики по доказательству тезисов в духе тейлоровского примера: «Католики в Детройте голосуют за демократов»³⁰. В результате подобный научный мейнстрим стал казаться окружающим лишенным теоретической насыщенности, оторванным от ключевых вопросов политики и попросту скучным. Перефразируя Канта, можно сказать, что теоретические амбиции без эмпирических исследований пусты, а эмпирические исследования без теоретических амбиций слепы.

НЕДООЦЕНКА КРИТИЧЕСКОГО ПЕРЕСМОТРА ТОГО, ЧТО НУЖДАЕТСЯ В РАССМОТРЕНИИ

Акцент на прогнозе может привести к ориентации на метод и в еще одном смысле: он может заставить нас недооценить важность критического пересмо-

³⁰ Taylor C. Neutrality in Political Science // *Philosophical Papers II: Philosophy and the Human Sciences*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. P. 90.

тра устоявшихся моделей описания реальности. Дело в том, что многие интерпретации политики, как обыденные, так и профессиональные, предполагают как нечто само собой разумеющееся такие описания реальности, которые при ближайшем критическом рассмотрении окажутся в высшей степени проблематичными. Политическая теория особенно важна в тех ситуациях, когда нет надежды, что прогноз сможет все расставить на свои места. В этот момент именно знаменитости политической теории могут указать, что именно стоит за каждым из альтернативных описаний. Рассмотрим несколько примеров.

На протяжении целого поколения в спорах об американской исключительности США противопоставлялись Европе как мир относительного социального и юридического равенства, обусловленный отсутствием феодального прошлого. Все началось с Токвиля и с тех пор бесконечно повторялось, превратившись в общепринятую истину, если не мантру, когда эту тему вновь подхватил Луис Харц в работе «Либеральная традиция в Америке». Однако Роджерс Смит в исследовании «Гражданские идеалы» показал, что подобное описание способно лишь ввести в заблуждение³¹. На протяжении всей американской истории закон мирился с фактическими расовыми и половыми иерархиями, влияние которых до сих пор сошло на нет. Книга Смита не развивала никакой прогностической модели, не было в ней и никакого анализа прежних подходов, однако она сумела нанести решающий удар по закоренелой ортодоксии, определявшей споры о плюрализме и глубоких общественных расколах, об отсутствии социализма в Америке, она помогла вбить последний гвоздь в гроб тезисов о так называемом конце идео-

³¹ См.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке / пер. с англ. Г. П. Бляблина и др.; общ. ред. В. Согрина; ред. Т. С. Комаров. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1993; Smith R. Civic Ideals: Changing Conceptions of Citizenship in U.S. Law. New Haven: Yale University Press, 1995.

логии и идеологической нейтральности либеральной традиции³². Чтобы окончательно разобраться во всех этих материях, требуются поясняющие вопросы и ответы о причинно-следственных связях, я же лишь хочу подчеркнуть следующее: то, что нуждается в объяснении, было настолько неверно описано, что не было даже возможности выйти на правильные вопросы о причинно-следственной связи.

Примерно так же обстоит дело с дискуссиями о факторах, определяющих промышленную политику в капиталистических демократиях. В 1970-х гг. исследователям пришла в голову идея обратить внимание не на результаты избирательных кампаний и предвыборные программы, а на тех, кто на самом деле пишет законы. В результате обнаружилось, что авторство значительной доли законодательных актов фактически принадлежит бизнесу и организованному рабочему классу при посредничестве правительства (обычно в качестве посредника выступал соответствующий министр или министерство). Получилось, что реальность лучше всего описывается в понятиях «либерального корпоративизма», а не плюрализма, как полагало большинство исследователей³³. Соответственно, изменились и вопросы, которыми начало задаваться следующее поколение исследователей: какие условия благоприятствуют либеральному корпоративизму и каково его влияние на промышленные связи и промышленную политику? Как и в случае с Токвилем-

³² Тезисы Смита оказались пиком разоблачения традиции, объяснявшей американскую исключительность. Эрик Фонер доказал, что и представления о Европе, предполагаемые этой традицией, крайне далеки от истины. См.: *Foner E. Why Is There No Socialism in the United States? // History Workshop Journal. 1984. Vol. 17. P. 57–80.*

³³ *Schmitter P. Still the Century of Corporatism? // Review of Politics. 1974. Vol. 36. No. 1. P. 85–121; Panitch L. The Development of Corporatism in Liberal Democracies // Comparative Political Studies. 1977. Vol. 10. No. 1. P. 61–90.*

Харцем, под влиянием альтернативных описаний реальности вопросы о причинно-следственных связях оказались переформулированы³⁴.

В некотором смысле развенчанные Смитом и либеральными корпоративистами концепции относятся скорее к проблеме, описанной в связи с демократическим транзитом и коэффициентом фертильности одиноких нуждающихся матерей, чем к проблеме множественности описаний. Ведь здесь трудность не в том, чтобы выбрать одно из нескольких правдоподобных описаний, но скорее в том, что описания как Токвиля-Харца, так и плюралистов терпят крах в своей же собственной логике. Видя лишь отсутствие феодализма и деятельность политиков, они не замечают иных источников социальной иерархии и принятия решений, значение которых бесспорно и уже не может отрицаться после того, как на них обратили внимание. Главное отличие заключается в том, что примеры с демократическим транзитом и одинокими нуждающимися матерями носят достаточно экзотический характер, чего не скажешь про позиции Токвиля-Харца и плюралистов, процветавшие до тех пор, пока их не подвергли серьезной критике. Это должно служить нам напоми-

³⁴ Оказывается, что совместное законотворчество — лишь небольшая часть того, что происходит. Гораздо большее значение имеют непрерывные трехсторонние консультации по вопросам государственной политики и взаимного регулирования макроэкономической и «частной» — но при этом квази-государственной — политики (например, рост зарплат, пенсионный план с несколькими работодателями, план медицинского страхования). Имеет место также официальное включение представителей частных интересов в процессы административного контроля и исполнения там, где *de facto* осуществляется законодательная деятельность и выносятся решения по вопросам общего права. Объем влияния всего этого на политический процесс варьируется от страны к стране и даже от одной отрасли промышленности к другой. Однако общая картина уж точно никак не перекликается с плюралистической концепцией.

нением о том, что общепринятые взгляды нередко вводят в заблуждение, поэтому насущная задача политической теории — подвергать их критическому исследованию. Подобный критический анализ позволил бы выявить исходные допущения, оценить их правдоподобие и предложить, если понадобится, альтернативы. Это особенно важно, если дефектная концепция получает распространение широко за пределами научного сообщества. Если у политической науки и есть какая-то миссия помимо академического исследования, то это как раз противодействие мифам и ошибочным трактовкам, оказывающим влияние на политическую практику³⁵.

Стоит отметить, что описания теоретически нагружены не только в том смысле, что они подразумевают некую конкретную эмпирическую историю. Нередко они подразумевают еще и нормативную теорию, которая может быть (а может и не быть) эксплицитной. Давайте сопоставим два следующих описания:

- Вестфальская система основана на принципе национального суверенитета.
- Вестфальская система основана на принципе глобального апартеида.

Оба описания вполне правдоподобны, однако от выбора того или иного описания будут зависеть те вопросы, которые мы будем задавать об обосновании данных позиций, равно как и о причинно-следственных связях. Рассмотрим другой пример.

- Если достаточное большинство обеих партий поддерживает законопроект, то мы имеем дело с единодушием партий.

³⁵ Дискуссию об опасностях конвергентного мышления см.: *Lindblom C. E. Inquiry and Change: The Troubled Attempt to Understand and Shape Society*. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 118–132.

- Если достаточное большинство обеих партий поддерживает законопроект, то мы имеем дело со сговором, препятствующим демократии.

Первое описание опирается на такое видение демократии, в котором дискуссия, приводящая к взаимному согласию, есть нечто непроблемное и даже желательное в рамках демократии. Второе описание, исполненное духа антитрестовой борьбы, вызывает в памяти соображение Милля о центральной роли споров и конкуренции, а также предложение Шумпетера считать борьбу за власть необходимым атрибутом успешно функционирующей демократии³⁶.

Как *глобальный апартеид*, так и *сговор, препятствующий демократии*, в данном конкретном случае — это примеры проблематизирующих переописаний. Они заставляют пересмотреть устоявшиеся ракурсы подобно тому, как описание Смитом американского общего права привело к пересмотру консенсуса Токвиля-Харца, а описание промышленного законодательства теоретиками либерального корпоративизма — общепринятых допущений о плюралистическом процессе принятия решений. Но делают они это не за счет сомнений в достоверности общепринятых описаний, а именно за счет выявления скрытых нормативных допущений. Переописания Вестфальской системы как глобального апартеида или политического согласия между основными игроками в демократической системе в качестве сговора с целью ограничения демократии обращают наше внимание на недооцененные черты реальности, что автоматически актуализирует совсем иные эмпирические и обосновывающие данное переописание вопросы.

Но насколько эти вопросы правильны?

³⁶ Рассмотрение различий между моделями см.: *Shapiro I. The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 59–62, 108–109, 112–149.

Реакция в том духе, что нам для ответа нужна теория политики, будет очередным шагом в сторону ориентации на теорию. Я хотел бы предложить более комплексную реакцию, которая бы упрочила проблематизирующее переописание как деятельность, ориентированную на проблему. Это двухшаговая комбинация, которая начинается в тот момент, когда кто-то понимает, что общепринятый способ описания политической реальности не способен ухватить некие важные черты того, что нуждается в объяснении и обосновании. Затем необходимо предложить переописание, которое бы учло недостатки прежнего подхода.

Если работа проделана достаточно качественно, то приверженцы прежней концепции окажутся уже не в состоянии ее игнорировать, оставаясь убедительными. Качество очень важно, так как тезис о том, что любое проблематизирующее переописание всегда обусловлено теорией, никто не отменял. Если проблематизирующее переописание опирается на теорию, кажущуюся убедительной лишь ее приверженцам и подтверждающуюся ссылками на данные, вытекающие исключительно из альтернативной теории, тогда этому переописанию не будет никакого доверия со стороны остальной части научного сообщества. Поэтому крайне необходимо приложить значительные усилия к тому, чтобы представить исследование, способное убедить скептиков в превосходстве нового описания над общепринятым. Один из выделенных мной с Грином недостатков множества разновидностей ТРВ заключается как раз в неспособности их сторонников сделать это. Они предлагали проблематизирующие переописания, порой достаточно радикальные, однако их нежелание или неспособность предпринять второй шаг делало предлагаемые ими переописания неубедительными для всех, кроме тех, кто был готов поддержать их во всем уже заранее. В этом смысле ТРВ достаточно сильно контрастирует с переописанием, предложенным Гавентой, которое было нами подробно ра-

зобрано в первой главе. Во многом убедительность концепции Гавенты связана с его попытками связать переписание с обыденными установками участников этого процесса, а также с его учетом прежних концептуализаций данной проблемы в литературе о власти.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С недавних пор популярное в политической науке моделирование во имя моделирования, а также внимание к решающей прогностической проверке делают проблематизирующее переписание как никогда важным. Оно существенно для разоблачения общепринятых описаний и замены их более соответствующей реальности альтернативой. Именно потому, что описание неизбежно теоретически нагружено, политические теоретики призваны выполнять важную миссию: указывать на то, какие элементы принятого описания сомнительны и как можно переинтерпретировать уже известные факты так, чтобы поставить перед учеными новые исследовательские задачи. Научная важность переписания особенно четко проявляется в тот момент, когда общепринятые интерпретации, являясь ложными, обретают значительное влияние в социальных науках. Его политическая важность заявляет о себе тогда, когда ошибочные интерпретации выходят за пределы научного сообщества и начинают влиять на политику.

Если внезапно актуализировавшиеся проблемы сложны для изучения модными на тот момент теориями и методами, тогда возникает дополнительная задача: не позволить их замять, а после этого стимулировать творчески мыслящих ученых с незашоренным взглядом на мир вырабатывать новые исследовательские подходы. Политические теоретики просто обязаны противопоставить свой авторитет могущественным силам, соблазняющим ученых приукрашивать модные теории и манипулировать методами, которые им

полюбились, но которые не могут ничего прибавить к прояснению мира политики. Они должны напоминать каждому новому поколению ученых, что до тех пор, пока проблемы не будут изложены теоретически ясно и убедительно, ничего из того, о чем они будут говорить, не сможет убедить тех, кто нуждается в убеждении. Возможно, их будет ждать некоторый профессиональный успех, но расплатой за это будет опошление целой научной дисциплины и того, что они, хочется надеяться, считают своим призванием.

VI. Политическая наука как дисциплина: комментарий к Дэвиду Лейтину

Дэвид Лейтин в своей работе «Политическая наука как дисциплина» утверждает: в политической науке есть свой интеллектуальный порядок, однако этот порядок никак не отражается в том, как мы преподаем эту дисциплину студентам¹. Он предлагает исправить такое положение дел, выработав вводный курс, повторяющий подобный стандартный курс в экономике. По причинам, излагаемым ниже, я полагаю, что его представления о порядке в науке иллюзорны, а предписания — пагубны.

Лейтин делает несколько уместных замечаний и предлагает вполне достойную программу вводного курса по политической науке. Однако нам следует благоволить идее превратить данный курс в единственный общеобязательный не больше, чем нам следует благоволить программе по введению французской системы среднего образования в американские школы. Какие бы преимущества министр образования ни извлекал из того факта, что одна и та же глава, один и тот же текст в одно и то же время преподается детям по всей Франции от Дьеппа до Марселя, все же издержки этого для разнообразия и интеллектуальной конку-

¹ *Laitin D. D. The Political Science Discipline // E. D. Mansfield, R. Sisson (eds). The Evolution of Political Knowledge: Theory and Inquiry in American Politics. Columbus: Ohio State University Press, 2004. P. 11–40.*

ренции, для учителей, вкладывающих в свой предмет большие усилия, не говоря уже про все прочие известные преимущества локального образования, значительны. То, что верно для среднего образования, еще более верно для обучения студентов политической науки. Как бы Лейтин ни пытался изменить сложившееся положение дел, у нас нет никакого единодушия относительно того, что преподавать и как, не говоря уже про отсутствие согласия относительно того перечня выводов, которые могут быть включены в общеобязательные вводные курсы. Все методы изучения политики имеют свои ограничения. Нам следует открыто в этом признаться как самим себе, так и нашим студентам.

Подход Лейтина ошибочен по двум причинам. Во-первых, он пытается взять экономику за образец того, что следует сделать с политической наукой, его чаяние — создать для политической науки то, что Самуэльсон создал для экономики. Меня удивляют его ошибочные оценки роли вводных курсов по экономике для экономики как дисциплины. Во-вторых, он предлагает ошибочное деление дисциплины на политическую теорию, изучение политических институтов, сравнительную политологию и международные отношения. Это вполне подходящий способ организовывать курс, однако он, как и любое другое начинание в этой сфере, не лишен спорных моментов, причины этой спорности могут быть найдены в самой работе Лейтина. В конечном счете я делаю вывод о том, что плюрализм вводных курсов для политической науки куда более целесообразен, чем предложение Лейтина.

ЭКОНОМИКА: МОДЕЛЬ ТОГО, КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПОСТУПАТЬ

Исследователей политики нередко критикуют за то, что они неустанно гонятся за идеями, от которых экономисты уже почти отказались. На мой взгляд, в этой критике есть своя доля правды, однако я буду

говорить не совсем об этом. Скорее, хочется отметить следующее: важное различие между тем, как преподается студентам политическая наука и экономика, заключается в том, что представители первой пытаются связать вводные курсы с теми дебатами, которые идут на передовой науки (модель курса Лейтина, в принципе, отражает данную тенденцию), тогда как экономисты этого не делают. Вводные курсы по экономике напоминают нечто вроде стандартизированного текста в юридических школах США (LSAT), но только уже для честолюбивых экономистов: данный механизм призван создавать входные барьеры, которые будут отсекают студентов с нематематическим складом ума, параллельно вдалбливая в проверяемых школьников некоторые элементарные идеи о теории цен. Данные курсы не имеют практически ничего общего с тем, что происходит на передовой экономической науки.

Если просмотреть подборку журналов типа *American Economic Review*, который я регулярно получаю как член Американской экономической ассоциации, то, наверное, наиболее впечатляющий факт — это то, что передовая экономической науки куда больше напоминает передовую политической науки (хотя последняя носит более анархический характер), чем то позволяют предположить стереотипы об экономистах, которые сложились у исследователей политики (вне зависимости от того, продиктованы они завистью или нет). Достоинства TRB оспариваются на уровне самих ее оснований, тенденции в психологической науке оказывают большое и тревожащее влияние на неоклассическую ортодоксию, наблюдается обновленный интерес к влиянию институтов на экономическое поведение, а также на формирование предпочтений². Кроме того,

² Это субъективное ощущение, опирающееся на беседы с экономистами. Вот три случайных примера трех влиятельных экономистов, которые отходят от ортодоксальных экономических моделей человеческого поведения: Daniel McFadden's Nobel lecture. *Economic Choices* // *American Economic*

налицо — под видом «бихевиоральной экономики» — возрастание интереса к прикладной и эмпирической работе, которая еще лет десять назад считалась чем-то, на что обрекается человек в случае отсутствия у него способностей к высокой теории. Даже среди теоретиков последние тенденции в теории игр, а также в изучении аукционов отодвинули экономику на заметную дистанцию от того, что под видом экономики преподносится во вводных курсах.

Один из симптомов разрыва между передним краем науки и вводными, а также многими другими университетскими курсами по экономике заключается в том, что ученые, находящиеся в авангарде, не испытывают никакой заинтересованности в преподавательской деятельности. Они рассматривают преподавание как пустую трату времени, по крайней мере, именно так обстоит дело на тех элитарных факультетах, которые известны мне. Ученые предпочитают прибегать к услугам приглашенных преподавателей и помощников, чтобы те делали за них львиную долю работы по преподаванию. Само собой, администрация факультета, равно как и студенты, испытывает массу недовольства по этому поводу. В связи с тем, что вводные курсы по экономике сводятся к нудным аналитическим процедурам, имеющим в лучшем случае самое отдаленное отношение к тому, что действительно ин-

Review. 2001. Vol. 91. No. 3. June. P. 351–378, об эмпирической обоснованности моделей рационального актора и альтернатив им; Truman Bewley's. *Why Wages Don't Fall During a Recession*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999, его анализ рынков труда отходит от конвенциональных моделей рационального актора в пользу бихевиорального анализа и полевых исследований; наконец, заслуживает внимания акцент Роберта Шиллера на психологических теориях группового поведения (среди прочих используемых им теорий) с целью объяснения механизмов покупки и продажи на американском рынке акций в его общепризнанной работе «Иррациональное изобилие»: *Irrational Exuberance*. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 135–202.

тересует ученых, эти ученые не имеют никакого интереса к данному рода деятельности.

На мой взгляд, такое положение дел в экономике едва ли может быть названо здоровым: дисциплина, в которой существует столь большой разрыв между тем, что происходит на исследовательском фронте, и тем, что преподается студентам, — это дисциплина, находящаяся в кризисе. Политическая наука, столь часто изображаемая как своего рода неряшливая кузина-подражательница экономики (вне всяких сомнений, таково представление Лейтина), находится как минимум в этом отношении в куда лучшем положении. Причина, по которой наши вводные курсы столь сильно отличаются друг от друга, заключается в том, что мы пытаемся связать преподавание с собственными исследовательскими интересами. Анархия курсов отражает ту анархию, которая творится на переднем крае науки, где у ученых складываются альтернативные представления о том, в чем именно заключаются основополагающие для дисциплины проблемы и как именно их следует решать.

Это очевидно на примере целого ряда разделов курса Лейтина, но особенно это очевидно на примере его восьми вызовов демократии³. В данном разделе Лейтин пытается вывести студентов на уровень современных споров о демократии. Его вызовы включают в себя: 1) трудности, которые могут возникнуть при превращении предпочтений избирателей в конкретную политику правительства без того, чтобы не стать жертвой циклов, выделенных Кондорсе еще в XVIII веке, а затем формализованных в теореме Эрроу в 1951 г.; 2) ограниченность выбора, о чем писал Энтони Даунс, в условиях, когда партии все больше сближаются с целью угодить медианным избирателям, отсюда порой следует бессмысленность голосования; 3) неполная информация, которой располага-

³ Laitin. The Political Science Discipline. P. 23–26.

ют избиратели; 4) баланс между теми электоральными системами, которые способствуют или, наоборот, препятствуют стратегическому голосованию, и теми, которые способствуют или препятствуют разрастанию партий; 5) излишняя представленность сплоченных меньшинств и недостаточная подпитка общественных благ, если Мансур Олсон прав в своем выводе о том, что малые группы сталкиваются с меньшими трудностями при осуществлении коллективных действий, чем группы большие; 6) проблемы контроля, которые могут возникнуть между избирателями и политиками, законодателями и бюрократами, исполнителями и судьями; 7) конфликт интересов законодателя, когда он должен исполнять волю избирателей и одновременно учитывать волю лоббистов, взаимные услуги и дискуссии, которые случаются в процессе законодательной деятельности; 8) проблема долга, которая возникает всякий раз, как политик, контролирующий в том числе и военных, должен добровольно оставить свой пост в результате поражения на выборах.

Я не буду возражать, если некий вводный курс будет строить свое рассмотрение проблем демократии вокруг данных тем, хотя, на мой взгляд, Лейтин включает в него целый ряд пунктов, которые бы я включать не стал, кроме того, он оставляет без внимания целый ряд проблем, которые представляются мне важными. Одна из причин избранного им ракурса заключается в том, что он придерживается видения демократии, в котором ключевым является «рациональное» агрегирование электоральных предпочтений. На мой взгляд, агрегирование предпочтений — это сравнительно незначительный аспект демократии. Черты, не связанные с проблемой Эрроу, например, способствование политической конкуренции и оппозиции, представляются мне куда более значимыми. Данное разногласие отражает отсутствие консенсуса среди исследователей политики относительно того, что такое демо-

кратия и почему она желательна. Многие из тех, кто исследует демократию или читает о ней курсы в американских университетах, расходятся друг с другом по данным вопросам куда больше, чем мы с Лейтином. Учитывая вышесказанное, пытаться представить ситуацию так, как если бы у ученых существовало согласие по данным вопросам, значит, дурачить самих себя и студентов. На мой взгляд, второе куда хуже первого, но и первое — не самая радостная перспектива. Впрочем, обман внешнего мира ради успешного выбивания грантов из фондов и бюджета⁴ едва ли лучшая перспектива.

Не так давно я закончил работу над учебным пособием, основанным на том обзорном курсе, который читался мной в течение последних двух десятилетий. В процессе работы я столкнулся с этой же проблемой⁵. С одной стороны, курс предназначен для того, чтобы дать студентам представление о тех нормативных спорах, которые идут среди политических теоретиков; я пытался дать им понять, что именно, на взгляд различных исследователей, стоит на кону и почему разные ученые действуют именно так, как они действуют. С другой стороны, курс написан с определенной точки зрения, исходя из которой я и формулирую проблему так, как мне представляется наиболее важным. Соответственно, в предисловии я указываю, что, хотя данная книга и предназначена для вводных занятий, это никак не учебник и что я буду считать свою

⁴ Лейтин вплотную подходит к данной позиции, когда пишет: «Есть и иные причины придерживаться единой концепции дисциплины. Исследователи-политики вредят себе, когда описывают свою дисциплину как „кляксу“ или „большой зонтик“. Грантодатели воспринимают нас все более скептически. Пару лет назад Национальный научный фонд увеличил ассигнования на психологию и педагогику за счет политической науки». Ibid. P. 37.

⁵ Шапиро И. Моральные основания политики / пер. с англ. под ред. В. С. Малахова. М.: КДУ, 2009.

миссию выполненной, если мои коллеги используют данную работу как полезный педагогический инструмент, но при этом не преминут оспорить многое из того, что в ней написано. Схожее признание противоречивого по самой своей основе характера политической науки имплицитно содержится в потрясающе мудром наставлении, данном Ирой Кацнельсон и Хелен Милнер тем, к кому они обратились с просьбой написать статью для сборника «Политическая наука: состояние дисциплины», который вышел в 2002 г. Нас попросили дать обзор некой области политической науки, но сделать это не теряя своего собственного голоса и исходя из определенной точки зрения⁶.

ПЕРЕМЕННЫЕ ПРОТИВ ПРОБЛЕМ

Мое второе возражение касается предложений Лейтина о том, что обучение и исследование следует выстраивать вокруг зависимых, а не независимых переменных. Я полностью разделяю приоритеты Лейтина, предпочитающего избегать независимых переменных как организующей основы для преподавания дисциплины. Помимо того, что пытаться совершенствовать инструменты и подбирать методы до того, как станет понятно, что же именно мы собираемся изучать, чинить или строить, банально глупо, просто не существует никакого другого более быстрого способа отбить у студентов всякий интерес к предмету. В отличие от аспирантов и младшего преподавательского состава, многие из которых по понятным, хотя и грустным, причинам уверены в том, что их карьера будет зависеть от того, будут ли они изучать теории и методы, излюбленные теми, от кого, на их взгляд, зависит их институциональный статус, талантливые студенты

⁶ Katznelson I., Milner H. (eds). *Political Science: The State of the Discipline*. 3rd ed. Washington, DC: American Political Science Association, 2002.

имеют нюх на то, что действительно важно, они стремятся проникнуть в самую суть академического исследования⁷.

И все же стремление Лейтина избежать организации преподавания и исследований вокруг независимых переменных вступает в противоречие с его рекомендациями относительно внутренней структуры дисциплины. Он не очень углубляется в анализ того, что не так с акцентом на независимых переменных при преподавании (например, в случае с исследованием детализированной проблемы мы все знаем о ловушках, поджидающих тех, кто выбирает исследовательские проекты на основе зависимых переменных). Зависимость или независимость переменной определяется выбранной для анализа проблемой. Важность или неважность изучения политических институтов зависит от того, считаются ли они значимыми для понимания того, что пытаются исследовать. Я так и не понял, считает ли Лейтин, что мы должны изучать институты, потому что они являются важной независимой переменной или же важной зависимой переменной. Для того чтобы прояснить данный вопрос, ему пришлось бы предложить свою концепцию того, что он считает ключевыми вопросами политики, которая, как это ни удивительно, нигде в его анализе не фигурирует.

Например, если политику определить как изучение того, кто что получает, когда, где и как, то в этом случае институты важны, но вовсе не обязательны. В начале XX века институты считались чем-то чрезвычай-

⁷ В данной связи интересен следующий факт: пару лет назад мой коллега на экономическом факультете Йельского университета читал курс о патологиях ТВВ для совместного потока студентов старших курсов и аспирантов. По его словам, студенты оказались сильно заинтересованы в его аргументах, тогда как аспиранты относились к курсу, как если бы он не имел никакого отношения к их сфере деятельности.

но важным, однако затем они утратили популярность как независимые переменные. Марксисты, представители теории элит, бихевиоралисты и первое поколение сторонников ТРВ стали считать такие факторы, как классовая позиция, доступ к инструментам власти, политическое поведение и индивидуальные интересы, более значимыми для предопределения политических исходов. В последние годы институты вновь обрели популярность среди исследователей политики, они снова стали важными объяснительными переменными. Отчасти данное возвращение было обусловлено крахом иных подходов к получению субстанционального знания, отчасти — тем, что историки прекратили воспринимать изучение институтов как побочный продукт их интереса к социальной истории. Но каковыми бы ни были причины, сегодня очевидно одно: политическая наука вновь вернулась к институтам, появились различные методологические подходы и их представители, пререкающиеся относительно того, кого из них следует считать «настоящими» новыми институционалистами.

Я не пытаюсь занять одну из сторон в этом споре, просто мне представляется не слишком мудрым ставить структуры нашей дисциплины в зависимость от истинности или ложности той или иной теории или гипотезы. Возможно, следующее поколение исследователей обнаружит, что институты значат куда меньше, чем кажется на сегодняшний день. Например, последние исследования, посвященные демократической стабильности, позволяют утверждать, что Линц и его коллеги отчасти ошибались, полагая, будто бы именно парламентские институциональные формы объясняют большую стабильность парламентских систем по сравнению с системами президентскими. Встречающиеся вариации вполне могут зависеть и от иных факторов, например, от структуры коалиционной политики или от представленности

партии президента в законодательной власти⁸. Из общих исследований по стабильности режимов сегодня можно сделать вывод, что экономические переменные более важны, чем переменные институциональные⁹. Обратите внимание, перед нами плоть и кровь продолжающихся исследований, но никак не основа для организации или реорганизации дисциплины всякий раз, как некая теория обретает популярность или уходит в тень.

Похожим образом можно прокомментировать и анализ Лейтином таких дисциплин, как международные отношения и сравнительная политология. Многие инновации в данных сферах были вызваны отказом от очевидных барьеров, разделяющих внутреннюю политику и внешнюю: исследователи международных отношений перестали смотреть на национальную политику как на «черный ящик». Данный отказ стал результатом признания того, что большинству людей всегда казалось очевидным: внутренняя политика оказывает значимое влияние на международное поведение стран. Кроме того, есть некая произвольность в том, почему тот или иной аспект политики провозглашается частью именно международных отношений, а не внутренней политики. Например, гражданские войны — часть внутренней политики, тогда как войны между странами — часть международных отношений. Однако возьмите национальные границы государств в Африке,

⁸ См.: *Foweraker J. Institutional Design, Party Systems and Governability — Differentiating the Presidential Regimes of Latin America // British Journal of Political Science. 1998. Vol. 28. No. 4. October. P. 651–676; также см.: Cheibub J., Limongi F. Parliamentarism, Presidentialism, Is There a Difference? Unpublished, Yale University, 2000.*

⁹ *Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. Ch. 2.*

они были нанесены на карту колониальными администрациями XIX — начала XX века, при этом не учитывались интересы никаких групп, которые попали внутрь границ или же были ими разделены. Как результат, то, что внешним наблюдателям и исследователям международных отношений представляется войнами между странами, для самих участников может быть гражданской войной или наоборот. Следовательно, структура дисциплины не соответствует изучаемым феноменам.

Что касается сравнительной политологии, то здесь также достаточно странным представляется тезис Лейтина о том, что различия в политике стран должны стать основной единицей анализа еще до того, как имела место спецификация проблемы. Если есть желание понять различные национальные электоральные системы, то подобный тезис имеет смысл, однако существует масса проблем, требующих сравнительного исследования, когда логичней представляется анализ региональных или иных форм внутриполитических различий. Наиболее очевидный пример здесь — это федеративные системы, но и город также представляет собой проблему, при изучении которой внутриполитические сравнения могут оказаться куда результативней, чем сравнения на национальном уровне. Так, Роберт Патнем в своем изучении факторов, определяющих работу институтов в Италии, постулирует внутриполитические региональные вариации как ключевые единицы анализа¹⁰. Можно себе представить ситуацию, когда придется исследовать транснациональные регионы, например, в случае создания региональных политико-экономических объединений, будь то Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) или Европейский союз (ЕС).

¹⁰ Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Как уже должно стать очевидным, на мой взгляд, лучший способ организовать как преподавание, так и исследование — ориентировать их на проблемы, но никак не на переменные. Если мы ставим перед собой цель заинтересовать способных студентов в политической науке (впрочем, мой тезис верен и без этого соображения), то нашим первым шагом должно стать указание на проблему и обоснование ее важности. Затем должна следовать строгая детализация избранной проблемы, подразумевающая в том числе и вычленение того, что собой представляют как зависимые, так и независимые переменные. После этого уже можно выдвигать гипотезы и подбирать наиболее подходящие инструменты для их оценки. Такая последовательность должна соблюдаться при каждом подходе к проблеме. Вопреки тому, что сегодня происходит в экономике, форма университетского преподавания политической науки должна воплощать именно эту последовательность. На мой взгляд, пока она ее успешно воплощает. Существование множества вводных курсов в политическую науку обуславливается тем, что исследователи политики расходятся в своем понимании как политики, так и тех вопросов, которые достойны изучения. В результате они естественным образом приходят к разной спецификации проблем и методов их изучения.

На мой взгляд, это вполне здоровое положение дел. Опасность, от которой исследователям политики следовало бы охранять себя, заключается в смешении дисциплины с объектом изучения. Большинство людей приходят в политическую науку потому, что они хотят понимать политику и, возможно, даже оказывать на нее влияние, а вовсе не потому, что их интересует политическая наука как дисциплина. Этот факт очень просто упустить из виду, есть масса профессиональных стимулов, способствующих этому. Необхо-

димо противостоять этим стимулам в пользу подхода, ориентированного на проблему. Именно этот подход обосновывался на страницах данной книги: инструменты следует подбирать под проблемы, которые были выбраны по независимым основаниям, эти проблемы не могут быть функциями данных инструментов. Если расплата за такой подход — плюрализм образовательных программ, воплощающих конкурирующие подходы к политике, то пусть будет так. Эти издержки куда меньше тех, которые придется платить за то, чтобы напоминать современных экономистов. Если мы будем верны себе, тогда мы не превратим свою дисциплину в некое замкнутое пространство, обслуживающее интересы функционеров от науки, и, соответственно, сможем сделать что-то действительно важное. В любом случае сегодня есть основания полагать, что экономисты начали осознавать недостатки ортодоксии, утвердившейся в их дисциплине. По крайней мере, признаки этого уже прослеживаются если не в педагогической работе, то уж точно в их исследовательской практике.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ИЭН ШАПИРО

БЕГСТВО ОТ РЕАЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор
ТАТЬЯНА ПАЛЬГУНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 13,3
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1270. Заказ № 3450

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN: 978-5-7598-0823-7

Иэн Шапиро

Бегство от реальности
в гуманитарных
науках

В

В Ы С Ш А Я

Ш К О Л А

Э К О Н О М И К И